

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 5 (251)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 5 (251). – 156 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Андрей Рябов.</i> Россия на постсоветском пространстве: Лидер интеграции или партнер поневоле?	5
<i>Алексей Кива.</i> Демонстрационный эффект в условиях глобализации. (На примере событий в арабских странах)	10

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>М. Шорова.</i> Факторы и механизмы этнополитического раскола в Кабардино-Балкарии	29
<i>Муслимат Габиева.</i> Светское и конфессиональное в современном дагестанском обществе	36
Города и люди: Социокультурная трансформация в Казахстане	43
<i>Е. Бородин.</i> Клановый характер устройства Киргизской Республики	48
<i>Абдулло Хаким Рахнамо.</i> Частное религиозное образование в Таджикистане: Современное положение, проблемы и выводы	60

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Керим Хас.</i> Позиция Турции и России в контексте сотрудничества в Евразийском регионе	76
<i>В. Куришаков.</i> Шиитский фактор во внешней политике Ирана	85

<i>Кристиан Коутс-Ульрихсен.</i> Арабские решения арабских проблем? (Изменение региональной роли стран Персидского залива)	99
<i>Д. Левнер.</i> Арабская диаспора США и ее интеграция в американское общество	109

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Р. Ланда.</i> Исламизм и империализм: Соперники или союзники?	127
<i>Юрий Почта.</i> Мусульманский мир: Роль института гражданского общества в процессе принудительной демократизации	140

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Андрей Рябов,

ПОЛИТОЛОГ

РОССИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЛИДЕР ИНТЕГРАЦИИ ИЛИ ПАРТНЕР ПОНЕВОЛЕ?

Внешняя политика России на постсоветском пространстве определяется интеграционными устремлениями, и нет сомнений, что эта направленность сохранится в период нового президентства. События последних лет, прошедших со времени глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., неожиданно вдохнули новое дыхание в попытки Кремля консолидировать вокруг себя хотя бы часть территории, которую некогда занимал Советский Союз. А ведь еще совсем недавно казалось, что Москва окончательно утратила инициативу в борьбе за влияние на постсоветском пространстве. Содружество Независимых Государств (СНГ) как самое крупное межгосударственное объединение в регионе постепенно угасало: со временем даже протокольные саммиты на высшем уровне, к которым, строго говоря, и сводилось его функционирование, посещало все меньше лидеров постсоветских стран. Другие интеграционные проекты (ЕЭП, ОДКБ, Таможенный союз, ЕврАзЭС) так и не удалось развить до уровня эффективно действующих международных организаций. Но кризис внес в устоявшиеся тенденции серьезные коррективы.

Для стран, находящихся в европейской части постсоветского пространства, рухнула, по крайней мере на обозримую перспективу, надежда на интеграцию в Европейский союз. Суровая действительность вынудила отказаться от представления о «европейском выборе», которое, в сущности, строилось на мечте о том, что скоро должен прийти богатый германский или французский инвестор и «вытянуть» страну на уровень высоких западных стандартов развития и потребления. США максимально прагматизировали свою

политику на постсоветском пространстве. Они отказались от бушевской стратегии продвижения демократии на восток и сосредоточились на сохранении присутствия в тех немногочисленных точках региона, которые важны с точки зрения глобальных интересов США в сфере безопасности. Что же касается Китая, то, несмотря на его растущую экономическую мощь и все более активное присутствие на постсоветском пространстве, перспектива иметь Поднебесную в качестве основного внешнеполитического партнера пока не вызывает энтузиазма у расположенных здесь стран. Таким образом, Россия, которая смотрит на постсоветское пространство сквозь призму геополитического соперничества, оказалась в ситуации, когда она может не опасаться конкуренции со стороны других глобальных акторов.

В свою очередь и для некоторых постсоветских государств Россия в силу разных причин оставалась, хотя и не обязательно желанным, но единственно возможным партнером, на чью помощь они могут опереться. Так, Армении Москва продолжала предоставлять «зонтик безопасности», значение которого еще более усилилось, поскольку попытки нормализации армяно-турецких отношений провалились, а при этом напряженность вокруг Нагорного Карабаха не только не ослабевает, но даже усиливается. Для таких стран, как Киргизия и Белоруссия, исключительно важное значение имеет экономическая помощь, которую они получают со стороны России. Да и в ряде других стран, чьи правительства по-прежнему предпочитали воздерживаться от решительных шагов в направлении более тесного сотрудничества с Россией, ширилось понимание, что собственными силами, без участия в каких-либо интеграционных проектах, их государствам едва ли удастся добиться прогресса в социально-экономическом развитии и повышения уровня жизни своих граждан. Все эти процессы происходили не из-за того, что Россия внезапно оказалась уж очень привлекательной для жителей стран-соседей по постсоветскому пространству. Просто эти страны обнаружили, что иные внешние альтернативы нереалистичны. Попытки самостоятельно выбраться из трясины посткоммунистических реалий с их системной коррупцией, произволом чиновничества и социальным неравенством, напоминающим африканские государства, так ни к чему и не привели, причем даже там, где эти попытки происходили в форме революционной смены власти на фоне массового стремления покончить с советским прошлым.

Таким образом, для России возникли очень благоприятные, а возможно, даже уникальные условия для реализации ее интеграционных устремлений. Иное дело, что далеко не все страны интересовали Москву в качестве потенциальных партнеров по интеграции. Но и для России в нынешнем посткризисном мире значимость интеграционных проектов существенно выросла. Кризис 2008–2009 гг. показал ограниченность российских возможностей: стало очевидно, что, опираясь на имеющиеся ресурсы, России будет крайне сложно сохранить за собой важную роль в мировой политике в первой половине XXI в. Для того чтобы чувствовать себя уверенней на международной арене, российскому руководству нужно представлять не только себя, но говорить от имени группы государств, решивших создать общее экономическое пространство, и проводить согласованную политику в сфере безопасности и внешнеэкономических связей.

Именно поэтому в последние годы Кремль так активно продвигал проект Таможенного союза и прилагал немалые усилия по укреплению ОДКБ, одновременно заботясь о расширении функций этой военно-политической организации. А в 2011 г. было анонсировано создание новой международной организации – Евразийского союза с участием России, Казахстана и Белоруссии. Судя по всему, именно этот проект и задуман Москвой как базовый: без его успешной реализации не удастся добиться углубления сотрудничества в рамках всех прочих региональных организаций на территории постсоветского пространства, в которых Россия играет ключевую роль.

Евразийский союз со временем мог бы стать серьезным региональным игроком, объединяющим производственные мощности российской и белорусской экономик с природными ресурсами и транзитными возможностями государств Центральной Азии. В этом случае новый Союз стал бы также и важным экономическим игроком, связывающим Тихоокеанскую Азию, которая будет одним из главных локомотивов мирового развития в первой половине нынешнего столетия, с Большой Европой. Тем более что сама идея подобного проекта не вызывает отторжения у народов постсоветских государств – часть из них уже заявили о вхождении в состав Союза, а другие намерены присоединиться к нему позднее. Однако на пути строительства Евразийского союза существуют серьезные проблемы, которые будущему президенту России и его правительству необходимо учитывать, поскольку в противном случае они рискуют превратиться в непреодолимые препятствия.

Первая проблема состоит в том, что сегодня этот проект выглядит как бюрократический, сконструированный чиновниками правительственных ведомств нескольких стран. И даже если предположить, что они идеально просчитали все экономические возможности и риски, без опоры на интересы бизнеса разных уровней проект интеграции все равно будет иметь ограниченную жизнеспособность. Только заинтересованность бизнеса, причем в первую очередь в реализации крупных инфраструктурных проектов, может придать интеграционным процессам устойчивость и необратимость. Создание таких условий, которые сделали бы проект Евразийского союза привлекательным для бизнеса на самом деле, и есть одна из главных задач, стоящих перед правительствами всех стран-участниц, и прежде всего российского.

Вторая проблема – это дефицит массовой поддержки. Пока во всех интеграционных начинаниях Москва предпочитала двигаться по пути, который казался российским лидерам наиболее простым: они договаривались с лидерами сопредельных стран о двустороннем сотрудничестве в различных сферах, подкрепляя дружбу значительной финансовой поддержкой. Но такой подход за 20 лет существования постсоветских государств неоднократно демонстрировал свою неэффективность. Как правило, граждане соседних государств не успевали почувствовать социально-экономические преимущества от дружбы с Россией. Бывало, что с уходом из политики того или иного лидера, с которым были достигнуты соответствующие соглашения, фактически умирали и проекты сотрудничества. Этот недолгий по времени, но печальный исторический опыт указывает на то, что интеграционные проекты могут стать успешными лишь при условии, если во всех странах, участвующих в их реализации, по поводу этого участия существует широкий национальный консенсус. К сожалению, на постсоветском пространстве правящие режимы не привыкли советоваться со своими гражданами по вопросам внешней политики, да и внутренней, впрочем, тоже. Отношения между властью и гражданами здесь строятся не так, как в Европе, где для членства в Европейском союзе помимо прочих условий требовалось еще согласие большинства населения государств-претендентов, которое определялось на всенародных референдумах. Но постсоветские подходы, основанные на верхушечных договоренностях, делают интеграционные проекты слишком уязвимыми и зависимыми от того, что обычно называется «субъективным фактором». Вот и сейчас нет уверенности в том, что на уровне обществ России, Казахстана и

Белоруссии уже сложился общенациональный консенсус в отношении целей и задач Евразийского союза. Более того, нет уверенности даже в том, что он существует на уровне правящих элит, например в Казахстане. Значит ли это, что в силу названных причин проект обречен? Вовсе нет. Сказанное означает лишь, что правительство России должно работать с общественным мнением – в первую очередь собственной страны, но и стран-партнеров тоже. Если российские власти сумеют убедить людей в целесообразности создания Союза, это существенно укрепит жизнеспособность проекта.

Еще одна проблема, которую российские власти обычно создают собственными руками, связана с попытками вовлечь другие постсоветские страны в интеграционные проекты – это касается не только Евразийского союза – помимо воли самих этих стран.

Наиболее рельефно это прослеживается на истории российско-украинских отношений. Очевидно, что несмотря на многочисленные экономические и социальные трудности, любое правительство Украины будет стремиться избегать участия в региональных проектах, предполагающих тесную форму интеграции с Россией. В Москве, к сожалению, до сих пор исходят из того, что соседние постсоветские страны можно принудить к вхождению в тот или иной интеграционный проект с помощью экономического и иного давления. На деле подобная тактика лишь усиливает отторжение навязываемых извне альтернатив и порождает очередную волну разговоров о «новом российском империализме». Словом, успешность интеграционных проектов, тем более таких амбициозных, как Евразийский союз, может основываться только на принципе добровольности. Отчасти российские элиты должно успокаивать то, что, в отличие от Советского Союза, который не мог существовать без Украины, Евразийский союз может вполне обойтись и без этой страны. Да и стремление взять на себя огромные долговые обязательства и многочисленные социально-экономические проблемы столь большой страны, как Украина, сопряжено с серьезными рисками: у России может просто не хватить на это ресурсов. В данной связи целесообразнее подумать о том, как строить политику на основе развития двусторонних отношений с Украиной.

И еще одно важное соображение для российских политиков, касающееся взаимодействия с постсоветскими странами, которые – вполне естественно – в отношениях с Россией руководствуются жестким прагматическим интересом, рассчитывая получить от нее либо экономическую помощь на долгосрочной основе, либо гаран-

тии безопасности. При этом ни одна страна, даже самая слабая и зависимая, не позволит, чтобы кто-то извне определял ее внутреннюю политику и внутренний политический порядок. Недавние истории с выборами в непризнанных или частично признанных республиках – Приднестровье и Южной Осетии – стали яркой иллюстрацией данного утверждения: и в той, и в другой республике московский ставленник потерпел поражение. Поэтому в современном мире с его сложностью и многообразием политика, ставящая перед собой цель установить всеобъемлющий контроль над другим государством, ведет лишь к обратным результатам и заранее обречена на провал.

Наконец, в заключение хотелось бы напомнить, что любой интеграционный проект, в котором Россия хочет играть системообразующую роль, будь то абсолютно новый или уже имеющий длительную историю, может иметь долгосрочные перспективы только в том случае, если российская модель политического и социального порядка окажется привлекательной для других постсоветских государств. А в современную эпоху привлекательность определяется, прежде всего, благосостоянием, социальной и правовой защищенностью граждан, возможностями для их самореализации. Если в обозримое время это не произойдет и Россия сохранит за собой прежнюю роль спонсора и гаранта безопасности, а также страны, привлекающей трудовую миграцию, но при этом не слишком приветливой, то рано или поздно постсоветским государствам со стороны третьих стран будут предложены иные интеграционные альтернативы, более интересные и перспективные.

*«Повестка дня нового президентства.
Московский Центр Карнеги», М., 2012 г., с. 19–23.*

Алексей Кива,

политолог

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ

В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

(На примере событий в арабских странах)

Демонстрационный эффект

как спутник общественного развития

«Арабская революция» для мира, как и для самих арабских стран, явилась как гром среди ясного неба. Вопрос не в том, что

для этого не было причин. Он в том, что мало кто думал, что в целом ряде арабских стран сложилась ситуация, о которой классик говорил: верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить, как прежде. И даже когда массовые волнения в Тунисе привели к бегству из страны президента Бен Али, многие наши арабисты, в том числе с большим стажем и глубоким знанием предмета, не могли предсказать, как дальше будут развиваться события в арабском мире. Некоторые из них рассуждали примерно так. Да, Тунис – это что-то вроде продолжения Франции. Там многие тунисцы учились и работали, многие там и сейчас живут. Училась там и немалая часть правящей элиты, включая первых лиц, таких как бывшие президенты Хабиб Бургиба и Бен Али. Отсюда и стремление образованной части тунисского общества, и прежде всего молодого поколения, к свободе и демократии, с одной стороны, и сдержанность политического руководства и силовых структур в отношении применения вооруженной силы для подавления антиправительственных демонстраций – с другой.

А в Египте ситуация-де совсем другая, там гарантом политической стабильности является армия, которая и создала существующий режим, притом что президент Хосни Мубарак сам является боевым генералом. Другая она, дескать, и в Ливии, купающейся в нефтедолларах и имеющей популярного в народе лидера Муамара Каддафи. Как писал корреспондент ИТАР-ТАСС в Тунисе А. Козин, «Ливия... полагают эксперты, слишком богата, чтобы позволять себе реализовывать тунисско-египетские сценарии с туманными перспективами для улучшения благосостояния населения».

Потом заговорили о демонстрационном эффекте, который чуть ли и не является главной причиной массовых выступлений в арабских странах. Называли даже имена тех молодых парней, которые с помощью социальных сетей вывели молодежь на улицы, притом что основная масса населения, якобы, стоит в стороне от взбунтовавшейся молодежи. Да, несомненно, демонстрационный эффект сыграл свою роль в мобилизации недовольных жизнью людей и прежде всего наиболее социально активной и динамичной их части в лице молодежи. Только этот феномен является естественным спутником исторического развития. Одни народы в силу благоприятно сложившихся обстоятельств, в том числе геополитических, вырываются вперед в своем цивилизационном и культурном развитии. Другие по разного рода причинам от них отстают, но, имея перед собой пример, стараются у тех что-то перенять,

чтобы ускорить свое развитие. Если не углубляться далеко в историю, то можно найти множество примеров на этот счет. Это и реформы Петра I, и выступление декабристов, многие из которых после разгрома армии Наполеона побывали во Франции и видели там более передовое общественное устройство, чем в царской России. Это и появление «Первого философического письма» Петра Чаадаева (1829 г.) как реакция на увиденное им в ходе путешествий по странам Европы. Оно сыграло, с одной стороны, роль катализатора раскола образованного слоя общества (а в итоге и массового сознания) на западников и славянофилов как результат петровских реформ. А, с другой стороны, стало началом процесса самопознания, на что указывал Николай Бердяев. Но особенно сильное влияние на мир оказали Великая Французская революция и Великая Октябрьская социалистическая революция.

Естественно, что роль демонстрационного эффекта возрастает по мере расширения международных связей и развития средств коммуникаций. Уже появление книгопечатания в середине XV в. сыграло большую роль в распространении информации в Европе, если не в мире в целом. Но этот процесс резко ускорился после появления телеграфа, радио, телефона, не говоря уже о нынешних средствах массовой коммуникации, и особенно Интернете, в условиях глобализации.

Пример роли демонстрационного эффекта в историческом процессе являют собой так называемые страны догоняющего развития. Речь идет главным образом о бывших колониях и полуколониях. Причем влияние внешнего фактора шло, если так можно сказать, волнами. Первая волна появилась под влиянием успехов СССР, других стран социализма и выразилась в отрицании элитами большинства освобождающихся стран капитализма как общественной системы в пользу социализма как символа прогрессивных перемен. При этом социализм понимался и соответственно назывался местными элитами по-разному: «арабским», «африканским», «дестуровским», «исламским» и т.д. Из этого разнообразия «социализмов» выросла – при активной поддержке СССР – социалистическая ориентация освободившихся стран, или некапиталистическое развитие. Руководство целого ряда стран объявило о своем следовании научному социализму.

В то же время под влиянием пришедших к власти в результате военного переворота патриотически настроенных офицеров Египта во главе с Насером, взявших курс на полное национальное освобождение, противоборства арабских стран с Израилем и ряда

других факторов, на идею социализма наложилась идея национализма и появился термин «национальный социализм». Под влиянием египетской революции и личного авторитета Насера произошли военные перевороты в Ираке, Сирии, Ливии, Сомали, Судане.

Демонстрационный эффект дает о себе знать и в развитых странах. Так называемая студенческая революция во Франции в 1968 г. оказала сильное влияние едва ли не на все европейские страны. Автору этой статьи во время его пребывания в качестве приглашенного профессора научно-исследовательского института в Германии немецкие коллеги рассказывали, что до этой революции они себя чувствовали зажато и в политическом, и в бытовом плане. Под влиянием этой революции государство «ослабило вожжи», расширились рамки демократии, появился демократический стиль в одежде, возникло даже понятие «встреча без галстуков». «Майская революция 1968 г., – писал один автор, – свершившаяся без крови и коммунистов, сделала западную цивилизацию другой. Отныне инакомыслие стало узаконено. В лексиконе западной демократии навсегда утвердились понятия “альтернативного образа мышления” и “альтернативного образа жизни”».

По принципу демонстрационного эффекта в 1960-х годах зародилось и движение «новых левых». Первоначально оно было направлено против бездуховности, «общества потребления», массовой культуры, конформизма, унификации человеческой личности и т.д., но вскоре, однако, его участники стали прибегать к экстремистским методам борьбы против официального общества.

Ответ властей на массовые выступления недовольных жизнью граждан

Ответ на массовые выступления в арабских странах в принципе был ожидаем. Скопления народа разгонять, применяя водометы, слезоточивый газ, вплоть до огнестрельного оружия. Очевидно, правители помнили, как легко справился с взбунтовавшимся населением Хамы в 1982 г. Асад-старший. Пустив в ход танки, тяжелую артиллерию, он стер с лица земли большую часть города, уничтожив при этом от 25 до 30 тыс. его жителей. И это ему сошло с рук. СССР промолчал, ибо сирийский режим считал своим союзником, но и на Западе это не вызвало бури. Дело не только в том, что времена изменились, изменились и люди. В том

числе в арабских странах. В том числе и в их силовых структурах. В одних случаях полицейские отказывались стрелять в народ вплоть до ухода с улиц. В других случаях армия не только не поддерживала главу государства, но и требовала его отставки.

«Жасминовая революция», т.е. бескровная революция, в Тунисе на деле была подкрашена кровью, поскольку в ходе антиправительственных выступлений, по данным ООН, погибли 219 человек и были ранены 510 человек. И в Египте антиправительственные выступления масс, хотя в наиболее активной фазе непродолжительные, по данным новых властей, были оплачены гибелью 846 человек и более чем 5 тыс. раненых. Волнения в Йемене затянулись на многие месяцы, точных данных о числе погибших и раненых на момент, когда пишется эта статья, нет. Но президента Али Салеха (уже бывшего) не осудили ни в США, ни в странах Евросоюза, поскольку Йемен занимает исключительно важное стратегическое положение, позволяющее контролировать выход из Индийского океана в Красное море. И хотя официально в Йемене нет военной базы США, Вашингтон, по мнению экспертов, имеет возможность использовать территорию этой страны для дислокации там военных самолетов. Еще большие жертвы в ходе подавления властями антиправительственных выступлений, перерастающих в гражданскую войну, уже понесли сирийцы. О числе жертв власти дают одни цифры, а правозащитники – совсем другие, они говорят о многих тысячах погибших. Но, конечно же, больше всего погибло людей в Ливии, где много месяцев продолжалась ожесточенная гражданская война и где имели место бомбардировки авиацией стран НАТО широко разветвленной военной инфраструктуры режима Каддафи, когда тоже гибли люди.

В странах Запада применительно к событиям в арабском мире часто употребляются такие выражения, как «арабская революция», «арабская весна», «долгожданные перемены» и пр. Где революция, а где контрреволюция, еще судить рано. Революция убирает все то, что мешает прогрессу и открывает перед обществом возможности более быстрого развития и улучшения благосостояния людей. Если же этого не происходит и тем более если общество откатывается назад в социально-экономическом и политическом развитии, то это с исторической точки зрения революцией никак не может быть названо.

В разгар всех этих событий известный политолог, президент фонда «Политика» Вячеслав Никонов писал: «Гражданская война с применением всех имеющихся видов оружия началась в Ливии, с

применением пока ограниченного арсенала вооружений – в Йемене, Бахрейне и Сирии. Шансы на сохранение существующих режимов в этих странах далеки от 100%-ных. На грани большой гражданской войны балансируют Алжир и Иордания. В Ираке и Афганистане – мощный *всплеск* террористической и протестной активности, все более непосредственно направляемой против американского военного присутствия. Катар и Объединенные Арабские Эмираты, напротив, выступили на стороне Запада против давно ими не любимого безбожника и социалиста Каддафи, внося окончательный разброд в и без того расколотый арабский мир... Нестабильность Большого Ближнего Востока – надолго». Да, ситуация в арабском мире непростая и трудно предсказуемая. Но она вызвана объективными причинами, и об этом следует серьезно говорить.

Логика арабских потрясений

Даже на научных конференциях порой можно слышать о том, что революции – впрочем, в данном случае иная стилистика – мятежи, безответственные выступления толпы и т.д. – спровоцированы внешними силами. Произносятся и, казалось бы, давно забытые слова о «вашингтонском обкоме». А более осторожные в выборе слов аналитики говорят о попытках Вашингтона совершить новый передел в свою пользу «Большого Ближнего Востока». И мне припомнилось выражение яркого египетского журналиста в период президентства Гамалы Абделя Насера Мухаммеда Х. Хейкала. В западной прессе его постоянно называли «Хейкал Насера». В один прекрасный момент он взорвался и заявил: «Я Хейкал Хейкала, а не Насера!» Революции в арабском мире – это арабские революции, имеющие внутренние причины. Они спровоцированы арабскими реалиями, а не внешним вмешательством, которое, конечно, тоже может быть, но при этом далеко не решающим и не обязательно американским, а, например, иранским. Они вызваны рядом факторов.

Первое. Это прежде всего ухудшение социальной ситуации в целом ряде арабских стран после начала мирового финансово-экономического кризиса. Цепная реакция массовых движений – где бунтов, а где и революций – как известно, началась в Тунисе. Кстати сказать, одной из развитых и почти поголовно грамотных арабских стран, до кризиса неплохо зарабатывавшей на туризме. 17 декабря 2010 г. мелкий уличный торговец из числа образован-

ной безработной молодежи М. Буазизи из городка Сиди-Бузид в отчаянии совершил акт самосожжения после того, как полицейский конфисковал его тележку с фруктами и овощами. А эта торговля помогала выжить его матери и сестрам. И поскольку в положении М. Буазизи были сотни тысяч молодых тунисцев, которым оторвавшиеся от народа власти не дают даже выжить в условиях безработицы и нарастающей нищеты, то его самосожжение стало толчком к взрыву массового протеста, застрельщиком которого в сложившихся условиях стала молодежь. 25 января 2011 г. примерно по тому же сценарию начались волнения в Египте, в том числе несколько самосожжений, и примерно по тем же причинам: подорожание жизни, огромная безработица среди молодежи, нарастающее недовольство властью.

Эксперт Института стратегических оценок и анализа С. Демиденко дает такое видение ситуации: «Что роднит ситуацию в Тунисе, Египте и большинстве арабских стран? Это все неразвитые страны... вне зависимости от их богатства, их благосостояния. Есть страны, которые сидят на нефти и могут при помощи дармового, но колоссального источника средств затыкать различного рода социальные дыры. Есть государства, которые лишены этого источника доходов. К этим государствам относятся Египет, Тунис, Сирия, Иордания. Соответственно, в период каких-то сложных социально-экономических потрясений в этих государствах просто нет этого ресурса. Я пока сугубо даю схему. Соответственно, случается какое-то потрясение, которое приводит к таким последствиям. В данном случае потрясением, вне всякого сомнения, явился мировой финансовый кризис. И события... на Ближнем Востоке, вне всякого сомнения, являются последствиями этого мирового социально-экономического кризиса».

А вот оценка ситуации в арабском мире академика РАН Евгения Примакова: «Мы совершенно справедливо концентрировались в своих оценках на набиравшем силу радикальном ислализме в мусульманском мире и как-то оставили в стороне возможность “традиционных” социальных революционных взрывов. Вообще посчитали, видно, что процесс революций, сметающих консервативные, авторитарные режимы, ушел в прошлое, в том числе в развивающихся странах. События в Тунисе и в Египте показывают, что это не так».

Второе. Это коррупция, огромный разрыв между богатыми и бедными, диктаторский стиль правления первых лиц, обросших кланами, частными интересами, уверовавших в свою безнаказан-

ность, вправе самолично распоряжаться ресурсами страны, передавать власть своим детям или близким людям. Засидевшиеся в своих властных креслах правители потеряли не только живую связь с народом, понимание проблем, с которыми сталкиваются простые люди, но и чувство времени. Да и как не потерять?! Бен Али правил в Тунисе 23 года, Хосни Мубарак в Египте – 30 лет, Али Абдалла Салех в Йемене – 30 лет, Хафез Асад и его сын Башар – соответственно, 30 и 11 лет, Каддафи в Ливии – 42 года. Причем по примеру Сирии Мубарак и Каддафи готовили себе в преемники своих сыновей. А ведь, как говорил гениальный Ф.Д. Рузвельт, каждое поколение имеет право на выбор форм общественной жизни и способов государственного правления. Корреспондент ИТАР-ТАСС в Каире Д. Пьяных пишет: «В многочисленных беседах с египтянами все они в один голос утверждали, что до середины 1990-х годов президент Хосни Мубарак отвечал всем чаяниям и требованиям народа. Ситуация резко изменилась в 2002 г., когда он ввел во власть совершенно не популярного в народе сына Гамалы, бизнесмена и экономиста, продвигая его себе на замену, против чего категорически выступал народ. Он потянул за собой в высшие эшелоны власти бизнесменов, еще больше разрушая “кумовством” уже давно погрязший в коррупции чиновничий аппарат... Достигшая невероятных размахов коррупция, кумовство, заскорузлый, неповоротливый и откровенно старый чиновничий аппарат, а главное, стагнация и застой – вот чем характеризуется египетская власть последних 10–15 лет. Египет все эти последние годы делал вялые и слабые попытки выбраться из вязкого болота. Уставшие по возрасту политики не стремились особо радовать о чаяниях народа, все больше отдаляясь от него, что, собственно, и вменяют Мубараку в вину простые египтяне, а государством по уже укатанным правилам и нормам командовала госбезопасность и лица от правящей партии, которые подавляли, фальсифицировали, подтасовывали в своих интересах, отчаянно пытаясь удержаться на плаву. Поэтому и казались последние шаги и меры уходящего египетского президента слишком малыми, слишком запоздалыми – он уже был не в состоянии реально оценить масштабы охвативших страну перемен».

Третье. Решение социальных проблем во многих странах усложняет быстрый рост населения. За последние 30 лет численность населения в арабском мире выросла в два раза. И чем беднее страна, тем более высокий естественный прирост населения. Например, в Йемене он составляет 3,1%, что больше темпов роста

ВВП. Ситуацию как-то смягчали денежные переводы, которые поступали от йеменцев, работавших в богатых нефтью странах, и прежде всего в Саудовской Аравии. И хотя в последние годы естественный прирост населения в целом по арабским странам снизился с 3% и более до 2,4–2,2% (а кое-где даже еще ниже), ежегодный прирост ВВП, за исключением богатых нефтью стран Персидского залива, не позволяет им успешно решать проблему безработицы и нищеты. Необходимо либо увеличивать рост производства, либо вводить в практику планирование семьи, как это делается в Китае.

Но первое трудно решается из-за скудости внутренних ресурсов, а второе наталкивается на сильное сопротивление мусульманских традиций, хотя целенаправленная просветительская работа властей все же дает положительные результаты. Если взять самую крупную и самую перенаселенную арабскую страну, Египет, то с 1995 по 2011 гг. население выросло с 60 до 85 млн. человек, притом что ежегодно на рынке труда появляется более миллиона человек. В то же время годовой доход на душу населения составляет по обменному курсу 2 тыс. долл. США, по паритету покупательной способности (ППС) – около 4 тыс. долл., а средние темпы роста ВВП – около 5% в год (которые, однако, в 2011 г. из-за революционных потрясений упали до 1,2%). Такие темпы роста и такой душевой доход в принципе не позволят успешно решать острые социальные проблемы. Для ускорения роста требуется, помимо усечения «коррупционной дани» и рационального использования средств, еще и более высокое качество власти и правящей элиты. Ведь, в сущности, именно это обеспечило быстрый рост Китая.

Четвертое. Массовое недовольство вызывало и вызывает правление этноконфессиональных меньшинств. В Ираке при Саддаме Хусейне правили сунниты (20% населения), причем едва ли не все высшее руководство страны происходило из маленького городка Тикрит. В Сирии, наоборот, правит шиитское меньшинство алавитского толка. Лишь 10–12% населения составляют алавиты, но они занимают ключевые посты во власти, в армии, держат в руках около 60% бизнеса. Режим опирается на поддержку теократического шиитского Ирана, что, естественно, вызывает недовольство в арабских странах, для которых Иран является конкурентом в борьбе за лидерство в регионе. Притом что еще не забыто, что в войне между Ираком и Ираном Сирия была на стороне шиитского режима Хомейни. Но справедливости ради надо признать, что в обеих странах (Ираке и Сирии) религиозный фактор не играл ре-

шающей роли в общественной жизни, поскольку объявившие себя ориентирующимися на построение социализма правящие партии Баас (Партия арабского социалистического возрождения) создавались по образу и подобию КПСС. Правда, в СССР они и им подобные партии позаимствовали однопартийные системы, имитационные выборы, пожизненное пребывание первых лиц у власти, спецслужбы типа КГБ, жестоко подавляющие инакомыслящих. И природа вырождения этих режимов примерно такая же, как и коммунистических режимов. (Но надо признать и другое: с режимом Башара Асада борются не демократы, как это пытаются представить многие на Западе, а силы, среди которых велико влияние исламистов, и еще неизвестно, что лучше, а что хуже для будущего Сирии. Другое дело, что своей негибкой политикой Асад фактически завел ситуацию в тупик и настроил против себя весь арабский мир.)

Но в последние десятилетия под влиянием целого ряда факторов (шиитская революция в Иране, вовлеченность СССР в гражданскую войну в Афганистане, крах реального социализма и распад СССР, агрессия США против Ирака и их военные действия в рамках НАТО в Афганистане) ситуация изменилась: ислам стал заполнять образовавшийся вакуум в сфере идеологии. Наибольший перекося с точки зрения представительства во власти указанных ветвей ислама (суннизма и шиизма) наблюдается, кроме Сирии, в Бахрейне, где королевская династия представлена суннитами, которых насчитывается 25% против 75% шиитов. Но Бахрейн – одна из наиболее либеральных арабских стран с относительно высоким уровнем жизни, и местные шииты требуют не смещения суннитской династии во главе с королем шейхом Хамид бен Иса аль-Халифа, а демократизации. Однако аналитики указывают, что, получив большинство во власти в ходе демократических выборов, шииты могли бы потребовать объединения королевства с Ираном, руководители которого не раз заявляли, что Бахрейн был его 14-й провинцией. Но дело не только в этом. Как писал аналитик М. Томпсон в американском журнале «Тайм», «если в Бахрейне рухнет монархия, под угрозой окажется база американского Пятого флота, площадь которой по итогам недавно запущенного США проекта с бюджетом в 580 млн. долл. должна быть расширена вдвое... Беда в том, что Бахрейн – самый важный опорный пункт США в Персидском заливе. Кроме того, база в Бахрейне играет ключевую роль в деле слежения за расположенным на другой стороне залива Ираном». Можно назвать еще Йемен, в котором сун-

ниты составляют 60% населения, а шииты – 40%, однако в общественной жизни страны большую роль играют племенные объединения, нежели конфессиональные различия.

Пятое. Турбулентные события в арабском мире, конечно же, так или иначе связаны с глобализацией и информационной революцией. В последние десятилетия появились новые средства связи между людьми как в странах, так и в глобальном масштабе. Появилось и поколение пользователей социальных сетей. «Сейчас поднимает голову и стремится взять управление в своих государствах новое поколение – поколение переломных 1990-х, о котором писались трактаты и в России, и в Европе. Это поколение своим мышлением качественным образом отличается не только от своих родителей, но даже от старших братьев эпохи 1970-х. Они не хотят слышать проповеди о правилах поведения и идти на поводу у пропаганды, они сами себе власть – “пятая, народная, власть”, появления которой так долго ждала история и которая сейчас мобилизуется в социальных сетях типа “Фейсбук” и “Твиттер”, формируя там свое собственное общественное мнение. О роли пока не подконтрольного и не подцензурного Интернета в становлении нового революционного сознания еще будет написано немало научных диссертаций. Опуская наиболее вероятное вовлечение внешних сил в события в Египте, которые еще предстоит выяснить и оценить, стоит сказать однозначно: революция 25 января и произошедшие в Египте изменения были бы невозможны без молодежи. И этот фактор ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов».

Что же касается внешнего вмешательства, то оно, конечно, было, только не оно стало спусковым крючком для арабских потрясений. В частности, Е.М. Примаков, что называется по горячим следам, писал: «Я нахожусь сейчас (02.02.2011 г.) в Вашингтоне, где проходят встречи по Ближнему Востоку с американскими коллегами. И по их настроению, а также по выступлениям американской печати, которая полна описаниями египетских событий, видна, по меньшей мере, настороженность – задаются вопросы: как повлияют эти события на отношения Египта и США, ведь Вашингтон считал одной из самых главных своих опор на Ближнем Востоке режим Мубарака. Египет, главным образом на нужды армии, получал американскую помощь в 1,5 млрд. долл. в год. Конечно, тревоги затрагивают проблему – не окажут ли события в Египте влияние на положение в арабских странах – производителях нефти. Задаются вопросы, как скажутся эти события на проблемах арабо-израильского урегулирования – Египет

был первой арабской страной, которая в 1979 г. подписала мирный договор с Израилем. Вопросов много – на них ответит время».

Просчеты Запада

Что бы в мире негативного ни случилось, многие наши граждане готовы приписывать проискам Запада и в первую очередь США. Между тем американцы были сильны в политике в период противоборства двух мировых систем. Для выработки средств разрушения СССР мирным путем изнутри были задействованы лучшие американские умы. Воспользовавшись слабостью стареющего советского руководства и нарастающим недовольством советских людей условиями жизни, Вашингтон заставил Кремль бросить огромные средства на подготовку к мифическим «звездным войнам», а также подтолкнул его на ввод войск в Афганистан. Все это еще больше истощало и без того истощенную многолетней гонкой вооружений советскую экономику, вело к снижению жизненного уровня граждан и способствовало усилению их недовольства социализмом уже как системой. Использовались и многие другие способы подрыва устоев реального социализма. Например, цель Хельсинкских соглашений (1975 г.) состояла не в том, чтобы законсервировать существующие границы государств, а в том, чтобы породить диссидентское движение в СССР и других соцстранах. А 1986 г., когда уже началась перестройка, США убедили Саудовскую Аравию резко увеличить поставки на мировой рынок нефти, чтобы сбить на нее цены и поставить в трудное положение советское руководство, что на деле и произошло. Вашингтон умело использовал слабости М. Горбачёва и успешно манипулировал Б. Ельциным, чем впоследствии похвалялись бывшие высокопоставленные чиновники США.

Однако американцы, как справедливо отмечал Е.М. Примаков и как это подтверждают многие арабисты, не предвидели развития событий в арабском мире. После развала СССР США стали единственной в мире сверхдержавой и Вашингтон, решив, что ему все позволено, стал терять чувство реальности, делая одну ошибку за другой. Это – прежде всего две войны – в Ираке и Афганистане. Это также угроза президента Буша применить силу против стран «оси зла» – Северной Кореи и Ирана, что заставило их искать спасение в обладании ядерным оружием. Вряд ли Буш предвидел, в какую сложнейшую мировую проблему превратится, в частности, его угроза Ирану. Как и то, к чему приведет его почти маниакаль-

ное стремление насаждать американскую демократию в странах, к этому не подготовленных ходом исторического развития. Нет никакой гарантии, что Ирак пойдет по пути демократии после того, как из него ушли американские войска. Нельзя исключать и того, что шииты, которых в Ираке большинство, пойдут на сближение с шиитским Ираном. А после вывода войск США и их союзников из Афганистана велика вероятность возвращения к власти талибов.

Но с ситуацией в Афганистане так или иначе связана политическая стабильность в Пакистане, главном союзнике США в Центральной Азии. А она внушает тревогу с учетом ухудшения жизненного уровня населения после катастрофического наводнения и агрессивной реакции исламистов на убийство американским спецназовцем Бен Ладена. США фактически вынудили генерала Первеза Мушаррафа (которого сторонники светской Пакистанской народной партии обвиняли в причастности к убийству ее лидера Беназир Бхутто) в 2008 г. уйти в отставку с поста президента, и новым президентом стал ее вдовец Асиф Али Зардари. С тех пор обстановка в стране стала с каждым годом ухудшаться. «Администрация Джорджа Буша буквально силой вытряхнула Мушаррафа из генеральского мундира, – говорил газете “Известия” аналитик лондонского Chatham House Гэрет Прайс. – Сделано это было из лучших побуждений, в рамках проводимой тогда Вашингтоном политики “экспорта демократии” и в силу нежелания сотрудничать с военной диктатурой». Однако в итоге, по словам британского эксперта, США вместо демократии получили в Пакистане хаос... За четыре последующих года демократическое правительство Пакистана продемонстрировало столь вопиющую некомпетентность и коррумпированность, что страна оказалась на грани политического коллапса и потери субъектности. Непосредственная угроза утраты Исламабадом контроля над своими ядерными арсеналами и перехода их в руки исламистов из пакистанского отделения «Талибана» вынуждает США прибегнуть к крайнему средству – попытке реставрации режима Первеза Мушаррафа.

Почему же американцы – причем не только правящий класс, но и общество в целом – так слепо верят в то, что демократия может функционировать в любой стране, если будут созданы ее институты? Ведь мировой опыт показывает, что представительная демократия может пустить корни только в сравнительно развитом обществе. В неразвитых, бедных, малограмотных обществах она не приживается, равно как и в крестьянских странах, ибо сознание крестьянства, как правило, носит авторитарный характер, часто

неотделимо от утопических представлений, от монархических (вождистских) настроений. Перед тем, как уйти из своих колоний, Британия создала в них зачатки демократических институтов, которые, однако, вскоре были «выметены» диктаторскими и авторитарными режимами. (Исключением является, пожалуй, только Индия, но это особый случай.)

Дорогу демократии торит развитие экономики, социальной сферы, просвещения, изменение массового сознания, а не наоборот! Но ведь есть и американский опыт. США удалось направить по пути демократии оккупированные их войсками развитые Западную Германию и Японию, а отсталая Южная Корея, в которой тоже находились их войска, после провала попыток внедрить «американский образ жизни» прокладывала путь к демократии через военные диктатуры.

Ответ на поставленный вопрос, как представляется, надо искать в истории США, где не было «божьих помазанников» в лице королей и царей, а также князей, графов и их придворных, не было титульных наций (не считая частично уничтоженных, частично загнанных в резервации индейцев), не было холопов, а соответственно и массового холопского сознания. Люди, переселившиеся из разных стран, но преимущественно из Англии, где уже существовала парламентская демократия (пусть еще и для незначительного меньшинства населения), в 1787 г. приняли демократическую конституцию, которая вместе с одобренными в 1789 г. первыми 10 поправками («Билль о правах») в своей основе существует до сих пор. И, очевидно, в массовое сознание американского общества глубоко вошло представление, что не развитие рождает демократию, а демократия – развитие. Это можно сформулировать так: «Демократические институты – превыше всего!» А то, что демократические институты позволили прийти к власти фашистам в Германии, а сторонникам теократии – в Иране, в счет не принимается.

Подобные представления получили распространение и в либеральных кругах европейских стран, в особенности в кругах правозащитников, среди парламентариев ПАСЕ, а в какой-то мере и в руководящих кругах Евросоюза. Многие из них просто не знают, как много лет ушло на формирование нынешней представительной демократии, и они склонны абсолютизировать институт демократии как форму, не думая о ее содержании. И что характерно? Они категорически не приемлют политику президента Ирана Махмуда Ахмадинежада, но, очевидно, забывают, что он, будучи мэром Те-

герана, именно в ходе президентских выборов на альтернативной основе победил более умеренного во взглядах, более компромиссного тогдашнего президента страны Хатами Рафсанджани, с которым мировая общественность связывала возможность постепенной либерализации теократического режима. И, кстати, ему помогла в этом плохо просчитанная политика в отношении Ирана президента США Буша-младшего.

Израильский политолог Нехемия Штрассер говорит по поводу «арабской весны»: «Революции в арабских странах всегда заканчиваются плачевно. Они начинаются из-за бедственного экономического положения и повышения цен на продукты питания. Народные массы выходят на улицы, власти приказывают армии подавить бунт. Если армии это удастся – революция откладывается на несколько лет. Если нет – военные присоединяются к демонстрантам, и диктатор теряет власть. Затем проходят “свободные выборы”, результаты которых не имеют никакого отношения к демократии, к которой простодушно призывают Египет Барак Обама и Ангела Меркель. Хорошо организованные группировки захватывают власть в стране. Так, радикальные исламисты захватили власть в Иране, ХАМАС – в Газе, “Хизболла” – в Ливане». Этот сценарий, по мнению Штрассера, может повториться в Египте, и к власти придут «Братья-мусульмане».

Слова Штрассера уже сбываются. В Тунисе к власти пришла запрещенная при прежних режимах исламская партия «Ан-Нахда» («Возрождение») во главе с вернувшимся из 20-летней лондонской эмиграции Рашидом Ганнуши. Это партия умеренного ислама, ассоциирующая себя с правящей в Турции «Партией справедливости и развития», которую возглавляет премьер-министр Р. Эрдоган. В Египте к власти пришла «Партия свободы и справедливости» ассоциации «Братьев-мусульман», ранее запрещенных в стране. Ее подпирают салафиты, мечтающие навязать стране средневековые порядки. Под влиянием «арабских революций» и прошедших в феврале 2011 г. в Марокко митингов, участники которых требовали ограничения полномочий короля в пользу правительства, король Мохаммед VI в духе этих требований провел конституционную реформу. И на парламентских выборах в ноябре 2011 г. победила оппозиционная партия «Исламское правосудие и развитие». Можно не сомневаться, что и в Ливии к власти придут исламисты. Если созданный Асадом-старшим режим падет, то не исключается, что и в Сирии к власти придут исламисты. Притом что необыкновенную активность в деле борьбы со светскими режима-

ми в арабских странах проявляет Р. Эрдоган, очевидно, рассчитывая, что чем больше в арабских странах у власти будет исламских партий, тем сильнее будут в них позиции Турции и сильнее будут ее позиции в отношениях с Евросоюзом.

Россия и события в арабских странах

Наши власти в свое время простили режиму Каддафи многомиллиардные долги России – притом что в пересчете на душу населения в Ливии были большие валютные резервы, чем у нас. Это делалось, насколько можно судить, в расчете на новые военные заказы, на освоение на ливийской территории месторождений нефти и газа и т.д. И можно понять эмоции наших олигархов и тесно связанных с ними высоких чиновников, которым во что бы то ни стало хотелось сохранить режим Каддафи. Но политику определяют не эмоции, а национальные интересы.

Они же диктуют нам и конструктивные отношения со странами Запада, если мы хотим сохранить Россию от распада. Чего не достичь, не осуществив модернизацию. А это невозможно без новой техники и технологий и внешних инвестиций, которые мы можем получить только в странах Запада. Китай это хорошо понимает и ведет себя очень гибко, умно, никогда не доводя дело до конфронтации с Америкой и странами Евросоюза, которым он сбывает львиную долю готовой продукции и получает у них новую технику и технологию, целые производства. Не в «капиталистическую Россию», а в «коммунистический Китай» идут с Запада инвестиции, высокие технологии, едва ли не все международные компании создали на его территории научно-исследовательские центры. Такая политика дала возможность Китаю за короткий исторический срок осуществить индустриализацию и добиться огромных успехов в сфере высоких технологий, став третьей в мире космической державой.

Можно понять тех наших граждан, кто с горечью видит, как год от года сокращаются наши позиции в мире, с таким трудом в свое время завоеванные советскими людьми. Еще в бытность СССР Америка вытеснила нас из Египта, потом мы лишились рынка сбыта своей военной продукции в Ираке. Теперь теряем позиции в Ливии, скорее всего, потеряем их и в Сирии. Но нужно ли нам стремиться сохранять позиции, завоеванные некогда могущественной сверхдержавой в лице Советского Союза, у которого были еще и союзники? Да и по силам ли это нынешней России, которая

за годы квазилиберальных реформ потеряла промышленность, сектор высоких технологий, понесла невосполнимые потери в науке, имеет ВВП в 10 раз меньше, чем у США? Нужен ли нам сирийский порт Тартус, куда заходила группа наших боевых кораблей во главе с авианесущим крейсером «Адмирал Кузнецов»? У нас четыре флота и только один авианесущий крейсер, в то время как у США 11 авианосцев в строю и 10 в резерве, у Британии – 3, у Франции – 2, как и у Италии. Это не считая строящихся авианосцев. Нам надо думать не о том, чтобы строить из себя глобальную державу, а о том, как сохранить Россию в нынешних границах и в нынешней идентичности. Нам надо все силы бросить на создание современной экономики! Ибо если энергоносители, дающие нам основные доходы, кончатся, или потеряют в цене раньше, чем мы решим эту задачу, то катастрофический сценарий развития России станет неизбежным. В свое время недалёковидное советское руководство, стремясь расширить границы «мирового социализма», связалось в войну в Афганистане и довело СССР до распада.

«Арабская революция» раньше или позже кончится, а что потом?

Точно сказать об этом не представляется возможным, но кое-какие предположения сделать можно. В экономической области ситуация в ближайшие годы скорее ухудшится, нежели улучшится. За время массовых выступлений – революций, беспорядков, бунтов – охваченные ими страны к концу 2011 г. потеряли около 60 млрд. долл. Обещанная Евросоюзом помощь «революционным режимам» из-за его собственных острых финансовых проблем вряд ли существенно улучшит их положение. Сложная ситуация остается в Тунисе, где имеется огромная армия безработных. Благополучие этой страны во многом связано с туризмом, по которому сильно ударил мировой кризис. Чем быстрее он будет преодолен, тем скорее и успешнее начнут решаться ее острые социальные проблемы.

Но особенно в тяжелом положении оказался Египет, который, помимо хорошо известных причин, вынужден был принять многочисленных соотечественников, работавших в Ливии. И вопрос вопросов: сохранит ли свою монолитность армия, которая только и может удержать страну от еще больших катаклизмов. Если да, то страна по-прежнему сможет получать помощь от США и, возможно, от других стран. Есть опыт Турции, в которой в периоды ост-

рых общественных кризисов армия брала бразды правления в свои руки и добивалась нормализации политической ситуации. Но есть и опыт Ирана, в котором армия вначале безуспешно пыталась справиться с антиправительственными выступлениями, а потом была разложена исламистами. Что можно утверждать наверняка, так это то, что в нынешнем Египте для демократии в ее общепринятом понимании условий нет. Стране нужна сильная власть, которую могут установить и исламисты. Если они проявят гибкость, то смогут получать помощь от богатых стран Персидского Залива. Без иностранных инвестиций трудно мыслимо решение социально-экономических проблем этой страны. Но оно также трудно мыслимо без твердой в ней власти и порядка.

Ливия объективно имеет возможности сравнительно быстро справиться с последствиями гражданской войны. В банках западных стран хранятся принадлежащие ей немалые валютные резервы, и, если вернуть в страну иностранных специалистов и рабочих, которые уехали из нее в период гражданской войны, то можно в сравнительно короткий срок восстановить работу нефтегазового сектора и наладить нормальную жизнь в стране. Но это при условии, что Ливия не станет ареной противоборства политических сил и племен, которые по-разному оценивают и свержение режима Каддафи, и вмешательство в гражданскую войну западных стран.

Что касается Сирии, то пока нет ясности, как может сложиться в ней ситуация. Интересную мысль на этот счет высказал высокопоставленный сотрудник вашингтонского Национального фонда поддержки демократии Рахман аль-Джебора. Он считает, что уход Асада с поста, чего ждут от него многие его критики, не решит проблему. «Не отдельная персона власти должна уйти, должна уйти система, не Асад-отец и не Асад-сын, а режим, который формировался и усиливался почти 45 лет». Все окружение Асада, подчеркивает эксперт, выросло в этой системе и абсолютно заинтересовано в сохранении этого режима. «У них нет будущего без Башара Асада, поэтому они пойдут с ним до конца. Итогом будет или коллапс, или победа системы». Аль-Джебора заключает, что в условиях санкций режим Асада может продержаться около пяти лет.

Какой напрашивается итоговый вывод? Очевидно, арабским странам – если не всем, то большинству – придется пройти через исторический этап исламских режимов разной степени жесткости. Другой объединяющей идеи у них нет. Мир знает три мощных мобилизующих народ начала: национальное, социальное и религиоз-

ное. Национализм, который был господствующей идеей во времена Насера, давно себя исчерпал. Идея социализма (с элементами, где национализма, а где и религии) ушла в прошлое вместе с уходом реального социализма. Осталась идея ислама, которая наиболее глубоко укоренена в сознании широких масс и которая является не только идеологией, но и образом жизни. А еще и надеждой тех, кто разочаровался в светских формах общественной жизни.

Что же касается идеи демократии, то, как представляется, она не уйдет с политической арены, тем более в условиях глобализации и информационной революции. Но в основном она будет либо интегрирована в исламский режим, как в Иране, либо носить имитационный характер, как и во многих светских автократиях. Наверняка будут и такие политические системы, в которых сохранятся демократические институты и в условиях правления исламских партий умеренного толка, как, например, в Турции.

*«Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации»,
М., 2012 г., с. 49–63.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Шорова,

востоковед

(Кабардино-Балкарский государственный
университет)

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАСКОЛА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Изучение этнополитических процессов в современной Кабардино-Балкарии (КБ) представляет большой научный и практический интерес. Некоторые исследователи считают, что здесь в полной мере присутствует набор характеристик, включаемых в кризисную и конфликтную северокавказскую парадигму. Рассматриваемая проблема находится в центре внимания не только широкого круга ученых, но и непосредственных акторов исследуемых процессов, что порой служит причиной субъективности подходов к анализируемым проблемам. В связи с этим обуславливается необходимость объективного осмысления современных этнополитических процессов в Кабардино-Балкарской Республике (КБР).

Первый критический рубеж в этнополитической жизни современной КБР, грозивший республике расколом, пришелся на 1990-е годы. В условиях общего кризиса и ослабления системы центральной и республиканской власти национальные движения КБ взяли в свои руки инициативу по выражению и реализации национальных интересов, что вызвало политическую активность этноориентированных общественно-политических объединений и привело к этнополитическому расколу. На данном этапе руководство КБ предприняло адекватные конституционно-правовые меры на этнонационалистические «вызовы» национальных движений, что сделало идею раскола КБ практически невозможной. Теперь национальные движения, деятельность которых некогда носила ра-

дикальный характер, ставят перед собой по большей части не политические, а экономические цели. Кроме того, титульные народы КБР, традиционно лояльные по отношению друг к другу, при всей остроте тех или иных конфликтных ситуаций, имевших место в 2000-е годы, высказывали свою оппозиционность властям.

В новых условиях общественно-политической жизни балкарские идеологи стали расценивать инициативы республиканских властей по изменению системы муниципальных образований как посягательство на национальные интересы. Первые выпады в сторону руководства республики были вызваны принятием постановления правительства КБР от 3 августа 2002 г. о передаче пастбища государственного земельного запаса Эльбрусского района в бессрочное пользование нескольким государственным унитарным предприятиям. Аналогичное решение было принято и по Зольскому району, населенному преимущественно кабардинцами.

Недоверие со стороны национальной общественности было вызвано и намерением республиканских властей придать поселку Эльбрус статус города республиканского подчинения, и возможной приватизацией туристических комплексов в Приэльбрусье, что лишало бы руководство Эльбрусского района каких-либо рычагов воздействия на курортно-туристическую зону. Еще более активный резонанс вызывала законодательная инициатива республиканских властей 27 февраля 2005 г. в отношении Приэльбрусья. Было принято два закона, относивших значительное число пастбищ к межселенным территориям, не принадлежащим ни к одному из сельских муниципальных образований. Кроме того, четыре населенных пункта в пригороде Нальчика – Адиух, Белая Речка, Кенже и Хасанья – вводились в состав Нальчикского городского округа, лишаясь тем самым статуса самостоятельных муниципальных образований.

Вследствие принятых властью решений в конце марта 2005 г. главы 20 балкарских сел и лидеры ряда общественных движений подписали Обращение к руководству республики с требованиями: отменить антиконституционный и противоречащий законодательству РФ Закон «О статусе и границах муниципальных образований в КБР»; отменить незаконное решение о присоединении сел Хасанья и Белая речка к городу Нальчику и ликвидацию их местного самоуправления; восстановить в соответствии с Законом «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.1996 г. (ст. 3 и 6) Чегемский и Хуламо-Безенгиевский районы (ликвидированные в результате политической репрессии по национальному

признаку) в ранее существовавших границах; остановить информационную войну в СМИ, акции запугивания и непрерывную череду действий по ущемлению жизненных интересов балкарского народа, продолжение которых может привести к обострению обстановки в республике. При этом в Обращении указывалось, что это «никоим образом не ущемляет интересы и права других народов, проживающих в единой КБР, и направлено на восстановление справедливости и укрепление братских отношений межнационального согласия в республике».

На VI съезде общественной организации балкарского народа «Алан» был подтвержден курс на конструктивное сотрудничество с властями. При этом указывалось, что республиканским руководством был предпринят целый ряд провокационных шагов, среди которых: попытка преобразования с. Эльбрус в город республиканского подчинения с выводом его из состава Эльбрусского района и «растворением местного населения среди приезжих»; принятие закона «О статусе и границах муниципальных образований», который, по мнению членов съезда, «практически лишил балкарские села сенокосов, пастбищ, лесов, рекреационных ресурсов, других объектов жизнедеятельности и относил подавляющую часть территории Балкарии к межселенным территориям». Так, изменения, инициированные республиканскими властями в системе муниципальных образований, стали новым фактором этнической мобилизации.

Происходившие в республике события порой не вписывались в тактику противостоящих сторон. Так, в мае 2005 г. за две недели до референдума по вопросу о границах муниципальных образований был застрелен А. Зокаев, депутат горсовета г. Нальчика. Это событие усугубило противоречия Балкарского национального движения и властей. В апреле 2007 г. по инициативе Президента КБР и ряда общественных организаций на брифинге в Фонде культуры было заявлено о создании движения «Единая Кабардино-Балкария», куда вошли «Адыгэ Хасэ», «Алан», 18 национально-культурных центров, Фонд культуры и Союз кинематографистов. Целью движения провозглашались консолидация всех сил и противостояние любой агрессии, политической в том числе, чтобы в КБ процветали мир, стабильность, единство. Примечательно, что к движению не изъявил желание присоединиться Совет старейшин балкарского народа, тем самым высказав свою радикальную позицию. Явной победой этноориентированных общественно-политических сил стало решение Конституционного суда о РФ

15 мая 2007 г., касающееся муниципальной реформы в КБ. Законы стали предметом судебных разбирательств по двум принципиальным позициям: по вопросу учета мнения населения при фактической ликвидации муниципальных образований в силу их включения в состав других населенных пунктов и по вопросу о создании межселенных территорий в КБР. В жалобах утверждалось, что положения законов не связывают предусмотренное ими изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, а также преобразование и упразднение муниципальных образований и упразднение их представительных органов с необходимостью получения согласия населения этих муниципальных образований. Тем самым нарушается право граждан на осуществление местного самоуправления и самостоятельность местного самоуправления. Кроме того, заявители считали, что поскольку КБР относится к субъектам РФ с высокой плотностью населения, выделение в ней межселенных территорий (т.е. территорий, находящихся вне границ поселений) неправомерно; включение же сельских населенных пунктов в состав городского округа ведет к потере их населением статуса сельских жителей и, соответственно, к потере ряда льгот, лишению пастбищных и сенокосных угодий, рекреационных земель, возможности заниматься традиционным промыслом – животноводством, а также к нарушению права муниципальной собственности. После вторичного рассмотрения иска было признано, что изменение границ муниципальных образований все-таки не могло пройти без учета мнения их жителей.

15 июня 2007 г. в Верховный суд КБР был направлен иск Совета старейшин балкарского народа о невыполнении решения Конституционного суда, а также Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» органами власти КБ. Таким образом, этнополитические процессы стали приобретать более динамичный характер. 14 июля 2007 г. был проведен несанкционированный митинг балкарской оппозиции, выдвинувший следующие требования: «Обеспечить неукоснительное выполнение всех Федеральных законов, Конституции РФ, определения Конституционного суда РФ от 3.04.07 г. на всей территории КБ; реализовать право жителей сельских поселений на обладание земельными паями на безвозмездной основе; восстановить территориальные права муниципальных образований – сел, у которых отторгнуты «межселенные территории»; восстановить муниципальные органы власти сел, присоединенных к городским округам вопреки Конституции, Федеральному закону и определению Конституционного суда РФ;

согласовать пределы пограничной зоны на территориях населенных пунктов в строгом соответствии со ст. 16 ФЗ «О государственной границе».

11 октября 2008 г. состоялся съезд Совета старейшин, резолюция которого, по сути, повторяла требования балкарских съездов начала 1990-х годов: «а) Восстановить принципы образования КБ на условиях Постановления ВЦИК РСФСР от 16.01.1922 г. б) Во исполнение Федерального закона “О реабилитации репрессированных народов” завершить до 1.02.2009 г. полную территориальную реабилитацию репрессированного балкарского народа, имея в виду восстановление (в пределах их землепользования по состоянию на 8 марта 1944 г.) всех четырех противоправно ликвидированных районов компактного проживания балкарцев. в) Обеспечить на всей территории КБР, являющейся субъектом РФ, неукоснительное соблюдение норм Федерального законодательства, особенно Закона № 131-ФЗ от 6.10.2003 г. “Об основных принципах организации местного самоуправления на территории РФ”. г) До полной реализации указанных мер приостановить, а затем и отменить на территории КБР действие всех законодательных актов республики, противоречащих Федеральным законам, имея в виду, в первую очередь, законы КБР № 12-РЗ и № 13-РЗ от 27.02.2005 г. ЗО, признанные определением Конституционного суда РФ от 3 апреля и 2 октября 2007 г. противоречащими Конституции РФ». В случае невыполнения этих требований съезд давал полномочия старейшинам балкарского народа обратиться к федеральным властям «с просьбой о признании конституционного права балкарского народа на полное самоопределение в составе РФ в качестве его прямого субъекта».

Таким образом, федеральные и республиканские органы власти позволили сторонникам радикальных мер национальных движений вновь взять инициативу в свои руки. При этом этноориентированные общественно-политические объединения очередной раз продемонстрировали неспособность достижения согласия в республике компромиссным путем.

Очевидно, республиканское руководство не могло допустить как нарастания в республике межнациональной напряженности, так и усиления противостояния власти. С целью примирения сторон 1 ноября 2008 г. в столице КБ был проведен Гражданский форум, посвященный теме межэтнических отношений, организатором которого выступил Общественно-консультативный центр при Президенте республики. В форуме приняли участие национально-

культурные центры и творческие союзы, политические партии, общественные организации, в том числе и оппозиционные. Важным является решение участников форума о том, что структуры гражданского общества должны солидарно противостоять явлениям, когда требования, методы, действия и акции тех или иных структур вызывают социальную напряженность, наносят ущерб межнациональному согласию и идут вразрез с требованиями закона. «Способом решения любых возникающих проблем, имеющих этнический аспект, в КБ должен быть открытый и сдержанный диалог и гражданского общества, направленный на поиск конкретных форм и механизмов решения этих проблем».

Важным шагом в сторону стабилизации обстановки в КБ стало принятие поправок к Закону «О статусе и границах муниципальных образований». Поправки существенно урезали межселенные территории в республике. Среди районов с преобладанием балкарского населения они были полностью ликвидированы в Эльбрусском, частично в Черкесском и Чегемском. Ряд национальных организаций столь резкое изменение взгляда на вопрос о межселенных территориях воспринял настороженно. Так, Совет старейшин балкарского народа выразил обеспокоенность тем, что земли, потерявшие статус межселенных территорий, могут быть объявлены республиканской собственностью и снова выведены из-под контроля сельского самоуправления. Об отмене межселенных территорий высказались и адыгские организации. Координационный совет адыгских общественных организаций указал на то, что пастбищные земли, передаваемые горным селам, «традиционно и исторически находились в общем пользовании как при царской России, так и при советской власти у всех населенных пунктов КБ независимо от национальной принадлежности». Также в заявлении утверждается: «Общественные организации национальной ориентации... целенаправленно под надуманным флагом борьбы за устранение межселенных территорий осуществляют политику расширения любым способом границ...».

Отметим, что ранее, до изменения позиции республиканских властей, проблемы межселенных территорий адыгские организации озвучивали редко. Тем не менее 21 декабря 2008 г. межрегиональная общественная организация «Балкария» осудила обращение ряда кабардинских общественных организаций к руководству республики, в котором говорилось об ущемлении интересов кабардинских населенных пунктов. «Я не сомневаюсь, что это сделано с подачи государственных органов, – заявил первый замести-

тель председателя “Балкарии” Р. Бабаев. Кабардинскому народу пытаются внушить, что во всех бедах виноваты балкарцы, они отнимают землю. Но балкарцы не говорят, что будет граница между Кабардой и Балкарией... Главное, чтобы была территория, на которой народ мог бы развиваться. Мы не утверждаем, что вся земля, все объекты будут принадлежать балкарцам. Пусть принадлежит негру, австралийцу, канадцу, кабардинцу, русскому... Сейчас рыночные отношения». В итоге «Балкария» приняла решение обратиться к кабардинскому народу с предложением «раскрыть эту змеиную махинацию, призванную разжечь огонь между народами. Нам надо обратиться к простому кабардинцу, он поймет, что ни один балкарец не придет и землю вокруг его села хватать не будет».

30 октября 2009 г. Парламентом КБР были приняты законопроекты, согласно которым в Черкесском и Эльбрусском районах были ликвидированы межселенные территории, а все земли переданы девяти балкарским селам. Это вызвало протесты адыгской общественности. Механизм этнополитического раскола на почве межнационального противостояния был запущен. 17 ноября 2009 г. в г. Нальчике по инициативе Координационного совета объединенных адыгских организаций прошел митинг, на котором прозвучали требования вернуть ситуацию с отгонными пастбищами в положение, существовавшее до 2005 г., принять закон об отгонном животноводстве, а потом уже решить проблему межселенных территорий. 28 ноября 2009 г. Парламент КБР на основании обращения глав администрации сельских поселений Аушигер, Закжово, Жемтала, Лечинкай, Шалушка и Координационного совета адыгских общественных организаций приостановил рассмотрение законопроектов об изменении границ муниципальных образований в республике. Накануне указанных событий в Москве с 26 по 29 октября 2009 г. прошла серия пикетов, организованных прибывшими из КБ представителями балкарского народа, которые хотели привлечь внимание столичной общественности и федеральных органов власти на неисполнение властями республики Закона «О реабилитации репрессированных народов» и Закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». В качестве нерешенных вопросов балкарцы называли восстановление Хуламо-Безенгиевского района, возвращение статуса балкарским поселкам Хасанья и Белая Речка, а также полный возврат земель, отнесенных к межселенным территориям.

24 августа 2010 г. Координационный совет балкарских общественных организаций принял решение созвать съезд для решения вопроса о самоопределении балкарского народа. 27 ноября 2010 г. прошел очередной съезд балкарского народа, в резолюции которого было отмечено, что Совету старейшин балкарского народа совместно с другими организациями и объединениями, отстаивающими законные интересы балкарского народа, поручается сконцентрировать все силы и возможности для достижения реального самоопределения балкарского народа в составе РФ. «Уведомить при этом представителей соседних народов и этносов, что балкарский народ не предъявляет ни к кому из них каких-либо претензий, а возможные споры и недопонимание могут успешно решаться согласительными процедурами».

Таким образом, в ходе противостояния власти и этноэлит, как одного из механизмов этнополитического раскола в КБР, национальные движения КБ взяли в свои руки инициативу по выражению и реализации национальных интересов, что явилось фактором этнополитического раскола в республике. Поскольку этноориентированными объединениями «титовых народов» были предприняты попытки реализовать национальные интересы радикальными мерами, был запущен следующий механизм этнополитического раскола в КБР, проявившийся в их выступлении друг против друга. Сегодня в этнополитической жизни современной КБР протекают сложные, конфликтные процессы, требующие пристального внимания, глубокого анализа и адекватных мер. Властные структуры КБ должны демонстрировать убежденность в том, что целостность и единство республики важнее этнических предпочтений. Руководство и национальные идеологи КБ должны учиться слышать и понимать друг друга, нести ответственность за все принимаемые решения и методы их реализации.

*«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2012 г., № 2, с. 104–108.*

Муслимат Габимова,
политолог (РЦЭИ ДНЦ РАН)

СВЕТСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Светский характер — один из основополагающих принципов построения и функционирования современного правового госу-

дарства. В ст. 14 Конституции РФ указывается, что Российская Федерация является светским государством. Светским считается такое государство, в котором не существует официальной, государственной религии и ни одно из вероучений не признается обязательным или предпочтительным. В таком государстве религия, ее каноны и догматы, а также религиозные объединения не вправе оказывать влияние на государственный строй, на деятельность государственных органов и их должностных лиц, на систему государственного образования и другие сферы деятельности государства. Светский характер государства обеспечивается, как правило, отделением церкви (религиозных объединений) от государства и светским характером государственного образования (отделением школы от церкви). А.Е. Постников пишет, что «Российская Федерация является светским государством, т.е. никакая религия не устанавливается в качестве государственной или обязательной». В ст. 17 Конституции РД также указывается, что Республика Дагестан является светским государством. На наш взгляд, наиболее полное и точное определение понятия «светского государства» дают В.А. Терехин и А.Ф. Мещерякова: «Светское государство – это такой способ организации публичной (политической) власти, при котором государство и церковь отделены и в то же время взаимодействуют друг с другом, отсутствует государственная или официальная религия, обеспечиваются равенство религиозных объединений, свобода совести и равноправие граждан независимо от отношения к религии в целях достижения баланса интересов личности, государства и религиозных образований в различных сферах жизни общества».

В Республике Дагестан действует Конституция светского государства. Это означает, что государство не вмешивается в религиозные дела граждан, в том числе и в воспитание детей в семье, которое осуществляется в соответствии с убеждениями родителей и с учетом желания и права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания. Светское государство не может возлагать на религиозные объединения граждан выполнение функций органов государственной власти и управления, в том числе и местных. Оно в первую очередь обязано обеспечить светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Содержание этого конституционного положения также раскрывается в ст. 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», в которой сказано, что все религиозные объединения равны перед законом.

Говоря о светскости Республики Дагестан как государственного образования, необходимо отметить, что сегодня в республике наиболее распространенной формой реализации права граждан на свободу вероисповедания является объединение граждан в религиозные организации, посредством которых обеспечивается законный характер их деятельности.

По сведениям Управления по государственно-конфессиональным отношениям Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям РД, на 01.12.2010 г. в Дагестане функционировали 2533 религиозных объединения, из них: исламских – 2478, христианских – 50, иудейских – пять. Из 2478 исламских объединений – 2458 суннитских (1276 – джума-мечетей, 827 – квартальных мечетей, 243 – молитвенных домов) и 19 – шиитских объединений (девять – центральных мечетей и 10 – квартальных мечетей), 13 – вузов, 96 – медресе, два – культурно-просветительских центра, один – союз исламской молодежи.

В республике действует Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД). Представители ДУМД принимают активное участие в общественно-политической жизни республики. В частности, они часто выступают в средствах массовой информации по различным духовно-нравственным проблемам, вопросам противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму. Мы полагаем, что сегодня, как никогда, нужна духовная модернизация общества, которая предполагает дифференциацию культурных и ценностных систем, секуляризацию образования и распространения грамотности, религиозную терпимость и конфессиональный плюрализм.

Перед ДУМД стоят большие задачи по активизации своей роли в профилактике экстремизма, этноцентризма и терроризма, нравственном воспитании нашей молодежи. Так как государственно-религиозные отношения в республике сегодня развиваются в совершенно новых общественно-политических условиях, демократизация общества открывает религиозным объединениям новые возможности в осуществлении своей деятельности по духовно-нравственному оздоровлению общества, укреплению согласия и межконфессионального мира.

Христианство по числу своих последователей занимает в Дагестане второе место после ислама. В настоящее время из 50 христианских религиозных объединений 19 – православных, 28 – протестантских, два – армянских религиозных общества, одно –

общество старообрядцев. Общее число служителей культа православных приходов в РД составляет 23 человека.

В Республике Дагестан действуют пять иудейских общин в городах Махачкале, Дербенте, Буйнакске, Хасавюрте, Кизляре. Иудейские общины республики входят в состав Федерации еврейских общин России (ФЕОР). В Дагестане функционируют и некоторые нетрадиционные религии, не играющие заметной роли в религиозной жизни республики: церковь последнего завета Виссарiona, Международное общество сознания Кришны, церковь сайентологии, последователи учения Порфирия Иванова «Внутренний круг», Сатъя Саи Баба и др. Каждое из этих обществ насчитывает от 20 до 25 человек.

В республике идет процесс восстановления ранее разрушенных мечетей, строятся новые мечети, издаются религиозные газеты, религиозные организации получили доступ к СМИ, в том числе на телевидение. В 2010 г. около 14 500 дагестанцев совершили хадж. Как показывает практика реализации Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», отделение религиозных объединений от государства вовсе не исключает, а даже предполагает их сотрудничество и взаимодействие для решения общих социально значимых задач. Религия является институтом гражданского общества, выражающим духовные интересы личности, и поэтому объективно не может быть изолирована от государства. За последнее время их совместная деятельность заметно активизировалась. Наряду с вопросами нравственного и патриотического воспитания, культурного развития, духовно-нравственного просвещения и социальной адаптации осужденных, ставшими уже традиционными направлениями сотрудничества, появляются новые сферы – борьба с алкоголизмом и наркоманией, обеспечение религиозной безопасности и правового порядка. В этой связи необходимо упомянуть состоявшуюся в августе 2009 г. встречу Президента РФ Д.А. Медведева с главами и муфтиями Северного Кавказа, целью которой являлось повышение эффективности борьбы с экстремизмом и утверждение конституционного правопорядка в регионе.

Светское государство тесно связано с социальным государством. Религиозные объединения, занимаясь благотворительностью, реализуя различные социальные проекты, создавая доктрины социального служения, помогая малоимущим слоям населения, тем самым развивают и укрепляют социальное государство, играют не последнюю роль в сглаживании социального

неравенства. Государство должно способствовать инициативе религиозных объединений при создании учреждений социального обслуживания граждан (домов престарелых, домов помощи инвалидам, детских приютов, ночлежек, богаделен). Возможна помощь церкви и в медицинском обслуживании населения. Государство не может обеспечить персонифицированный подход к каждому, церковь же имеет такую возможность, в этом частично заключается сущность ее социального служения. Кроме того, только в условиях развитого гражданского общества религиозные объединения наиболее полно могут реализовать свои социальные доктрины.

По мнению К.М. Ханбабаева, религии, имея мощный интегральный потенциал, могли бы более активно выступать за укрепление политической, экономической и общественной стабильности на Северном Кавказе. Для консолидации народов региона, построения демократического, гражданского общества следует шире использовать гуманистический потенциал религий. Религиозные организации, функционирующие на Северном Кавказе, должны действовать в рамках существующего федерального и местного законодательства. Для укрепления этноконфессиональной стабильности в регионе, как мы полагаем, государственным органам, общественным и религиозным организациям Северного Кавказа необходимо выработать комплексную программу мер, направленных на достижение этноконфессиональной толерантности как основы межэтнического и межрелигиозного общения и согласия, сохранения и укрепления этноконфессионального пространства Северного Кавказа, мирного сосуществования и сотрудничества различных народов и конфессий в рамках единого территориального и религиозного пространства региона.

В 2010–2011 гг. нами проведен социологический опрос для выявления уровня религиозности в Республике Дагестан. Респондентам был задан вопрос: «Ваше отношение к религии». Были получены следующие ответы: из общего числа опрошенных (560 человек) 97,9% отнесли себя к верующим, исповедующим ислам, только 94,1% из них смогли еще и точно указать на направление ислама – суннизм и 1,6% – отметили шиизм. Неверующими назвали себя 1,2%, к атеистам отнесли себя всего 1,0%. По результатам различных социологических исследований наблюдается такая же картина: преобладающее большинство – верующие сунниты. Вопрос: «Ваше отношение к вере»: из общего числа опрошенных (560 человек) верующими считают себя 69,2%. При этом 15,2% относят себя к глубоко верующим, к слабо верующим себя отнесли

6,8, колеблющимся между верой и неверием – 2,5, безразличных было 0,4, неверующих – 0,9, убежденно неверующих (атеисты) – 1,0, не думали над этим вопросом – 5,9%.

Если по данным социологических опросов, проведенных в 2005 г. К.М. Ханбабаевым, у таких национальностей, как аварцы, даргинцы и кумыки, религиозность была на 22–25% выше, чем у народностей Южного Дагестана, то проведенные нами социологические исследования подтверждают, что сейчас все национальности имеют высокую степень религиозности. Среди этнических групп по религиозности доминируют аварцы – 231%. Для объективности в выборку включили респондентов из Института теологии и международных отношений и Дагестанского исламского университета им. Мухаммеда Арифа, здесь среди респондентов были и духовные лица.

Из общего числа опрошенных (560 человек) на вопрос: «Какой должен быть государственный строй в Республике Дагестан?» 48,04% ответили – светское государство и 47,6% – теократическое. Среди молодежи преобладающее большинство респондентов (до 20 лет – 57,7% и от 20 до 29 лет – 50,3%) ответили, что государственный строй должен быть теократическим, тогда как большинство респондентов среднего возраста (от 29 до 49 лет) – 70,4%, респонденты от 49 лет до пенсионного возраста – 75,0% и пенсионного возраста – 81,8% ответили светским. При этом 42,2% молодых респондентов до 20 лет и 49,6% респондентов от 20 до 29 лет ответили, что государственный строй в Дагестане должен быть светским, 29,5% опрошенных от 29 до 49 лет, 25,0% от 49 лет до пенсионного возраста и 9,1% пенсионеров ответили теократическим.

С целью выяснения уровня религиозности у молодежи Дагестана в 1998 г. К.М. Ханбабаевым было проведено социологическое исследование, в которое был включен подобный вопрос. 70,8% студентов тогда считали, что государственный строй в Республике Дагестан должен быть светским, нерелигиозным, а 20,1% – шариатским.

По данным социологических исследований З.М. Абдулагатова, проведенных в 2004 г., деятельность так называемого политического ислама связана с отношением фундаменталистского сознания к законам государства. В крайних формах своего проявления (дагестанские ваххабиты) оно полностью отрицает законы светского государства и стремится создать государство на основе шариата. Опросы населения показывают, что дагестанские ве-

рующие не считают необходимым введение шариата в общественную, государственную жизнь. В то же время, отвечая на вопрос, 56,7% опрошенных считают возможным не соблюдать законы государства, если они противоречат вере. О необходимости соблюдать законы государства в любом случае говорят лишь 23,3% опрошенных. Эти мнения, несмотря на то что их выражают верующие с не вполне последовательным религиозным мировоззрением, указывают на потенциальную угрозу государству со стороны радикального эволюционирующего фундаменталистского сознания.

По данным социологического опроса, проведенного в 2011 г. С.Ш. Муслимовым, за светское государство высказались 67,6% респондентов, которые мотивируют свою позицию следующим образом: здесь защищаются права личности, женщины и мужчины равноправны, можно выполнять все религиозные предписания, нет места религиозному фанатизму. Это наиболее оптимальный вариант для нашего народа, который жил в светском государстве в советский период, в гражданском обществе люди больше прислушиваются к законам, здесь свободно могут сосуществовать люди разных вероисповеданий. В религиозном государстве много абсурдных ограничений, религиозное государство подходило для средневековой эпохи, только у гражданского, светского государства есть будущее, все процветающие европейские страны являются гражданскими государствами. Сторонники религиозного (шариатского) государства (по опросу их 16,4%) аргументируют свою позицию тем, что главным в жизни человека является религия, религиозный образ жизни, в религиозном государстве, где очень суровые законы, люди боялись бы совершать преступления; они говорят, что хотели бы жить в правильном шариатском государстве, но не в таком, как Саудовская Аравия, что религию надо сделать образом жизни, ибо все народы в конце концов придут к религиозному государству.

Из приведенных социологических исследований видно, что в 2011 г. по сравнению с 1998 г. сторонников исламского государства среди опрошенных в возрасте до 20 и от 20 до 29 лет стало больше. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что именно среди молодежи влияние исламской идеологии распространяется более высокими темпами. Население, относящееся к средним и старшим возрастным группам, напротив, осознанно не меняет свое мировоззрение и, как правило, выступает за светское государство. По итогам проведенных социологических исследований абсолют-

ное большинство экспертов считают, что следует придерживаться конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства и школы от церкви. Они выступают за светский путь развития Дагестана, Северного Кавказа в составе Российской Федерации.

*«Вестник Дагестанского научного центра РАН»,
Махачкала, 2012 г., № 45, с. 105–108.*

ГОРОДА И ЛЮДИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Автор¹ (бывший директор Казахстанского института стратегических исследований) исследует социально-культурные аспекты урбанизации Казахстана, уделяя главное внимание постсоветскому периоду. Урбанизация Казахстана является незавершенным процессом, несмотря на ее ускоренные темпы в советский период. Снижение же абсолютной и относительной численности городского населения за последние 20 лет дало основания говорить о тенденции деурбанизации. По сравнению с позднесоветским периодом доля горожан в населении страны уменьшилась с 57,1 до 54,1% при одновременном увеличении абсолютной и относительной численности жителей в сельской местности. Доля русских в городском населении снизилась с 51,3% в 1989 г. до 41,1% в 1999 г. Казахи впервые сделали городским большинством.

Для социального и культурного развития казахстанского города характерны непоследовательность и отсутствие преемственности, несформированность городского образа жизни. Отсюда – противоречия в социальном и культурном облике современного казахстанского города, в котором развиваются несколько противоположных тенденций. На одном полюсе – «постмодернизм», на другом – архаика. С одной стороны, услуги интернет-банкинга или Wi-Fi в кофейне а-ля «Starbucks», с другой – отапливаемые углем частные дома в городах или хватающие за руки пассажиров с международных рейсов неопрятные частные «таксисты» в аэропорту. Но между этими полюсами находится целый ряд промежуточных укладов. В городской реальности одновременно сосуществуют

¹ Султангалиева А.К. Города и люди: Социокультурная трансформация в Казахстане. – Алматы, 2010. – 240 с.

несколько укладов: доиндустриальный, социалистический, капиталистический, индустриальный и постиндустриальный. Каждый из них имеет свои ценности и образцы поведения – от архаичных и традиционно консервативных до модернистских и экстремально вестернизированных.

Таким образом, на постсоветской стадии социальной и культурной трансформации городской жизни речь не идет об однолинейном переходе от одного состояния к другому, от простого к сложному: от авторитаризма к демократии или от закрытого к открытому обществу.

В исторической генеалогии казахстанского города уже сложилась традиция, когда с каждым поворотом политической истории – досоветской, советской, постсоветской – предшествующий этап или игнорируется, или отрицается. В ходе этого процесса разрушается социальная структура общества, сносятся материальные объекты – здания и памятники, меняется знаковая символика (например, через переименование). В результате прерывается преемственность социального и культурного опыта, необратимо стирается память о прошлом. Конечно, речь прежде всего идет о тех ценностях и нормах, которые способствуют гуманизации городской среды, социальной мобильности, укреплению общественного интереса и т.д.

В постсоветский период большинство казахстанских городов, движущей силой которых была промышленность, переживают длительный упадок. Разгосударствление, приватизация и закрытие градообразующих производств ведут к деградации их городской структуры, оттоку населения. Появляется феномен «вымирающих городов» или городов-призраков, их население сокращается на 15%. В то же время в крупных городах население увеличивается и составляет 70% всех горожан Казахстана. Но и эти города, жизнь которых не зависела от одного предприятия, оказываются в менее выгодном положении, чем мегаполисы: многофункциональная Алма-Ата или новая столица – Астана. Даже лишившись столичного статуса, Алма-Ата с ее диверсифицированной городской экономикой оказалась лучше приспособленной к шоковым процессам начала 1990-х. Только в ней численность населения не только не снижается, но и растет, а доля «южной столицы» в экономике достигает 26,4%. Впрочем, это отражает отмеченный во многих постсоциалистических странах тренд, когда самые крупные города, особенно столицы, испытали экономический подъем, тогда как

остальные части этих стран переживали затяжной кризис и даже коллапс.

Одной из причин лучшей адаптации Алма-Аты к новым условиям стало и то, что в ее сравнительно разносторонней экономике одним из наиболее развитых оказался сектор образовательных и интеллектуальных услуг. В рыночных условиях он стал одним из востребованных. Треть вузов и студентов страны еще с советских времен сосредоточены в современной Алма-Ате. Кроме того, именно здесь, в центре экономической активности страны, численность юридических лиц составляет 12,2% от численности экономически активного населения, тогда как в среднем по стране эта цифра намного ниже – 3,3%.

Социально-экономические перемены повлияли и на социальную структуру казахского городского населения. Его относительная однородность советского периода, когда большинство было представлено «средним классом» (служащие, занятые в образовании и науке) и «нижним классом» – рабочими низкой и средней квалификации (особенно в железнодорожной отрасли), постепенно исчезает.

В отличие от предыдущего периода усиливается расслоение и неравенство между коренными городскими казахами и большинством «новых» горожан – сельскими иммигрантами. В его основе – социальное и имущественное неравенство, когда у первых накоплен относительный достаток на фоне бедности вторых. Кроме того, углубляется поляризация между узкой прослойкой очень богатых – «высшего и высшего среднего слоя» (собственников средств производства и высокооплачиваемого звена управленцев как частного, так и государственного секторов) (10%) и большинством наемных работников среднего достатка, представляющих «средний и нижний средний слой» (55%). Собственно средний слой составляет не более 15% и состоит из занятых в финансовой сфере со среднемесячной зарплатой в 1000 долларов, а также собственников средних предприятий. Особняком стоит «нижний слой» (20%), городские низы, безработные самостоятельные работники, сосредоточенные в неформальном секторе городских услуг.

«Высший класс» (около 3%) – единственный социальный слой с четкими границами, осознающий свои интересы. Это, как правило, члены прежней социалистической номенклатуры и новые бизнес- и политические элиты. Связь «новых» денег с высшей государственной бюрократией особенно заметна в казахстанских условиях. Открытость казахстанского «высшего класса» глобали-

зации и вестернизации приводит к растущему его отчуждению от немногочисленного среднего класса и тем более – от нижнего среднего и неимущих. В то же время нижний средний слой всегда находится на грани скатывания в бедное большинство.

Казахская творческая интеллигенция в ее советском варианте, лишенная государственной поддержки, постепенно исчезает как отдельный социальный слой. В то же время резко расширяются масштаб и спектр коммерческо-развлекательных форм казахско-язычной городской культуры: поп-музыки, разного рода «шоу».

Влияние новых реалий городской жизни безусловно влияет и на традиционные социальные связи. В частности, город становится все более казахским и казахскоязычным из-за оттока русского населения и встречного потока казахской сельской миграции. Таким образом, для подтверждения казахской идентичности уже не требуется расширения круга родственно-родовых связей. Они все больше «коммерциализируются», приобретая рыночную стоимость. Для имущего казахского слоя эти связи становятся дополнительным конкурентным преимуществом (чем древнее род, жуз, семья, тем легитимнее право их представителей на определенные ресурсы, такие как власть, деньги, статус). Для бедного казахского большинства опора на традицию превращается в их социальный капитал за неимением материального капитала. При этом отношения между богатыми и бедными сородичами приобретают отношения патрон – клиент.

Традиционные неформальные практики в условиях казахской этноориентированной государственности служат уже не сохранению этнической и культурной принадлежности народа, а средством личного выживания. Тем самым осложняется внутриэтническая консолидация казахов, ослабленная к тому же глубоким социально-культурным отчуждением между русскоязычными городскими и сельскими казахами.

В условиях раннего капитализма и его ценностей личной выгоды опора на традиционно сильные семейно-родственные связи оборачивается засильем nepотизма и коррупции. В результате – значимость общественного блага подменяется индивидуальным и узкогрупповым (семья, клан, род) эгоистическим интересом и без того присущим недавним сельским жителям. Все это препятствует формированию гражданского самосознания и осознанию городской общности. Это, в свою очередь, осложняет мобилизацию общества на основе казахстанского патриотизма и гражданских ценностей. В результате не город диктует образцы поведения

многочисленным новым горожанам – недавним сельским жителям, а последние устанавливают сельские нормы социализации.

В то же время на фоне отмеченной социально-культурной многоукладности особо выделяется социалистическое наследие, влияние которого оказалось наиболее стойким. Это произошло в силу того, что советский период по времени – самый недавний и самый продолжительный. Поэтому стала возможной передача ценностей и образцов поведения внутри семьи, от родителей к детям. Заложенные в советском прошлом тенденции городского развития продолжают влиять на его настоящее.

Инерция советских методов городского управления во многом сказывается в неэффективности управления постсоциалистическим городом. Это ведет к тому, что в рыночных условиях прежние командные и упрощенные способы управления входят в противоречие с изменившимися экономическими условиями – абсолютным преобладанием частной и минимальной доли государственной собственности.

Таким образом, к началу XXI в. казахстанский город оказался «неподготовленным» перед лицом новых вызовов и перемен. Постоянно испытывая воздействие миграционных перемещений, как внутренних, так и внешних, к тому же этнически различающихся, город не успевает создать зрелой и устойчивой социокультурной среды.

Сверхконцентрация сельских мигрантов в двух основных городах страны приводит к росту города без его развития, инфраструктура которого не готова принять их и абсорбировать. В итоге это негативно сказывается на социально-культурной сфере городов.

На фоне отсутствия реального участия общества в городском управлении частный интерес преобладает над общественным благом не только в системе городской власти, но и в целом в повседневном поведении жителей города. Квазиместное управление нельзя всерьез считать балансом исполнительной городской власти. В общественном поведении это ведет к закреплению консервативных социально-культурных моделей: апатии и цинизма, патернализма, возрождения примитивных образцов поведения.

«Городская революция» казахов, начатая в советское время, продолжается и в новых условиях, но уже на другом уровне. В наступившую эпоху раннего капитализма она уже свободна от регулирующей и направляющей роли государства. Но так как одновременно обрушилась и система социальных и экономических

гарантий государства, то социокультурное развитие казахского городского населения стало значительно отставать от его механического роста. В результате в казахской среде резко сужаются возможности для вертикальной социальной мобильности, и ускоряется процесс социальной и имущественной дифференциации.

Резкое социальное расслоение внутри казахского этноса ведет к тому, что узкий слой весьма состоятельных казахов интернационализируется, он становится космополитичным по своей сути, интегрируясь в ряды «мировой буржуазии». Оседание целой волны обеспеченных казахов в благополучных странах Запада – яркое тому подтверждение.

Решить проблемы городского развития Казахстана во всей их совокупности невозможно без более широкой реформы территориального управления страны, включающей децентрализацию, предоставление финансовой самостоятельности регионам и городам, выборность городских органов власти, внедрение реального местного самоуправления.

Автор считает, что казахстанские города в силу исторически сложившихся особенностей развития и регионального окружения трудно отнести к какому-то конкретному региону или группе стран. «Они остаются частью постсоветской городской “цивилизации”, но последняя сама становится все более неоднородной, когда внутренние различия подрывают ее прежнюю целостность... Социокультурная трансформация казахстанского города еще не завершена. Это связано с продолжающейся адаптацией всей городской инфраструктуры к рыночным условиям и с этнокультурными демографическими изменениями».

*Реферат подготовил Ю.И. Комар.
«РЖ: Востоковедение и африканистика»,
М., 2012 г., № 2, с. 51–57.*

Е. Бородин,

кандидат экономических наук

(Институт региональной политики)

**КЛАНОВЫЙ ХАРАКТЕР УСТРОЙСТВА
КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В современном Киргизстане в составе элит преобладают выходцы из сельского населения. Тем не менее если до переворота 2005 г. родоплеменные отношения проявлялись прежде всего в

негородской среде, формирующей большинство населения республики, то сегодня трайбализм как система общественных отношений закрепляется и в городах. Это во многом объясняется усилением внутренней миграции (с юга на север), которая приобрела массовый характер в 2005–2010 гг., обострив противоречия между северянами и южанами.

Огромное влияние родоплеменные связи традиционного киргизского общества оказывают на органы государственного управления. Независимо от полученного образования и круга общения любой киргиз, прежде всего, относит себя к определенному роду. Отмечено, что большинство киргизов, обосновавшихся за рубежом, не только не перенимают культуру страны пребывания, но, наоборот, начинают еще больше тяготеть к традиционным ценностям своего народа.

Любой государственный служащий в Киргизстане всегда пытается сохранить связи со своим родом. Больше всего это проявляется в высших эшелонах власти, где практически вся система управления строится на принципах nepотизма и привлечения «своих» – родственников и земляков, которые всегда поддержат в случае необходимости. Так формируются неформальные союзы, члены которых крепко связаны друг с другом и взаимно заинтересованы в продвижении своего главного представителя.

Вся внутренняя политика Киргизстана после 1991 г. протекает под знаком борьбы между Севером и Югом. При этом в ходе смены правящих группировок сила, пришедшая к власти, ведомая «реваншистскими» настроениями, всегда стремится свести к минимуму влияние свергнутых кланов.

Взаимоотношения между северной и южной частями Киргизии всегда были предметом повышенного интереса со стороны советской властной элиты, как и сейчас они являются предметом острой озабоченности властей Киргизской Республики. Региональные связи и на Севере, и на Юге Киргизстана, в полную силу заявляющие о себе сегодня на общегосударственном уровне, поддерживаются устойчивой системой архаичных родоплеменных связей.

Киргизское общество, в отличие от сложившегося родоплеменного устройства Казахстана с разделением на три основных Жуза (родоплеменные союзы) или Узбекистана с клановым разделением по областному (территориальному) принципу, имеет свои специфические особенности. Наряду с главенствующей ролью родоплеменного института определяющую роль в Киргизии играет

принадлежность человека или группы к северной или южной частям страны, что во многом определяет взаимоотношения людей в масштабе республики.

Такое размежевание унаследовано от прошлого. Во времена Кокандского ханства северная часть современного Киргизстана была меньше вовлечена в политическую жизнь, формально признавая хана, но фактически управляемая выходцами родовой знати северных племен. Чокан Валиханов, казахский исследователь, писал: «Киргизы в соответствии со своим регионом размещения имеют свое место в ханстве. Киргизы южного региона активно вовлекались во все стороны жизни ханства, принимали участие в военном и гражданском правлении. Северные киргизские роды, живущие на отдаленном расстоянии от ханства, лишь формально признавали власть ханства, ведя при этом самостоятельную жизнь».

Кроме того, на Юге страны, в условиях сильного узбекского влияния, в том числе и религиозного (со времен Кокандского ханства), население перешло к оседлому образу жизни, в то время как Север практически никогда не отходил от кочевого скотоводства. Это определило специфику хозяйственной жизни и, соответственно, общественно-экономических противоречий.

Вообще племенные связи в Центральной Азии сохраняют высокую жизнеспособность повсюду. Власти Российской Империи, ориентируясь на модернизацию архаического среднеазиатского общества, пытались уменьшить влияние родоплеменного института, вводя систему волостного управления, но большого успеха эта политика не имела. С 20-х годов XX в. большевики, производя назначения на высшие посты в советских республиках Средней Азии и Казахстана, старались соблюдать родоплеменной баланс и, в частности, баланс между представителями Севера и Юга в Киргизии. Так или иначе, на протяжении всей истории киргизов соперничество предводителей племен и родов за власть над другими племенами, за контроль над лучшими пастбищами неизменно играло огромную роль. Эта традиция, несколько адаптированная к современным условиям, проявляется и сегодня. Особенно в политике.

Суть внутрикиргизского конфликта заключается в борьбе различных киргизских племен за власть над всей республикой. В Киргизии нет монополии какого-то одного племени или клана на власть, но в основном борьба идет между Севером, где доминирует чуйско-иссык-кульский клан, а внутри этого клана до недавнего

времени доминировало племя сарыбагыш, и Югом, где господствует ошский клан, выделяющийся не столько по племенному, сколько по локальному признаку.

Территориально в Киргизии существуют понятия условного «юга» (Баткенская, Джалал-Абадская и Ошская области) и условного «севера» (Чуйская, Таласская, Иссык-Кульская и Нарынская области). Необходимо отметить, что два данные региона связывает единственная автомобильная дорога Бишкек–Ош. Все остальное – это труднопроходимые, а подчас непроходимые горы.

Истоки борьбы «Юга» и «Севера» за власть лежат еще в первой половине XIX в., когда южнокиргизские манапы (представители родовой знати) оспаривали власть в расположенном на территории Ферганской долины Кокандском ханстве у сартовской (узбекской) и кипчакской группировок знати. Поскольку же Кокандское ханство в это время (1830–1840-е годы) формально подчинило себе всю Киргизию, то это обстоятельство породило у южнокиргизской знати определенные претензии на господство над всем своим народом. В свою очередь среди северных киргизов в это же время выдвинулось племя сарыбагыш. После 1917 г. родовая знать традиционно ведущих племен и кланов, по понятным причинам, была временно оттеснена от власти, так что часть власти в Киргизии, как и в Казахстане, первоначально захватили представители второстепенных племен. Например, в 1934–1935 гг. пост второго секретаря ЦК Коммунистической партии (первые секретари до 1950 г. были европейцы) занимал таласец Т. Айтматов (отец знаменитого писателя). В значительной мере в результате уничтожения «выскочек» в годы Большого террора, задевшего, впрочем, и представителей «элитных» племен, к 1940-м годам к власти вернулись лидеры из традиционных властных структур. С 1950 по 1961 г. пост первого секретаря ЦК республиканской компартии занимал южанин И. Раззаков (первый киргиз на этом посту), в 1961–1985 гг. – сарыбагыш Т. Усубалиев, в 1985–1990 гг. – снова южанин А. Масалиев.

Поскольку в Киргизии не сложилось устойчивой монополии какого-то племени на власть, все лидеры вынуждены были делить ее с представителями других регионов: должность председателя Президиума Верховного Совета до 1978 г. занимал южанин Кулатов, продвинутый на этот пост еще И. Раззаковым в 1945 г., главами правительства были кетмень-тюбинец А. Суеркулов (1950–1959), бугинец из-под Тюпа К. Дыйканбаев (1959–1961), представитель племени солто из Чуйской долины А.С. Суюнбаев (1968–

1978) и др. В 1990 г. южанина Масалиева сменил сарыбагыш (северянин) А. Акаев.

А. Акаев, как и его предшественники, вынужден был делиться властью с представителями других племен. Так, через полтора месяца после его избрания президентом, 11 декабря 1990 г., Верховный Совет возглавил Медеткан Шеримкулов из племени солто (Чуйская долина). Из Чуйской же долины происходил и премьер 1993–1996 гг. А. Джумагулов. В феврале 1992 г. вице-президентом стал тоже уроженец Чуйской долины Ф.Ш. Кулов. Таласцы в середине 1990-х годов занимали посты председателя Госкоминвеста и министра финансов.

Но не меньше вынужден был А. Акаев считаться и с южанами. Так, в 1991 г. правительство возглавил уроженец Наукатского района Ошской области Н. Исанов; после его гибели (29 ноября того же года) А. Акаев с февраля 1992 по май 1993 г. одновременно исполнял обязанности главы правительства. Необходимо отметить, что Государственный флаг независимой Киргизии, принятый в марте 1992 г. – красного цвета; это – цвет южных киргизов (у северных – голубой).

Южная Киргизия была настроена несколько более консервативно по отношению к А. Акаеву и его реформам и по отношению к европеизации. Южные киргизы, испытавшие этнокультурное влияние узбеков, несколько более исламизированы и менее европеизированы. Поэтому в 1992–1993 гг. были немалые основания считать, что могут появиться две Киргизии – традиционная Южная и современная Северная. Южане, в частности, выступили против двухпалатного парламента (1994 г.), поскольку резонно опасались, что тогда у них останется еще меньше власти за счет уменьшения числа мест в верхней палате (Северная Киргизия включает в себя четыре области, Южная же в то время делилась всего на две; с 2000 г. появилась третья – Баткенская).

Любопытно, что патриарх киргизских коммунистов Т. Усубалиев поддержал на выборах не однопартийца А. Масалиева, а соплеменника А. Акаева. Впрочем, это в значительной мере объяснялось личными счетами: придя в 1985 г. к власти при поддержке Москвы, А. Масалиев сделал все, чтобы его предшественника Т. Усубалиева исключили из КПСС (ЦК КПСС не утвердил это решение). Что касается земляков Масалиева – южан, то А. Акаев в значительной мере нейтрализовал их, вернув доброе имя главе республиканской парторганизации (1950–1961) И. Раззакову. Это имя было предано забвению при Т. Усубалиеве и

так и не восстанавливалось до 1995 г., когда появился ряд панегирических брошюр о нем, изданных на государственные средства.

Для реализации сепаратистских планов южных киргизов не хватало только лидера; он и появился уже в 1990 г. в лице Бекмата Осмонова. Для поиска консенсуса и удовлетворения амбиций лидера сепаратистов Б. Осмонова президенту А. Акаеву пришлось назначить своего оппонента губернатором Джалал-Абадской области. Вскоре Б. Осмонов замкнул на собственном семействе все финансовые потоки Юга республики, и острая фаза раскола миновала, позволив А. Акаеву победить на выборах главы государства в 1995 г. Вскоре лидер радикальной оппозиции скончался, и президент укрепил свои позиции в мятежных регионах. Для окончательного умиротворения ситуации г. Ош получил часть столичных функций, фактически поравнявшись в статусе с г. Бишкеком.

Весной 2002 г. «конфликт Север–Юг» возобновился. Поводом для столкновений в Джалал-Абадской области 17–18 марта 2002 г. послужил арест 5 января того же года депутата Жогорку Кенеша Азимбека Бекназарова, уроженца Аксыйского района Джалал-Абадской области, который выражал свое возмущение передачей спорной территории (9 тыс. км² – значительно для небольшой территориально страны, почти 5% ее территории) Китаю и потребовал объяснить причину этой передачи. В защиту Бекназарова выступили 60 тыс. человек из Джалал-Абадской области, в первую очередь из родного ему Аксыйского района. В этом последнем, как и в Бишкеке, начались голодовки протеста (6 февраля 2002 г. скончался один из голодающих – Ш. Нарзикулов), а в с. Кара-Суу, на родине Бекназарова, родители отказались посылать детей в школу. Митинги протеста резко усилились после того, как 12 марта 2002 г. в Токтогуле начался суд над Бекназаровым. К 17 марта ситуация стала выходить из-под контроля.

Когда одна из демонстраций попыталась блокировать шоссе Бишкек–Ош, А. Акаев отдал приказ милиции стрелять в демонстрантов на поражение. Погибли пять человек. После событий 17–18 марта 10 тыс. демонстрантов из Джалал-Абада и 8 тыс. из Оша собрались идти на Бишкек. В Кербене в митингах протеста принимали участие 6 тыс. человек.

Новые протесты вспыхнули в начале мая 2002 г., теперь к их причинам добавились требования о денонсации соглашений с Китаем (об отдаче спорной территории) и вынесенный наконец приговор Ф.Ш. Кулову, находившемуся в заключении с 2000 г. – десять лет лишения свободы. 16 мая 2002 г. собралась демонстрация

из 150 человек в Бишкеке, разогнанная милицией. В конце мая А. Акаев под влиянием маршей протеста на Юге отправил в отставку премьер-министра К. Бакиева – тоже южанина.

Проблема конфликта тесно связана с более широкой проблемой – ограниченным влиянием представителей Юга в эпоху А. Акаева. Практически ничего не изменилось и с назначением нового правительства в июне 2002 г. При этом как «северная», так и «южная» оппозиция были недовольны не только концентрацией власти в руках самого А. Акаева (получавшего ее все больше после каждого референдума – в январе и октябре 1994 г., в 1996 г. и 1998 г.) и его «семьи», но и уменьшением роли парламента и правительства. Все это привело к кризису легитимности руководства страны.

Новый виток «конфликта Север–Юг» произошел в марте 2005 г. в ходе пресловутой «тюльпановой» революции. Правление А. Акаева было свергнуто очень быстро, никто, включая самих лидеров оппозиции, такого оборота не ожидал. Например, Р.И. Отунбаева, один из лидеров оппозиции, еще в феврале 2005 г. (выступая в Фонде Карнеги в Москве) говорила о том, что оппозиция все надежды возлагает не на парламентские выборы (20 февраля, второй тур 13 марта 2005 г.), а на президентские (должны были состояться в октябре). Сразу после второго тура выборов оппозиция объявила их результаты подтасованными и начались выступления сначала на Юге, а потом и на Севере. В течение нескольких дней правительство А. Акаева рухнуло, причем решающую роль в этом сыграли южные группировки, сумевшие организовать выступления и смещение власти.

Еще никогда позиции южан в руководстве Киргизстана не были так сильны, как в президентство К. Бакиева. Так, на январь 2007 г. из 23 министерских кресел южанам принадлежало девять (13 – северным киргизам, одно – министра промышленности и энергетики – русскому, тоже «северянину», уроженцу Бишкека).

Ростом влияния южан во властных структурах дело не ограничивается. Еще примерно с 2000 г. начался принципиально новый этнический процесс – отток южных киргизов из Ферганской долины на Север. Этот процесс вызван разными причинами. Рост узбекского населения на Юге – не только за счет естественного прироста, но и иммиграции из Узбекистана. Благодаря чему доля узбекского населения возросла до 14% в общей численности населения Киргизской Республики. Достаточно массовым явлением стало переселение ферганских узбеков в Южную Киргизию ввиду

недостаточной экономической свободы в Узбекистане, где дехкане не имеют возможности продавать свою продукцию на свободном рынке, а вынуждены сдавать ее государству по фиксированным ценам. При этом поездки на рынок в соседнюю Киргизию влекут за собой не только штрафные санкции, но и махаллинский (махалля – нечто вроде старого русского «мира») суд с последующим публичным позором. Несмотря на столь значимую долю узбекского населения в органах власти его представители слабо представлены. После переворота 2005 г. практически единственный раз (и ненадолго) представитель узбекского меньшинства входил в губернаторский корпус Юга Киргизии, но этот опыт был в Бишкеке, видимо, оценен как несущественный.

Помимо демографического давления в перенаселенной Ферганской долине при оттоке киргизов играет свою роль и чувство страха перед исламским экстремизмом – ибо ислам среди киргизов так слаб, что они кажутся узбекам и таджикам чуть ли не язычниками. По данным УВКБ ООН, на конец 2000 г. из 11 тыс. киргизов, бежавших из страха перед исламистами из Джиргатальского района Таджикистана, 7 тыс. переехали в Чуйскую долину и лишь 4 тыс. остались в окрестностях Оша.

После «тюльпановой революции» 2005 г. отток южан на Север увеличился и не только потому, что усилился нажим узбеков, но и из-за укрепления позиций южан во власти. Эти факторы и сыграли свою роль в обострении межэтнической ситуации, так как усиливали давление на все еще многочисленное на Севере «русскоязычное» население, которое, помня события 1999–2000 гг. в Баткенской области (до 2000 г. – западная часть Ошской области), связанные с вторжениями исламско-экстремистских боевиков, усилило миграцию в Россию и Казахстан.

С учетом того, что северяне и южане рассматривают друг друга как, соответственно, «более русифицированных» и «более исламизированных», весь этот процесс вызывает озабоченность своей способностью взорвать и без того хрупкое равновесие в стране и привести в не очень далекой перспективе к непоправимым демографическим и геополитическим последствиям (и не только в Киргизии). Во внутрикиргизском конфликте играет свою роль и религиозный фактор. Как уже говорилось, в Южной Киргизии позиции ислама намного сильнее, чем в Северной. В середине 1990-х годов некоторые эксперты считали, что в партии «Эркин Киргизстан» («Свободный Киргизстан»), большинство членов которой составляют южане, могут проявиться фундаменталистские

тенденции. Во всяком случае среди южных киргизов имеются сторонники создания общеферганского исламского государства.

Однако на самом деле опасность, конечно, не в самих южных киргизах. Они несколько более исламизированы, несколько менее европеизированы, несколько менее настроены на интеграцию с Россией, чем северные, но принципиальной разницы между ними – как между простыми людьми, так и их элитами – нет. Здесь опасность заключается разве что в демографическом давлении. Например, с 1990 г. население Бишкека за счет «самозахватчиков» выросло с 600 тыс. почти до 800 тыс. к 1995 г. при инфраструктуре города, рассчитанной на 400 тыс. жителей.

Отток южных киргизов на Север может повлечь за собой и другие процессы: миграцию представителей некоторых, куда более склонных к радикальному исламу этносов, в первую очередь ферганских узбеков, а также просто разноэтничных исламских экстремистов. Уже сейчас (по крайней мере, с 2004 г.) наблюдается переселение на Север представителей некоторых сильно исламизированных этносов, например уйгуров. Это тоже отрицательно сказывается на религиозной обстановке на Севере. Так, по мнению некоторых наблюдателей, «уже и в центре Иссык-Кульской области из-за наплыва уйгур сами киргизы себя не очень уютно чувствуют».

Напомним, раскол в киргизском обществе имеет четко обозначенные географические границы: на консервативном Юге всегда были популярны сепаратистские настроения по отношению к более прогрессивному Северу. Двумя полюсами противостояния являются г. Бишкек и г. Ош. В южных регионах ощутимо влияние узбекской общины, из-за чего население более исламизировано. Первые кровавые конфликты на этнической почве произошли еще в начале 1990-х годов.

Однако никогда ситуация не казалась настолько критической, как в 2010 г. Причинами осложнения ситуации в 2010 г. послужили политическая дестабилизация и отсутствие единства среди членов временного правительства. Лидеры оппозиции, ранее объединенные идеей свержения бакиевского режима, после достижения поставленной цели оказались не готовы представить населению четкий план развития страны. В таких условиях клан Бакиева попытался сыграть на националистических настроениях. Политическая мотивация клана Бакиевых очевидна: в случае стабилизации ситуации семье грозит ряд громких процессов о кор-

рупции и растратах крупных сумм из бюджета, что собственно было показано на процессе по делу клана Бакиевых в конце 2010 г.

Таким образом, дело не в том, что окружение Бакиева в апреле 2010 г., еще сопротивляясь новому перевороту, прямо говорило о своей готовности расколоть страну на Юг и на Север, а в том, что сама вероятность такого раскола никем не считается необоснованной: к географической разделенности двух частей страны добавляются исторические различия между властными кланами Юга и Севера, большая интернациональность населения Севера, наконец, растущая доля этнических узбеков на Юге (от 30 до 50% в зависимости от территории). Новости и опросы явно показывали, что узбекское население Киргизии не считает вполне справедливым положение с их языковыми правами в местных органах власти и не склонно к ассимиляции в киргизской среде. Известно также, что инфраструктура исламистского подполья в Киргизии зачастую совпадает с внутренними этническими различиями населения.

Необходимо отметить, что новая власть в Киргизии, пришедшая к управлению республикой в результате событий 2010 г., ее правительство в абсолютном большинстве повторяет состав той оппозиции, что свергла президента А. Акаева в марте 2005 г. и привела к власти К. Бакиева и была частью его режима, пока тот к апрелю 2010 г. не был отстранен от власти. Результаты выборов в парламент республики, проведенных осенью 2010 г., наглядно показывают, насколько не сбалансирована политическая ситуация.

Оппозиционная партия «Ата-Журт» (Юг) выиграла выборы в парламент Киргизии, набрав 8,47% голосов. Всего в парламент прошли пять партий:

- СДПК (Север), возглавляемая первым вице-премьером временного правительства Алмазбеком Атамбаевым, заняла второе место (7,83%);

- оппозиционная партия «Ар-Намыс» (Север) во главе с бывшим премьер-министром Феликсом Куловым – на третьей позиции (7,57%);

- на четвертой строчке нейтральная «Республика» (Север, 6,93%) во главе с бизнесменом Омурбеком Бабановым;

- «Ата-Мекен» (Юг) под руководством еще одного руководителя временного правительства Омурбека Текебаева – на пятом месте (5,49%).

Количество депутатских мандатов распределено следующим образом: «Ата-Журт» – 28, СДПК – 26, «Ар-Намыс» – 25, «Республика» – 23, «Ата-Мекен» – 18. Необходимо отметить, что на выборах 2010 г. победила партия «Ата-Журт» представителей бывшего бакиевского правительства. В ходе предвыборной борьбы представителям юга удалось консолидироваться и получить наибольшее количество голосов; не надо также исключать то, что на результаты повлияло использование пресловутого административного ресурса. Результаты выборов не дают преимуществ представителям одной группировки, и для создания квалифицированного большинства парламентариям будет необходимо договариваться.

Таким образом, практика действовавших и действующего правительств последних лет убедительно показала, что традиционная клановость и территориальность киргизской власти не преодолевается в ее коалиционности. В коалиционной власти клановость и семейственность не исчезают и не балансируются, а сохраняются, дробя центральную власть на ведомственные «уделы». Все это разрушает централизованное государство. Реальная раздробленность Киргизии не может быть преодолена без фактической регионализации страны, парламенту и правительству необходимо обеспечить представительство во власти основных слоев киргизского общества.

Сложившееся разделение на север и юг имеет глубокие географические, исторические и экономические корни. Исторически и географически Казахстан несет «ответственность» за север Киргизии, а Узбекистан за юг страны, что может угрожать стране конечным ее фактическим разделом. Но структура «соседской ответственности» носит весьма различный характер: для Казахстана приоритетом является защита прав казахстанских собственников в экономической инфраструктуре страны и их территориального выражения в районе Иссык-Куля, для Узбекистана приоритетны права этнических узбеков и безопасность Ферганской долины (особенно в условиях местного малоземелья). Эти интересы уже носят не идеологический, а объективный характер. Игнорировать интересы Казахстана и Узбекистана невозможно, напротив, они должны стать предметом двусторонних соглашений с тем, чтобы превратить неизбежную защиту этих интересов в инструмент взаимной ответственности.

Нет сомнения, что и Россия имеет внятные объективные интересы в Киргизии и исторические обязательства в отношении ее

населения, которые следует фиксировать и обсуждать при каждом миллионе финансовой помощи и каждой тонне гуманитарных грузов. Их неразрывная, «пакетная» связь должна быть очевидна каждому временному и каждому постоянному правительству Киргизии, чтобы не повторять самоубийственного пути К. Бакиева. При К. Бакиеве «южане» захватили все командные посты в политике и экономике. Опасность такого положения дел начали понимать даже бывшие соратники К. Бакиева – выходцы с Юга Омурбек Текебаев и Роза Отунбаева (нынешние лидеры очередной киргизской революции). К тому же К. Бакиев продвигал наверх не столько «южан» вообще, сколько представителей одного клана – своего.

В 2010 г. в отличие от 2005 г. движение вспыхнуло не на Юге, а на Севере, как закономерная реакция на ущемление «северян» и части «южан» при К. Бакиеве. Но возглавили движение «южане» – Р. Отунбаева и О. Текебаев, поскольку северная элита после свержения А. Акаева не выдвинула достаточно ярких лидеров. По характеру революция 2010 г. все равно – северная. Однако победу на парламентских выборах 2010 г. одержала партия Юга «Ата-Журт». Все это свидетельствует, что без внутреннего диалога невозможно сохранить целостность Киргизской Республики.

Внутренняя межэтническая стабильность в Киргизии невозможна до тех пор, пока узбекское население юга страны не получит адекватного представительства во всех органах и уровнях власти южных регионов, пока узбекский язык не получит прав и инфраструктуры регионального языка, что вполне соответствует современным цивилизованным стандартам и практике. Но это не может быть результатом хаотических мер, внешне вымученных гражданской войной и межэтническим конфликтом. Эти справедливые меры должны стать результатом ответственного диалога центральной власти с легитимными и уполномоченными представителями территориальных узбекских общин Киргизии, общим итогом которого станет взаимная ответственность не только за предоставление полноты прав узбекскому меньшинству, но и территориальной целостности государства.

«Мир и политика», М., 2012 г., № 3, с. 89–96.

Абдулло Хаким Рахнамо,
ведущий эксперт Центра
стратегических исследований
при президенте Республики Таджикистан
**ЧАСТНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ТАДЖИКИСТАНЕ: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ,
ПРОБЛЕМЫ И ВЫВОДЫ**

**Религиозное образование
и формирование религиозного мышления**

Модернизация религиозного мышления в современном Таджикистане как необходимый шаг на пути оптимизации религиозного фактора во многом зависит от усовершенствования религиозной образовательной системы. Анализ сложившейся ситуации показывает, что институты религиозного образования стоят у истоков большинства обновленческих процессов в исламе. Об их определяющем значении в формировании и направлении религиозного мышления говорят следующие обстоятельства.

1. В истории ислама институты религиозного образования являлись основными центрами научно-философских и морально-правовых обсуждений, ведущихся в среде исламской религиозной элиты. Институты исламского образования, такие как «мактаб», «хавзе» и «медресе», наряду с мечетями, сохраняя свои определяющие позиции в религиозной среде, постепенно приобрели символическое значение. Согласно традиции ислам считался единой «великой школой», и поэтому все инициативы медресе, в том числе нововведения, воспринимались в качестве легитимных.

2. Институты религиозного образования всегда оказывали решающее воздействие на формирование религиозной мысли, религиозных сект и распространение религиозных, в том числе реформаторских, движений и школ в исламе. Например, отец современной исламской реформации Мухаммед Абда изложил принципы исламской реформации в исламском университете Аль-Азхар в Каире, профессором которого он являлся, а лидер освободительного движения мусульман Индии и Пакистана Мухаммад Икбол огласил свою концепцию «возрождения религиозной мысли в исламе» также в духовных семинариях. Аятулло Хомейни начал свое движение с медресе Файзия в городе Кум и изложил известную теорию «исламского правления» на своих лекциях в духовной семинарии города Наджаф. И наконец, самым ярким примером

определяющей роли институтов религиозного образования в формировании религиозного мышления является появление афганской группы «Талибан» в пакистанских медресе. Само слово «талибан» с арабского означает «студенты религиозной семинарии».

3. Религиозное образование действует как институт накопления, воспроизводства и распределения интеллектуального потенциала религии, как механизм его усовершенствования, рационализации и систематизации. Прохождение уровней и этапов в системе религиозного образования определяет место, значение и задачи каждого священнослужителя, а также определяет его место в системе, сохраняя, таким образом, целостность религии.

Все это свидетельствует об определяющей роли религиозного образования в формировании религиозного мышления, в легализации религиозных преобразований. В связи с этим улучшение качества и повышение уровня религиозного мышления в Таджикистане возможно только путем модернизации и усовершенствования религиозного образования.

Уход в подполье, или Процесс формирования сети частного религиозного образования в Таджикистане

В конце XIX – начале XX в. Центральная Азия как неотъемлемая часть исламского мира стояла перед необходимостью трансформации и адаптации к условиям новой эпохи.

В регионе намечалась активизация первых религиозных реформаторских идей, которые привели к формированию движений просветительства и джадидизма. На всем протяжении этого эволюционного процесса стержневым вопросом продолжала оставаться проблема реформирования религиозного мышления, а главным шагом на пути ее решения считалась модернизация религиозного образования. Несмотря на то что по уровню модернизации образовательных систем Бухарский эмират сильно отставал от ведущих стран исламского мира (для сравнения, в Иране первая «новометодная» школа была создана еще в 1852 г., а министерство просвещения – в 1855 г.), за первые два десятилетия XX в. здесь был накоплен громадный опыт интеллектуальных поисков в этом направлении. Бухара была охвачена дебатами и дискуссиями о необходимости всеобщих реформ, которые в первую очередь должны были затронуть сферу образования.

Но с установлением советской власти Центральная Азия была практически изолирована от исламского мира, и в регионе произошло коренное изменение характера и направления всех общественно-политических процессов. В результате такой важнейший исторический процесс, как трансформация и модернизация религиозного мышления, и вместе с ним процесс реформирования религиозного образования остались незавершенными, будучи заменены процессом насильственной секуляризации общества и жесточайших гонений на религию.

Решающее воздействие на судьбу религиозного образования в советский период оказали, прежде всего, два момента. Первое – это установление принципа отделения религии от государства, составной частью которого являлся принцип отделения школы от церкви. В условиях тотального отделения государства от религии и жесткой государственной монополизации системы образования продолжение существования религиозного образования в качестве легальной системы стало невозможным. Вторым моментом, оказавшим решающее воздействие на процесс уничтожения системы религиозного образования, можно считать особый характер образовательной политики первых десятилетий советской власти, которая обозначается как переход от образования к просвещению. Рассматривая образование как важное звено идеологии, советская власть приступила к полному изменению традиций, методологий и философии образования.

Если первый принцип (отделение школы от церкви) содействовал уничтожению инфраструктуры религиозного образования и лишал его легального статуса, то переход от элитарного образования к всеобщему просвещению привел к разложению вековых традиций, научно-интеллектуальных методов бухарской педагогической школы.

В процессе борьбы с «пережитками прошлого» и особенно в ходе «безбожной пятилетки» (1932–1937) нашествие воинствующего атеизма сопровождалось уничтожением религиозной литературы и физическими репрессиями религиозных интеллектуалов по всему региону, что обеспечивало максимальное разрушение традиций и потенциала религиозного образования в регионе. Хотя на встрече религиозных лидеров со Сталиным в 1943 г. было объявлено о некоторых уступках в отношении религии, продиктованных политическими расчетами военного времени, особых изменений в сфере религиозного образования не произошло.

В послевоенный период важным моментом в истории религиозного образования в регионе стало открытие в 1947 г. бухарского медресе Мири Араб, которое впоследствии стало главным центром подготовки мусульманских духовных кадров для всего Советского Союза. Ташкентский исламский институт, который начал функционировать с 1971 г., за первые 25 лет существования (1971–1995) выпустил всего 378 человек, т.е. в среднем 15 человек за год.

Несмотря на продолжение антирелигиозной политики, годы хрущёвской «оттепели» можно считать периодом некоторой передышки для религиозного образования в Центральной Азии. Наряду с относительным смягчением политического климата оживлению религиозной жизни содействовало и возвращение из сталинских лагерей оставшихся в живых представителей репрессированного исламского духовенства. Именно на этот период приходится возвращение и реабилитация известного учителя, ключевой фигуры процесса возрождения религиозного образования в Центральной Азии Кори Мухаммджона Рустамова, известного как Мавлави Хиндустани.

Жесткие меры по уничтожению очагов религиозного образования и периодические репрессии в отношении носителей религиозных знаний способствовали уходу исламского образования в глубокое подполье. Оно разложилось на сотни мелких домашних и семейных «школ», где в условиях строжайшего подполья религиозные знания передавались от поколения в поколение. Эти в основном неуловимые для властей формы подпольной передачи религиозных знаний представляли тайную сеть образовательных кружков, которые способствовали сохранению ряда методических и педагогических традиций, программ и учебников дореволюционной системы религиозного образования.

Как указывает доктор Акбар Турсун, религиозные знания обычно передавались по следующим линиям нелегальной сети: элитно-клановая (в семьях сайидов и эшанов по линии дед–отец–внук–родственники), духовное наставничество (суфийские шейхи – последователи), устно-поэтическая (передача религиозных знаний в устной форме посредством религиозной поэзии) и подпольные школы (тайное религиозное образование).

Уроки в подпольных школах преимущественно проходили в ночное время в строжайшей тайне, иногда под видом «посещения друзей» или «угощения». В частности, в домашней школе Мавлави Мухаммаджона Хиндустани, в квартале «Шелкокомбинат»

г. Душанбе, уроки проводились даже в 3-4 часа ночи, перед утренней молитвой. Несмотря на это, учитель часто менял место проведения занятий.

Открытие официальных институтов религиозного образования в постсоветские годы не смогло уменьшить важность частных домашних религиозных школ. Особая тяга верующих к этой форме образования сохранилась не только по причине малочисленности официальных религиозных образовательных институтов, но и прежде всего в связи с научной и идеологической ограниченностью их образовательных программ. На подконтрольную правительству официальную сеть религиозных медресе верующие смотрели и смотрят как на школы подготовки конформистского духовенства. Так, несмотря на существование официальных религиозных медресе, по всей стране функционирует параллельная неформальная сеть мелких домашних религиозных школ, число учеников которых в десятки раз превышает число официальных религиозных студентов. Подготовка исламского духовенства осуществляется одновременно в двух параллельно существующих сетях религиозного образования.

Современное положение сети частного религиозного образования

Современная сеть частного религиозного образования в Таджикистане охватывает сотни частных домашних школ, кружков и курсов. Настоящий пик ее расширения пришелся на вторую половину 80-х и первую половину 90-х годов. В свободной перестроечной атмосфере, наряду с масштабным увеличением числа мечетей, расширение сети религиозного образования и просвещения достигло своего апогея. Почти в каждом населенном пункте и квартале открылись частные кружки религиозного образования.

В период с 1980 по 1992 г. только в столице и ее окрестностях функционировали такие средние и крупные домашние школы религиозного образования, как школы Мавлави Хиндустони в квартале «Шелкокомбинат» г. Душанбе, Домулло Эшонджона в квартале «Южный» г. Душанбе, Мулло Абдулгаффора в квартале «Пестель» г. Душанбе, Махсуми Садриддина в поселке «Тельман» – пригород Душанбе, Мулло Тохира в квартале ДОК, Махсуми Сайрахмона в квартале «Мясокомбинат», Махсуми Убайдулло в поселке «Гулбутта» г. Душанбе, Домулло Абдулхай в населенном

пункте «Оли Совет» Ленинского района, Эшони Нуриддина и Эшони Махмуджона в г. Вахдат и т.д.

Число учащихся в таких школах в зависимости от возможностей и авторитета учителя может составлять от 10–20 до 150–200 человек одновременно. Для примера: число домашних учеников у известного религиозного учителя Домулло Наимджона в Исфаринском районе в 2001 г. составляло более 100 человек, а в этот же период число учеников известного Эшони Махмуджона достигало более 120 человек. Во время погребальной молитвы известного частного религиозного наставника Махсуми Садриддина в 2003 г. сообщалось, что на протяжении его жизни через его частную школу прошли около 5 тыс. учеников, что можно сравнить с деятельностью целого института.

В северной части республики частные школы носят более организованный характер и именуются «худжра» (от арабского – «комната»). С 80-х годов до настоящего времени крупными худжрами здесь считались худжри Домулло Наимджона в Исфаре, Эшони Мирзоюсуфа в Зафарабаде, Домулло Абдуррашида в Ганчинском районе. В городе Худжанде также действовала сеть религиозных худжр «ферганского типа», тогда как частные религиозные школы в горных районах Согдийской области, таких как Масчоҳ, более близки школам юга республики.

Частные центры религиозного образования и просвещения на севере Таджикистана можно разделить на три категории: 1. «Худжра» – частная школа чисто учебного характера. 2. «Кори-хона» – дружеские мужские клубы мусульманских активистов, которые в основном имеют просветительский характер. 3. «Хучраи тахфизии Курон» – домашние школы, занимающиеся исключительно подготовкой чтецов Корана.

В качестве примера типичной частной религиозной школы рассмотрим домашнюю школу Домулло Махмадшарифа на севере Таджикистана, которая функционирует с 1988 г. Данная худжра размещена в собственном доме учителя. Это «финский» дом старой постройки, он разделен на две части: в первой живет семья учителя, во второй расположена его худжра – частная школа. Она состоит из пяти комнат, одна комната используется как место занятий (класс), другая комната – молитвенная, остальные – места проживания учеников. Постоянное число учеников 17–20 человек разного возраста, которые живут и учатся вместе.

Источником финансирования проживания учеников является благотворительность состоятельных последователей (мюридов)

учителя, а также материальная помощь родителей (родители каждого ученика периодически обеспечивают ребят продуктами питания).

Комнаты школы отремонтированы в 1996 г. и сейчас находятся в нормальном состоянии. Ученики спят на полу на национальных одеялах, постельное белье не используется. Санитарное состояние обеспечивается силами учеников. Каждая пятница объявлена «днем чистоты» (санитарным днем). В течение недели чистоту поддерживают два ученика – дежурных, которые в начале каждой недели выбираются жеребьевкой. Повар выбирается таким же методом. Режим проживания в школе не строгий, но расписанный. Домой отпускают три раза в месяц, но в случае необходимости могут отпустить и вне очереди. Занятия начинаются после дневной молитвы и продолжаются до первой вечерней молитвы (аср).

По информации учеников, при грубом нарушении порядка учитель вызывает их родителей и ставит задачу о необходимости более строгого поведения их ребенка. Но родители обычно при этом признают за учителем право строгого наказания их детей, подтверждая свое согласие словами пословицы: «Мясо ваше, кости наши». (Физические наказания и «палочная дисциплина» также входили в число традиций начальных религиозных школ региона, а насчет ее «эффективности» в народе существует поговорка: «От ударов палки и медведь станет муллой».)

По характеру обучения худжру Домулло Мухаммадшарифа можно считать общеобразовательной. Каждый ученик одновременно изучает 3-4 предмета, уровень обучения не одинаков для всех. В отличие от такого метода в известной худжре села Чоркух Исфаринского района ученик занимается только по одной книге и к следующему учебнику (предмету) переходит только после освоения предыдущего. Доказывая преимущество своего метода, исфаринский учитель Домулло Наимджон говорит: «Наш наставник Мулло Сулаймон в свое время утверждал, что если ученик занимается по одному учебнику, то он станет муллой, если занимается одновременно по двум учебникам (предметам), то, вероятно, может стать рассказчиком, но если занимается одновременно по трем книгам, он будет дворником мечети, но не муллой».

Взаимоотношения параллельных сетей религиозного образования

Во взаимоотношениях официальной и частной сетей религиозного образования в Таджикистане сохраняется определенная конкуренция. Ограниченность программ, поверхностность религиозных знаний выпускников и конформизм официальных медресе и сегодня остаются главными аргументами непризнания этой сети со стороны ведущих авторитетов частного образования. По мнению известного частного учителя Эшони Махмуджона, сегодня это соперничество идет на спад, но в советское время оно было довольно напряженным.

Действительно, качество и уровень образования в «советской медресе», как и сегодня, сильно уступали частной сети. Так, например, чтобы стать настоящим муллой, такие известные в республике священнослужители, как Домулло Хабибулло и Домулло Мансур Джалилзода, так же как и многие другие, после окончания официальной религиозной медресе в Бухаре в течение десяти лет учились у Эшони Нуриддина, который получил образование исключительно в частной сети.

Об особой и определяющей роли частной сети религиозного образования в Таджикистане говорит и такой факт, что сегодня в религиозной среде республики господствующее положение сохраняется за ее выпускниками. В число 50 самых влиятельных и популярных религиозных деятелей республики за последнее десятилетие входили только 4-5 выпускников официальной сети, да и то в основном выпускники зарубежных религиозных университетов, в их числе Ходжи Акбар Тураджонзода, Ходжи Хусейн Мусозода, Ходжи Муслихиддин Мукарамзода, Ибодулло Калонзода, Хайдар Шарифзода и т.д. При этом они утверждают, что основу своих религиозных знаний получили именно в семье или у частных наставников.

В то же время ведущие религиозные авторитеты республики, такие как Эшони Тураджон, Домулло Хикматулло Точиқободи, Эшони Нуриддин, покойный Саид Абдулло Нури, покойный Мухаммадшариф Химматзода, Эшони Абдулқуддус, Махсуми Исмоил, Эшони Махмуджон, Домулло Абдулхай, Домулло Мухаммади, Домулло Махмадали, Эшони Абдулхалилджон, Амонулло Неъматзода (бывший председатель Совета улемов), Эшони Алломай Регари, Махсуми Убайдулло, Махсуми Саидрахмон, Эшони Киемиддин, Давлат Усмон, Домулло Сафиюллохон, Эшони Мир-

зоюсуф, Домулло Наимджон, Домулло Абдуллашид и многие другие, которые в совокупности определяют религиозную атмосферу таджикского общества, прошли обучение именно в частной сети.

Относительный спад частного религиозного образования в последние годы

Несмотря на сохранение ведущей роли частной сети религиозного образования в республике, сегодня можно говорить о некотором ее спаде по сравнению с 90-ми годами. Следующие факторы обусловили существование данного явления.

1. Усиление деятельности властей в направлении максимального контроля над процессами религиозного образования. В последние годы государственный орган по делам религии старался перевести весь процесс религиозного образования в официальную плоскость и свести к минимуму возможность получения неформального образования. Так, сегодня в большинстве выше-названных частных религиозных хужрах снижается число учеников, ограничивается деятельность, а некоторые из них закрываются.

2. Постепенное повышение роли систематизированного образования. Повышение роли систематизированного образования происходит, с одной стороны, за счет его легитимности и относительной правовой безопасности, с другой стороны, за счет последних положительных изменений в программах обучения ряда исламских медресе, в городах Худжанд, Вахдат и т.д. Этой тенденции также содействует увеличение числа выпускников зарубежных религиозных учебных заведений, часть из которых по уровню знаний получают признание местного духовенства, в том числе традиционного толка. Например, в Худжандском медресе группа молодых учителей, получивших зарубежное образование, подняли научный уровень учебной программы намного выше традиционного.

3. Падение уровня жизни частных учеников и учителей. Некоторые частные учителя, такие как Эшони Махмуджон (г. Вахдат), оценивают этот факт как главный. По традиции, определенная часть материального содержания учеников в частной религиозной школе возлагалась на учителя-наставника, а сегодня большинство из них не могут себе позволить такую роскошь. Такие известные частные учителя, как Мулло Эшонджон (пос. Южный, г. Душанбе) и Домулло Абдулхай (село Оли Совет, район Рудаки), указали, что в 80-е и 90-е годы они были состоятельными

людьми и содержали учеников в основном за свой счет, но сегодня все живут в непростых материальных условиях.

С начала 2000-х годов спад частного религиозного образования наметился и на севере республики. Основной причиной такой тенденции считается широкомасштабная кампания борьбы с партией «Хизб ут-Тахрир» (ХТ) в Согдийской области. Хотя традиционные хуждандские хуждры не имели отношения к деятельности этой партии, борьба с ХТ воздействовала на них следующим образом:

- опасаясь того, что хуждры могут превратиться в очаги распространения или в объекты влияния ХТ или других нетрадиционных исламских течений, местные власти наложили некоторые ограничения на их деятельность;

- опасаясь вовлечения детей в деятельность ХТ или просто их обвинения в причастности к ХТ, многие родители забрали своих детей из хуждр, или вообще запретили им посещать религиозные кружки;

- опасаясь быть обвиненными в поддержке ХТ или других радикальных течений, многие спонсоры и меценаты прекратили свою помощь хуждрам, или перестали предоставлять свои возможности (в основном в виде помещений) для функционирования религиозного образовательного кружка.

В результате многие кружки и частные школы из частных помещений перешли в здания мечетей, где учеба имела полулегальный статус или проходила в промежутках между молитвами. Частный учитель проводил урок прямо перед началом молитвы или сразу после ее окончания. Но летом 2005 г. официальным письмом представителя комитета по делам религии в Согдийской области О. Алиева от 06.07.2005 г. была приостановлена и деятельность образовательных кружков при мечетях. По мнению таких известных аналитиков, как Дж. Ниязов, подобные решения способствуют вытеснению частного религиозного образования в глубокое подполье, где высока возможность его радикализации.

Программы и этапы обучения в системе частного религиозного образования

Многочисленные частные школы различаются не только материально-техническими условиями, но и уровнем и содержанием образования. Самым распространенным типом школ частного религиозного обучения, встречающимся почти в каждом селе и го-

родском квартале, являются «начальные» худжры. В них обучают в основном только азбуке религии, т.е. алфавиту, основам религии и т.д., опираясь на такие базовые книги как «Коидаи Багдоди» («Багдадские правила») и «Заруриети дини» («Установления веры»).

Главным звеном частного образования являются «средние» худжры – кружки и школы с более продвинутым содержанием учебного курса, где уровень преподавания отдельных дисциплин достигает уровня медресе и университетов. Именно в таких школах, которые в основном формируются вокруг известных религиозных наставников, получает подготовку основная масса духовенства республики.

Наряду с ними существуют немногочисленные частные школы, которые можно назвать «религиозными академиями». В них изучаются «высокие науки», т.е. предметы самого высокого уровня сложности. Примером такой «академии» можно считать домашнюю школу Мавлави Хиндустани в г. Душанбе. Как утверждал Домулло Абдулхай Искандаров, его известный ученик и сподвижник, Хиндустани в основном преподавал высшие предметы, которые нельзя было изучить у других учителей. При отборе учеников он выяснял уровень их знаний и многим желающим любезно рекомендовал: «Пока учитесь у такого-то учителя, как достигнете уровня наших уроков, мы вас обязательно примем».

Хиндустани в основном преподавал комментарии к Корану, толкование изречений Пророка, исламскую юриспруденцию, и «бедилеведение», т.е. творчество Мирзо Абдулкодира Бедия, глубоким знанием которого он славился больше всего. Также и в бухарских медресе XIX – начала XX в. освоение сверхсложного творчества Бедия считалось вершиной науки. Сегодня уроки этого уровня преподают такие известные наставники, как Эшони Нуриддин (г. Вахдат), Домулло Хикматулло (Таджикабадский р-н), Домулло Мухаммади (Кумсангирский р-н), Домулло Абдулхай (г. Душанбе) и т.д.

Учителя обычно не пользуются разработанной учебной программой, хотя учебный процесс в частных домашних школах имеет свои правила и логику. Каждый учитель свободен в выборе методов, предметов, учебников, сроков изучения той или иной книги, предмета и т.д. Иногда предмет обучения выбирается по желанию ученика: кто-то желает учить только Коран, другой – только фикх, третий – только арабскую грамматику. Но у известных мулл – учителей, которые десятилетиями содержали кружки среднего и высшего уровня, постепенно сложились атрибуты

настоящих учебных курсов: собственная методика, последовательность дисциплин и учебников, периодичность аттестаций и каникул и т.д. Несмотря на большие различия между подходами к обучению, большинство учителей стараются максимально приблизить свои методики и содержание обучения к программам бухарских религиозных медресе, которые до сих пор считаются эталоном в этой области.

Так, изучение программы обучения наиболее известной частной школы Эшони Махмуджона в качестве примера показывает, что эталонная программа полноценного частного образования включает в себя различные этапы обучения и охватывает освоение огромного количества традиционно изучаемых учебников и предметов. В школе Эшони Махмуджона учебный процесс начинается с таких относительно простых книг (дисциплин), как «Коидаи Багдоди», «Бидон» («Знай» – введение в арабскую морфологию), «Хафтияк» («Седьмая часть Корана» – избранные коранические стихи), «Чоркитоб» («Четыре книги» – введение в молитвы и ритуалы) и т.д., и заканчивается такими сложнейшими книгами академического уровня, как «Кофия» Ибн Хаджиба (высшая арабская грамматика), «Шархи мулло» Абдуррахмана Джами («Комментарии муллы» – высшая грамматика и лингвистика), «Хидоя» Бурхониддина Маргинони («Благословение» – высшая исламская юриспруденция), «Мишкоти тариф» Абдуллоха Хатиба (комментарии к хадисам Пророка), «Джалолойн» и «Байзови» (комментарии к Корану), «Усули Шоши» («Метода Шоши» основы фикха от Шоши), «Акоиди Насафи» («Взгляды Насафи», теология от Насафи), «Унвон» («Заглавие» – арабская литература), «Бедил» (персидская классическая литература) и т.д. Абсолютное большинство изучаемых книг представляют собой исключительно сложные средневековые тексты на староарабском языке.

Столь богатый набор предметов и наук содержит огромный объем материала, полное освоение которого можно сравнить с университетским и академическим курсом. Человек, освоивший такое количество знаний столь высокого уровня, несомненно, может считаться высокоинтеллектуальной личностью, так как программа охватывает широкий спектр не только теологических, но и исторических, филологических, философских, педагогических и эстетических знаний. Кроме того, процесс частного обучения включает освоение целого ряда практических и ритуальных навыков.

О существовании определенных минимальных и высших уровней освоения учебных курсов в частной сети религиозного образования говорит и наличие такой символической церемонии, как «Хатми илм» (дословно «завершение науки»), являющейся празднеством в честь окончания полного курса религиозного образования. Данная церемония воспринимается как освоение всех существующих книг и наук. Конечно, в последние годы данная церемония часто приобретает несколько популистский характер.

С другой стороны, определенная часть учеников прерывает регулярную учебу после освоения основ религии, изучения молитв, церемониально-ритуальных текстов и ритуально-обрядовой практики. При этом нигде не фиксируется уровень знаний, достигнутый учеником: с чего он начал учебу, что освоил и на какой стадии остановился. Но тот факт, что он знает азбуку религии и некоторое время изучал у учителя исламские науки, дает ему право заниматься религиозной деятельностью среди населения. Таким образом, ряды духовенства пополняются, в том числе и несостоявшимися, недоучившимися и полуграмотными муллами, что сегодня является одной из главных проблем таджикского мусульманского духовенства.

Некоторые преимущества и проблемы частного религиозного образования

Анализ особенностей частного религиозного образования показывает, что по сравнению с официальной сетью оно имеет свои преимущества и недостатки. Особое значение представляют следующие положительные и отрицательные особенности частного образования:

1. В частных религиозных школах и кружках ученики получают достаточно глубокие и полные знания по отдельным предметам, чего нельзя достичь в медресе. Здесь часто выучивают наизусть полный текст основных книг по арабской грамматике и исламской юриспруденции – фикху.

2. В частной сети обращается особое внимание на освоение практических аспектов религиозной деятельности. В отличие от студентов медресе ученики частной сети быстрее осваивают церемониально-ритуальную часть религии, в том числе такие решающие в среде духовенства предметы, как риторика и ораторское искусство. Ввиду отсутствия установленных критериев определения уровня и способностей богослова в Таджикистане сегодня одним

из главных показателей народного признания религиозных деятелей является именно владение ораторским искусством.

3. Частное образование не имеет возрастных и режимных ограничений: ученики любого возраста в любое время дня или ночи могут обучаться у муллы, могут прервать или восстановить учебу на любой ее стадии; некоторые лица обучаются 20–25 лет и даже всю жизнь.

4. С другой стороны, частное образование дает несистематизированные знания, не подлежащие квалификационным измерениям и оценке. Это является одной из серьезнейших проблем таджикского духовенства: никто не может определить степень, уровень и компетентность действующих священнослужителей. Но согласно действующей практике, только получение определенного минимума религиозной информации (даже не образования) у любого наставника дает основание для занятия религиозной должностью.

5. Обучение в частной сети часто содействует формированию узкого кругозора у учеников, так как индивидуальная учеба только у одного учителя, учеба в изолированной среде, освоение ограниченного ряда специфических знаний не приводит к формированию широкого научного и современного общественно-политического кругозора. Иногда знания учеников приобретают удивительные количественные размеры, но это количество не всегда переходит в качество.

6. Частное образование содействует сохранению атмосферы сильного индивидуализма и разногласий в среде духовенства. Эту реальность очень четко выразил известный ходжентский имам И. Калонзода: «В частной сети вместе с религиозными знаниями ученик перенимает у наставника все личные раздоры и противоречия с другими». Например, если данный наставник имеет сложные отношения с другим муллою, их ученики также враждуют между собой. Так, линия враждебности проходит по классической схеме «учитель против учителя – ученики против учеников».

7. Частные школы являются сегодня хранителями старых и традиционных методов обучения. Особенно в условиях, когда сегодня в официальной сети религиозного образования идут попытки реформирования, частная сеть будет настаивать на необходимости сохранения старых традиционных методов и не признает «еретические нововведения» в систему религиозного образования.

8. В отличие от официальных медресе в абсолютном большинстве частных школ не преподаются навыки письменности.

В результате большинство выпускников частной сети религиозного образования не имеют письменной грамотности.

Некоторые выводы и предложения

Изучение и анализ современного положения религиозного образования в Таджикистане и особенно рассмотрение состояния и проблем частной сети религиозного образования позволяют сделать следующие выводы и рекомендации:

- религиозное образование играет решающую роль в формировании уровня и типа религиозного мышления исламского духовенства и общества в целом. В связи с этим модернизация религиозного мышления, как действенная мера по оптимизации исламского фактора, возможна только через модернизацию религиозного образования;

- только просвещенный и прогрессивный интеллектуальный ислам может сыграть конструктивную и стабилизирующую роль в процессе формирования таджикского национального государства. Консервативное и реакционное религиозное мышление может служить фактором дестабилизации, очагом радикализма, слабым звеном национальной безопасности;

- частная сеть религиозного образования в Таджикистане и сегодня остается наиболее массовой и мощной сетью распространения религиозных знаний и основным каналом формирования реальных и влиятельных религиозных лидеров;

- частная сеть религиозного образования остается средой сохранения традиций и методов религиозного образования, что, с одной стороны, служит основой ее действенности, а, с другой стороны, придает ей консервативный характер: в этом сила и слабость этой сети;

- в современном таджикском обществе слабое и безнадзорное (?) положение официальной сети религиозного образования и низкий научный уровень его институтов служат сохранению доминирующей и определяющей роли частного религиозного образования в формировании религиозной атмосферы, ценностей, подходов и стандартов;

- для укрепления роли официального религиозного образования и его вывода из глубокого кризиса необходимо создавать законодательную базу и формировать политическую волю для оказания ей государственной финансовой и методической помощи,

что сегодня невозможно из-за юридических и чисто политико-психологических барьеров;

- для признания официальной сети религиозного образования со стороны частных вероучителей необходимо кардинальное изменение нынешних учебных программ исламских медресе и институтов в направлении их соответствия установившимся традициям мовароуннахрской (бухарской) элитарной школы религиозного образования и международным достижениям в этой области;

- с этой же целью необходимо привлекать для преподавания в официальные медресе известных авторитетов частной сети религиозного образования, таких, например, как Эшони Нуриддин, Домулло Хикматулло, Домулло Наимджон, Эшони Махмуджон и т.д.;

- усиление борьбы с частным религиозным образованием, особенно широкое использование силовых методов в этой кампании приведет к вытеснению частной сети в глубокое подполье, где очень высока вероятность его консервации и радикализации, а также усиления негативизма по отношению к политике государства;

- необходимо уменьшить существующие барьеры на пути легализации частного религиозного образования и ввести в действие практику лицензированного и легитимного получения духовных знаний. Это позволит получить реальное представление о масштабах и содержательных направлениях развития частного образования, и одновременно облегчит процесс осуществления государственного контроля.

*«Ислам в СНГ»,
М.–Н. Новгород, 2011 г., № 4 (5), с. 100–107.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Керим Хас,

востоковед

(ИСАА им. М.В. Ломоносова)

ПОЗИЦИЯ ТУРЦИИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Евразийский регион, являясь перекрестком мировых транспортных путей, соединяющих Север и Юг, Запад и Восток, в последнее десятилетие приобрел значение одного из важнейших субъектов мировой политики. Геополитическое положение, а также военно-стратегический, энергоресурсный потенциал Черноморского и Каспийского морского пространства способствуют тому, что Евразийский регион играет и роль плацдарма, который позволяет контролировать различные коммуникации, находящиеся в фокусе интересов крупнейших игроков мировой политической арены. Здесь тесным образом переплетены интересы региональных и внерегиональных государств, таких как Россия, США и страны Западной Европы, а также и не менее влиятельных государств Востока, таких как Турция и Иран. Ярче всего это проявляется в сфере международной и энергетической безопасности. Необходимо также отметить и тот факт, что ситуация в Евразийском регионе в целом характеризуется радикализацией общественно-политической жизни, развитием острых политических процессов, активным вмешательством в региональные события со стороны внерегиональных государств, что создает дополнительные трудности как в обеспечении региональной, так и политической стабильности и безопасности региона.

За последнее десятилетие Евразийский регион стал рассматриваться в качестве источника богатейших природных ресурсов, прежде всего углеводородного сырья, и оказался в центре соперничества различных стран и политических сил. Он также посте-

пенно становится ключевой «точкой отсчета» в соперничестве и конкуренции различных сил мировой политики и международных отношений, предопределяя наиболее заинтересованных игроков в этом регионе – Россию и Турцию.

Положение, занимаемое Россией, сопряжено с особыми сложностями, но в то же время создает для нее дополнительные возможности непосредственно в Евразийском регионе и за его пределами. Турция же, претендующая на роль регионального лидера, в свою очередь, стремится расширить свое влияние в экономическом и политическом плане. Действуя осторожно и сдержанно, что связано, в том числе, и с заинтересованностью в поддержании хороших отношений с Россией, Турция постепенно и основательно проводит политику «укрепления» своей позиции в регионе, выступая одновременно партнером и соперником России в Евразийском регионе.

На сегодняшний день эффективность региональной системы безопасности зависит от способности международного сообщества создать механизмы вовлечения региональных действующих лиц, в первую очередь – России и Турции. Являясь самым большим государством мира (11,46% площади всей суши Земли), в настоящее время Россия занимает восьмое место в мире по численности (142,9 млн. человек) постоянного населения. По оценкам Росстат, объем ВВП России за 2010 г. составил 1,477 млрд. долл. Топливо-энергетический комплекс России обеспечивает 25% валового внутреннего продукта и 30% объема промышленного производства, более 50% доходов федерального бюджета страны. С другой стороны, на 2010 г. Турция занимает 15 место в мире по экономической мощи и страна показывает колоссальный рост экономики и развития (на 2010 г. по росту экономики – 8,9% уступает лишь Китаю и Аргентине). Мировой кризис 2008–2009 гг. прошел для Турции, в отличие от многих государств, в относительно мягкой форме. По оценкам ТЮИК, ВВП Турции за 2010 г. составил 736 млрд. долл. и ВВП на душу населения – 10,079 долл. Вместе с их историческим наследием, эти государства играют большую роль в обслуживании транзитных связей на региональном уровне. Учитывая экономический, политический, военный и культурно-идеологический вес, формулирование тактических приемов и выработку стратегических основ, политика этих стран носит комплексный характер. Необходимо отметить, что регион расположен на пересечении важных с точки зрения национальных интересов России и Турции коммуникационных путей, соединяющих

европейские, южно-азиатские и дальневосточные экономические центры.

С ее динамичной экономикой за последнее десятилетие и возрастающей значимостью геополитического положения основные цели современной внешней политики Турции можно определить как следующие:

- развитие политических отношений не только с глобальными игроками международного порядка, но и с соседними странами и новыми независимыми государствами в Черноморско-Каспийском пространстве;

- усиление взаимозависимости путем создания крупных региональных зон экономической интеграции и защита социально-культурных ценностей, формируя и мобилизуя их в целях служения национальным интересам.

Также с учетом современных тенденций к усилению регионального и международного сотрудничества, внешняя энергетическая стратегия Турции направлена на интеграцию страны в глобальную энергетическую систему. Турция стремится к реализации крупномасштабных проектов на своей территории и планирует извлечь выгоду из богатых нефтегазовых запасов вокруг нее путем строительства трубопроводов в соседние страны, которые страна сможет использовать как транзитный коридор между Севером–Югом и Западом–Востоком.

Вместе с тем современная внешняя российская политика в Евразийском регионе основана на военно-политических, энерго-стратегических и структурно-экономических принципах. Геополитическое положение, природные богатства и комплексные трансконтинентальные коммуникационные коридоры этого региона предопределили его особую роль в формировании и применении этих принципов. Преследуя собственные интересы для осуществления своих намерений, Россия, с одной стороны, стремится обеспечить политическую и социальную стабильность на южных рубежах государства и сохранить свое влияние в этом регионе. С другой стороны, реализация новых энергопроектов через свою территорию и развитие торгово-экономических связей с соседними странами – путь, по которому РФ может извлечь максимальные для себя выгоды. Вместе с этим необходимо также учитывать, что уникальное географическое положение Черноморско-Каспийского региона, наряду с значительным нефтегазовым потенциалом, обеспечивает его привлекательность для всех, кто заинтересован в присутствии в этом регионе.

Военно-политические приоритеты Москвы на Евразийском пространстве больше всего определены в контексте достижения баланса сил с ведущими региональными и мировыми державами и создания для этого новой стратегической «оси». Новая конфигурация региона после распада СССР, сопряженного с возникновением новых независимых государств на берегах Черного и Каспийского моря, и внешнеполитические курсы причерноморских и прикаспийских стран вызвали изменение российского подхода к сотрудничеству и конкуренции в геополитическом плане.

С другой стороны, внешнеполитические приоритеты Турции в Евразийском регионе основываются на трех принципах: многовекторная внешняя политика, максимальная экономическая интеграция и социально-культурное сотрудничество. Политическое влияние, геополитическое положение, экономическая мощь, историческое наследие и растущее население позволяют Турции осуществлять крупномасштабные стратегические проекты, принимать активное участие в международных отношениях и вносить свой вклад в достижение стабильности и процветания в окружающих регионах. 4 ноября 2009 г., выступая в Институте международных стратегических исследований (USAK) в Анкаре и отмечая принцип основателя Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка – «Мир в стране, мир во всем мире», Президент А. Гюль заявил, что Турция «продолжает проводить многовекторную и ответственную внешнюю политику и внешняя политика Турции развивается на всех возможных направлениях и основывается на прагматичных интересах, а также чувством ответственности за судьбу региона, которое вызвано историческим прошлым Турции и ее региональными связями». То есть, интересы Турции в данном регионе также имеют как прагматично-экономический, так и историко-политический характер. Глава государства не называет страну сверхдержавой, подобной США, однако, он утверждает, что Турция является достаточно сильным региональным игроком, способным проводить самостоятельную политику на основе собственных стратегических интересов и подходить к региональным вопросам с ответственностью, обусловленной ее историческим прошлым и уникальным геостратегическим положением. Вместе с тем внешнеполитический курс страны в значительной мере определяется обязательствами Турции в качестве члена различных международных и региональных организаций / блоков. Турецкая Республика является членом следующих влиятельных международных организаций: ООН – с 1945 г. (страна-учредитель), Международный ва-

лютный фонд – с 1947 г., Совет Европы – с 1949 г., НАТО – с 1952 г., ОЭСР – с 1961 г., ОБСЕ – с 1973 г., Организация Экономического Сотрудничества (ОЭС) – с 1985 г., Организация Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС) – с 1992 г., ЕС (статус кандидата в члены ЕС – с 1999 г.).

В этом контексте важно отметить, что с распадом СССР началась новая фаза в отношениях между Турцией и Россией. Для Москвы первым вопросом было сохранение влияния на постсоветском пространстве и в этом контексте предотвращение влияния Турции на Кавказе и Центральной Азии. До середины 1990-х годов процесс отношений между Москвой и Анкарой можно охарактеризовать как период подконтрольной напряженности и конкуренции в сферах геополитического влияния и двухсторонних отношений. По мнению политолога М.А. Хрусталева, в течение 1990-х годов в немалой степени осторожность Анкары в отношении с Москвой объясняется достаточно серьезной заинтересованностью турецких деловых кругов в российском рынке и остротой курдской проблемы. Поэтому турецкие правящие круги избегали обострения отношений с Россией. Они воздержались от активного вмешательства в дела Северного Кавказа и, по крайней мере, официально не поддерживали чеченских сепаратистов. Однако новая конъюнктура и изменения в евроазиатском пространстве, с одной стороны, привели к продолжению геополитического соперничества между государствами в этом регионе, а с другой, определили и сформировали процесс интенсивного экономического сотрудничества России с Турцией. Каждая из сторон продемонстрировала открытую заинтересованность в развитии сотрудничества в экономической сфере. Российская сторона, например, большое внимание уделила топливно-энергетической области. Таким образом, в 1990-е годы развитие двусторонних отношений с Россией характеризовалась преобладанием экономической составляющей.

После прихода к власти в Турции правительства с ноября 2002 г., сформированной Партией справедливости и развития (ПСР), наметился политический прорыв в российско-турецких отношениях. Как отмечается в программе правящей партии ПСР, «отношения с Россией в Центральной Азии и на Кавказе будут основываться на сотрудничестве вместо конкуренции», в новый период двусторонних отношений разностороннее сотрудничество занимало место исторической конкуренции между Россией и Турцией.

Несомненно, отражение нового видения внешней политики Турции в значительной степени было сформулировано нынешним министром иностранных дел Ахметом Давутоглу в его книге «Stratejik Derinlik») в начале 2000-х годов. Об отношениях с соседними странами он утверждает, что «Для страны, испытывающей постоянные кризисы с соседними государствами невозможно провести региональную и глобальную внешнюю политику. ...Поэтому Турция должна принимать всесторонний план мирного урегулирования и пакет мер для развития экономических и культурных отношений и для преодоления кризисов по безопасности с самыми близкими соседями». Анкара придерживается мнения, что поляризация в Черноморско-Каспийском регионе в целом, и конфронтация с соседними государствами в частности, не будут в интересах стран региона. Также, общие взгляды и заинтересованность Анкары и Москвы на черноморскую проблематику привели к сохранению минимального присутствия нерегиональных участников в Черном море. Таким образом, важно подчеркнуть, что возрастающая динамика развития двусторонних отношений с Россией должна оцениваться в этом контексте.

Происходящий в последние годы рост двусторонних торгово-экономических связей между Россией и Турцией, сближение их позиций по вопросам экономической интеграции в евразийском регионе, нацеленность сторон на взаимодействие, опирающееся на тесные политические контакты, позволяют не только говорить о новом этапе в российско-турецких отношениях, но и способствовать разрешению существующих региональных проблем и противоречий, ускорению процесса интеграции в Евразии на новой расширенной концептуальной основе. Вместе с объективными факторами сближения обоих государств (географический фактор, общие границы, наличие региональных интересов) реалии международной обстановки начала XXI в., связанными, главным образом, с событиями на Ближнем Востоке, с войной в Ираке и политикой США, а также с откровенным отсутствием подвижек в вопросе принятия Турции в ЕС, также влияли на прогресс отношений между Москвой и Анкарой. Для государств, находящихся в Евразийском пространстве, которое до сих пор является одной из основных территорий борьбы за мировое господство, новый период – это процесс переоценки своих позиций. Важно отметить, что для определения будущей судьбы Евразии судьбоносными станут стратегические подходы к решению проблем и взаимоотношения между Турцией и Россией, которые занимают ключевые позиции в

этом регионе. В этом контексте контакты государственных деятелей на высшем уровне дают нам возможность для переоценки двусторонних отношений. 12–15 февраля 2009 г. президент Турции А. Гюль находился с государственным визитом в России, в рамках которого была подписана Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства. Турецкие эксперты склоняются к мнению, что этот саммит стал значимым событием не только с точки зрения развития двусторонних отношений между двумя евразийскими государствами, но и в области обеспечения безопасности и стабильности не только в регионе, но и в мире в целом.

Это также утверждается в ст. 5 данной Декларации: «отношения и сотрудничество между Россией и Турцией служат не только интересам двух стран, но и вносят весомый вклад в обеспечение мира, безопасности, стабильности и развития на широком евразийском пространстве и в мире в целом». Впервые за всю историю российско-турецких отношений глава Турецкой Республики посетил Россию, а также и один из субъектов страны – Татарстан – с государственным визитом. В состав представительной турецкой делегации, насчитывавшей около двухсот человек, вошли министры, депутаты парламента, руководители ряда государственных ведомств, ведущие представители деловых и научных кругов. Это во многом определило и обширную повестку дня, включавшую весь комплекс двусторонних отношений, вопросы регионального и глобального сотрудничества России и Турции. Государственный визит президента Турции А. Гюля в Россию знаменует новый этап в развитии российско-турецких отношений от многостороннего сотрудничества к стратегическому партнерству. Турецкие эксперты, комментируя итоги исторического визита президента А. Гюля, подчеркивали, что тесное сотрудничество Анкары с «северным соседом» послужит стабильности и процветанию в Черноморско-Каспийском регионе, а в частности на Южном Кавказе.

Об итогах российско-турецких переговоров, президент России Д.А. Медведев также отметил, что «Наши страны, естественно, заинтересованы в том, чтобы укреплялась безопасность Кавказского региона, чтобы черноморская безопасность была надлежащей. И здесь мы, во-первых, полностью солидарны в ряде позиций, которые могут укрепить эту безопасность. Мы приветствуем и ряд инициатив, с которыми обратились наши турецкие коллеги, в частности я имею в виду Платформу стабильности и

сотрудничества на Кавказе. Мы видим возможность её реализации и возможность вести более плотный и иногда неформальный диалог, способствовать решению экономических, транспортных, энергетических проблем региона».

Совместная Декларация является всеобъемлющим и четким документом, в котором зафиксированы не только политическая воля обеих сторон, но и конкретные предложения по выводу двусторонних отношений на качественно новый уровень. По словам одного из ведущих аналитиков популярной газеты Турции «Актам» И. Кючюккая, потенциал Декларации отражает продвижение сторон к «судьбоносному для обоих государств партнерству». С этими документами стало очевидным, что Россия готова к стратегическому партнерству с Турцией, и для этого у обеих сторон действительно есть потенциал, который необходимо реализовывать. В этом контексте необходимо обратить внимание на слова российского президента о том, что Москва рассчитывает на стратегическое партнерство с Турцией в вопросе обеспечения безопасности на Кавказе и в Черноморском регионе. Осознавая, что замороженные конфликты на Южном Кавказе способствуют потенциальной дестабилизации всего региона, Россия и Турция договорились о принятии эффективных мер по их урегулированию. В связи с этим, Анкарой была выдвинута инициатива (впоследствии получившая название «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе»), которая, с одной стороны, способствовала созданию атмосферы доверия между конфликтующими странами и в то же время дополняла уже существующие международные механизмы.

Второе заседание Совета сотрудничества высшего уровня прошло во время визита премьер-министра Р.Т. Эрдогана в Россию 15–17 марта 2011 г. В ходе переговоров в рамках российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня в Кремле состоялся также обмен нотами о вступлении в силу соглашения об условиях взаимных поездок граждан обеих стран и о реадмиссии. Также Анкара и Москва подтвердили готовность, несмотря на события в Японии, строительства на территории Турции первой атомной АЭС.

Слова Президента России Д. Медведева показывают, что переговоры не только шли о двусторонних отношениях, но и затрагивали проблемы регионального и глобального развития. Он отметил, что «мы с господином премьер-министром, естественно, не ограничились обсуждением внутренних, двусторонних вопросов.

Говорили о вопросах международной безопасности; говорили о проблемах, которые существуют и в нашем регионе, естественно, и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке с учётом того, что сейчас происходит в этой части света, тех больших проблем, с которыми сталкивается целый ряд государств. Мы говорили и о некоторых вопросах, связанных с ситуацией на Балканах, в Закавказье, естественно, и о черноморском сотрудничестве, что, безусловно, для наших стран является очень важным как для ведущих стран черноморского бассейна. Мы констатировали, что и Россия, и Турция готовы вносить свой вклад в обеспечение региональной безопасности и глобальной безопасности. Мы будем продолжать это сотрудничество как в двустороннем порядке, так и на многосторонних площадках». Турция также считает, что в любой схеме обеспечения безопасности в регионе должна участвовать Россия, а «внешние силы» должны воздержаться от вмешательства в ее непосредственную сферу влияния. Кроме того, Анкара признает за Россией право играть роль в решении «замороженных конфликтов» региона, особенно армяно-азербайджанского. В этом контексте, утверждая, что Турция и Россия находятся в очень чувствительном регионе, премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган согласился с президентом. Он отметил, что «Есть совместные направления, по которым нам нужно совместно действовать с Россией, – это и Кавказ, это и Балканы. Уверен, что мы по этим направлениям будем проводить полезную совместную работу и оставим хорошие результаты для последующих поколений».

Подводя итоги, можно сказать, что в основе отношений между Турцией и Россией в Евразийском пространстве в целом, а в Черноморско-Каспийском регионе в частности, в XXI столетии лежит цель разностороннего сотрудничества, нацеленного на обоюдные выгоды. Развивающиеся отношения Турции с Россией в энергетическом аспекте и стратегические выборы Анкары обеспечивают преимущество в увеличении геополитического влияния, особенно на Кавказе и Центральной Азии. Необходимо также отметить, что, в кратко- и среднесрочном периоде Турция будет в первую очередь заинтересована в ведении сбалансированной внешней политики, фокусируя свои интересы на собственной политической прибыли, для достижения которой она может пойти и на временное охлаждение отношений с Западом. Москва, ставящая во главу угла идею сохранения своего геополитического влияния в Европе, намерена не дать Западу возможности обойтись без ее нефте- и газопроводов. Безусловно, в ближайшем будущем существ-

вуют все условия для углубления двусторонних отношений между странами. С точки зрения турецкой политики – курс на более тесное сотрудничество с Москвой хорошо переплетается с внешнеполитическими задачами Турции, направленными на минимизацию проблем.

«Евразийское пространство: Прошое, настоящее, будущее», М., 2012 г., с. 69–76.

В. Куршаков,
востоковед
ШИИТСКИЙ ФАКТОР
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА

Во внешней политике Исламской Республики Иран (ИРИ) особое значение придается шиитскому фактору. Его роль заметно возросла после свержения в 2003 г. режима С. Хусейна в Ираке, а также в результате усиления в этот период позиций шиитских радикальных организаций и общего подъема гражданского самосознания мусульман-шиитов на Ближнем Востоке (БВ). Иран, являясь крупнейшей шиитской страной в мире, оказывает поддержку группам своих единоверцев в регионе Персидского залива. Без его содействия может существенно осложниться процесс послевоенного устройства в Ираке. Кроме того, Иран связан длительными узами сотрудничества с алавитским режимом Б. Асада в Сирии.

Противоречия между Ираном и арабскими государствами усилились после 1973 г., когда Иран отказался присоединиться к нефтяному эмбарго против Израиля. К тому же в большинстве арабских стран у власти находились тогда (как и сейчас) суннитские политические и экономические элиты, а права шиитского населения часто нарушались, что приводило к вооруженным антиправительственным выступлениям. В частности, в 1981 г. Исламским фронтом освобождения Бахрейна была предпринята попытка свержения правящего режима в стране; в 1983 г. шиитскими радикальными организациями осуществлены террористические атаки на казармы с иностранными военнослужащими в Бейруте и на шесть посольств в Кувейте. Недружественные взаимоотношения стран Персидского залива и ИРИ вынудили шахское правительство более активно использовать шиито-суннитские противоречия для оказания влияния на политическую ситуацию в арабских странах. Так, в 70-е годы Иран поддерживал шиитское «Движение

угнетенных» имама Мусы ас-Садра в Ливане, предоставлял финансовую помощь шиитской оппозиционной партии «Ад-Дава аль-Исламия», действовавшей в соседнем Ираке.

После победы исламской революции в Иране в 1979 г. имам Хомейни попытался сделать акцент на общеисламских ценностях и привлечь под свои знамена всех мусульман. Духовный лидер призывал к борьбе за возрождение ислама и исламское единство, противопоставляя их идее национализма. Ставился вопрос об освобождении исламского мира от любой зависимости – как от капиталистических, так и от социалистических государств. Эти принципы впоследствии легли в основу внешнеполитической доктрины ИРИ, получившей на Западе название «экспорт исламской революции». Как пишет американский политолог иранского происхождения В. Наср, «Хомейни желал, чтобы его воспринимали как лидера мусульманского мира... Он определял свою революцию не как шиитскую, а как исламскую и видел в ИРИ базу для глобального исламского движения, борясь за возрождение ислама». Само появление в результате исламской революции первого теократического шиитского государства – ИРИ, безусловно, сказалось на настроениях во многих странах БВ, где имелись влиятельные шиитские общины. Многовековое этнокультурное противостояние персов и арабов вышло на принципиально новый уровень, поскольку арабские шииты теперь считали именно Иран своим единственным заступником в противоборстве с суннитскими консервативными режимами. Так, победа исламской революции воодушевила зайдитов Йемена на активизацию борьбы за восстановление имамата, существовавшего в этой стране до 1962 г.

Иран оказывал поддержку радикальным шиитским группировкам Ирака, что впоследствии стало одной из основных причин ирано-иракской войны 1980–1988 гг. В 2004 г. король Иордании Абдулла первым заявил о создании Ираном «шиитского полумесяца», который представляет угрозу БВ. Многие лидеры арабского мира подхватили эту идею. В их числе – бывший президент Египта Х. Мубарак, министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал и др. Мубарак, например, заявлял, что «шииты региона в большей степени стали подконтрольны Ирану, чем собственным правительствам». Угрозу со стороны ИРИ усматривали и аравийские монархии, которые крайне негативно отнеслись к возможности усиления позиций Ирана и распространения его влияния в странах Персидского залива. Они опасались главным образом того, что Иран может инициировать борьбу за смещение возглавляе-

мых ими суннитских режимов. Одним из важнейших достижений иранской внешней политики стала возможность оказывать определяющее влияние на политические процессы, происходящие в Ираке. Баасистский режим С. Хусейна активно противостоял Ирану в его стремлении к региональному лидерству.

В Ираке большинство населения составляют арабы-шииты (около 60%), однако они были сильно ущемлены в своих правах. Под запретом находились все шиитские политические организации, то население могло получать поддержку и наставления только у религиозных руководителей – аятолл, которые продолжали свои усилия, несмотря на угрозы и репрессии со стороны правящего режима. Многие члены семей шиитских духовных лиц в Ираке подвергались пыткам и были убиты. С 1979 по 1983 г. в Ираке были казнены 48 видных шиитских духовных деятелей. В их числе и известный богослов из священного для шиитов города Эн-Наджафа – Мухаммед Бакир ас-Садр. Но, невзирая на преследования, иракские шииты в целом оставались лояльными правящему режиму: они воевали против шиитского Ирана во время войны 80-х годов, проявив себя не меньшими патриотами страны, чем сунниты. И только в 1991 г., во время войны в Заливе, в городе Басра вспыхнуло шиитское восстание, которое быстро распространилось на север до Эн-Наджафа. Выступления шиитов имели место и в других частях страны. Однако руководство Ирака не пошло ни на какие уступки. Поэтому одной из важнейших задач шиитов в тот период стала борьба за устранение власти С. Хусейна и установление равноправия в стране.

Шиитские повстанцы ожидали поддержки со стороны США, восприняв выступление президента Дж. Буша-ст. 15 февраля 1991 г. на радиостанции «Голос Америки» как призыв к свержению С. Хусейна. Между тем в Саудовской Аравии предупредили США о последствиях, которые могло бы иметь для региона падение правящего режима в Ираке, а именно – резкое усиление влияния ИРИ в южном Ираке. Для Саудовской Аравии власть суннитского диктатора была предпочтительней, чем укрепление позиций шиитов во всем ближневосточном регионе. Представитель госдепартамента США Р. Ваучер весьма определенно обозначил подход Вашингтона, заявив 6 марта 2001 г.: «Мы не считаем, что внешние силы должны вмешиваться во внутренние дела Ирака». В этом же ключе было и высказывание президента Дж. Буша-ст.: «Я никого не вводил в заблуждение по поводу намерений США. Я не думаю, что те шииты, которые недовольны своей жизнью при С. Хусейне

на юге Ирака, как и курды на севере страны, ожидали, что США придут им на помощь, чтобы вместе свергнуть этого человека. Я изначально дал понять, что у США нет такой цели». Американская администрация так и не оказала помощь шиитскому восстанию, которое вскоре было жестоко подавлено иракским диктатором.

Война в Ираке в 2003 г. и падение правящего режима привели к коренным изменениям в расстановке сил на БВ. В результате американцы, отнюдь того не желая, помогли Ирану осуществить те задачи, которые ему не удалось выполнить в ходе ирано-иракской войны, а именно – избавиться от своего давнего соперника, лидера суннитской элиты С. Хусейна. Более того, Ирак оказался втянутым в непосредственную сферу влияния Ирана. После краха диктаторской власти иракские шииты, наконец, получили возможность заявить о себе как о новой политической силе, причем, силе доминирующей.

Иранское руководство с первых дней военной операции в Ираке проводило политику «позитивного нейтралитета», предполагавшую невмешательство во внутренние дела Багдада. Власти ИРИ не раз подчеркивали необходимость уважения территориальной целостности и суверенитета соседней страны. Особое значение придавалось в Тегеране формированию в Ираке нового демократического правительства, которое должно было соблюдать права всех религиозных и этнических групп. Но в реальности ИРИ оказывала огромное влияние на внутривнутриполитические процессы в Ираке. Была возобновлена активная поддержка шиитских течений, и в первую очередь Высшего совета исламской революции Ирака (ВСИРИ). Это было обусловлено тем, что у Ирана появилась возможность начать с США диалог по целому комплексу региональных проблем. ВСИРИ же имел сильные позиции в антисаддамовском сопротивлении и рассматривался Вашингтоном не только в качестве союзника при проведении военной операции в Ираке, но и как одна из ключевых фигур на стадии послевоенного урегулирования в стране.

Сегодня шиитский фактор в Ираке остается одним из серьезных мотивов, удерживающих США и Израиль от вооруженной интервенции в Иран. Ведь в таком случае весь БВ будет вовлечен в затяжное военное противостояние, из которого найти выход будет крайне трудно. Тем более что череда «арабских революций», начавшихся в 2011 г., создала основу для формирования новых очагов нестабильности и конфликтности в этом регионе. Но, с другой

стороны, многие иракские шиитские группировки (например, радикальное движение «Армия Махди» Муктады ас-Садра) не желают быть лишь политическим инструментом Ирана для решения им своих внешнеполитических задач. Муктада ас-Садр сразу после вторжения войск США и их союзников в Ирак вступил в борьбу с ними. В начале 2003 г. он возглавлял военно-политическую организацию «Джамаат ас-Садр аль-Тани» («Движение Садра Второго»), а позднее, в июле, создал «Джайш Махди» («Армию Махди»), которая уже в апреле 2004 г. стала основной силой шиитского вооруженного восстания в Ираке. Он резко осудил идею создания на территории Ирака федеративного государства. Однако и замысел установления в постсадамовском Ираке системы управления, подобной иранской и основанной на принципе веляят-е факих (правление исламских правоведов), был отвергнут. Даже предположение о возможности формирования в Ираке исламского, а не светского государства, не вызывает одобрения у местных шиитских группировок. Тем более, что конфликты на религиозной почве в Ираке продолжаются.

Предводитель иракских ваххабитских исламистов, являющихся сторонниками «Аль-Каиды», Абу Мусаб аз-Заркауи в одном из своих обращений к иракским суннитам призвал их к вооруженной борьбе с шиитами, назвав последних «непреодолимым препятствием, затаившейся змеей, хитрым и зловредным скорпионом, шпионящим врагом и глубоко проникающим ядом». Примечательно, что духовный лидер иракских шиитов великий аятолла Али ас-Систани в своих выступлениях не обращает внимания на шиито-суннитские противоречия в стране, избегает обсуждения этого вопроса и высказывает лишь общие соображения относительно важной роли ислама в жизни будущего иракского государства и общества. Сами власти Ирана в разжигании шиито-суннитского противоборства в Ираке обвиняют внешние силы, прежде всего оккупационные войска США. В частности, бывший спикер парламента ИРИ Г.А. Хаддад-Адель заявил, что теракты в шиитских мечетях Ирака «не заставят мусульман разлюбить своих имамов». Иранский политик подчеркнул, что мотивация исполнителей данных терактов предельно ясна – отвлечь внимание от фактического провала американской политики в Ираке, дестабилизировать обстановку не только внутри страны, но и в регионе.

Шиитская община в Ливане, составлявшая примерно 35% жителей страны, несмотря на свою многочисленность, была малоимущей и политически пассивной. Но со временем в ней стали

возникать религиозно-политические организации, выступавшие за отмену конфессиональной системы государственного устройства Ливана, в рамках которой шииты занимали второстепенное положение. Такой порядок вещей уже не соответствовал возросшим политическим амбициям шиитского среднего класса. Главным импульсом, способствовавшим радикализации ливанских шиитов, послужила исламская революция в Иране. Однако если в других странах исламская революция только подтолкнула к подъему радикальные силы и движения, то в Ливане тегеранское руководство приняло непосредственное участие в создании исламистских группировок, рассматривая эту страну как плацдарм для расширения своего влияния в регионе. Таким образом, в Ливане в известном смысле была реализована на практике идея «экспорта исламской революции».

Позиции шиитов в Ливане особенно укрепились в связи с образованием в 1982 г. радикальной организации «Хизбалла» («Партия Аллаха»), ставшей своего рода символом способности арабов успешно противостоять Израилю. Исторические корни «Хизбаллы» уходят в Эн-Наджаф (Ирак), который в 50–70-е годы XX в. превратился в политический центр ливанских шиитов. В конце 60-х годов в единственной на тот момент иракской шиитской организации «Партия призыва» («Ад-Дава аль-Исламия») образовалось ливанское крыло, куда вошли некоторые лидеры «Хизбаллы», в том числе Муктада ас-Садр. Он создал в 1974 г. в Ливане «Движение обездоленных», а в 1975 г. – вооруженное крыло этой организации, получившей впоследствии название «Амаль». Свою ставку на Ливан Тегеран сделал в начале 80-х годов. Стремясь реализовать в Ливане идею исламской республики по образу и подобию иранской, руководители ИРИ сознавали, что достичь этого невозможно без установления их полного контроля над ливанской шиитской общиной. И, прежде всего, необходимо подчинить своему влиянию организацию «Амаль», которая к тому времени завоевала прочные позиции в этой общине.

В 1985 г. на совещании в Иране лидеры проиранских экстремистских организаций «Хизбалла», «Амаль» и др. обсудили план создания в Ливане исламской республики по типу иранской. Было заявлено о необходимости освобождения «оккупированного Израилем юга Ливана». После вывода в 1985 г. с большей части территории Ливана израильских войск при активной поддержке иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) приступила к созданию собственных arsenалов оружия. За сравнительно

короткий срок «Хизбалла» с помощью щедрых денежных пожертвований, поставок местному населению продовольствия, медикаментов и т.д. сумела мобилизовать под свои знамена значительное число новых членов и существенно расширить свою социальную базу в шиитской среде Ливана. Укрепление позиций «Хизбаллы» в районах традиционного влияния «Амаль» привело вскоре к соперничеству между этими двумя группировками. Во второй половине 80-х годов существующие разногласия вылились в ожесточенные вооруженные столкновения. А это усугубило и без того бедственное положение обосновавшихся в Ливане палестинских беженцев, фактически лишенных защиты после вынужденного ухода из Бейрута в августе 1982 г. отрядов ООП во главе с Ясиром Арафатом.

Руководство Ирана к этому времени осознало, что намерение создать в Ливане исламскую республику сталкивается с большими трудностями. К тому же в недавнем прошлом реакция большинства арабских государств на провозглашение исламской республики в Иране и, особенно, на некоторые аспекты ее внешней политики была в целом негативной. Страны региона, прежде всего Египет и Саудовская Аравия, видели в настойчивых попытках Ирана изобразить исламскую республику как «абсолютную исламскую модель» и центр мирового ислама серьезную угрозу своим международным и внутривнутриполитическим интересам. «Амаль» в 1990 г. отмежевалась от террористической деятельности и стала политическим движением религиозного толка. И хотя лидер «Амаль» Н. Берри вернулся в состав ливанского правительства, отрядам этого военизированного движения время от времени приходилось обозначать свое участие в военных операциях против израильской армии, чтобы не потерять политическую поддержку внутри страны.

С начала 90-х годов «Хизбалла» из чисто военной или полувойенной организации стала постепенно трансформироваться в политическую партию. В то же время она оставалась ведущей военной силой ливанского сопротивления, действуя на юге страны против Армии Южного Ливана и израильских войск. Летом 1992 г. руководство Ирана рекомендовало лидерам «Хизбаллы» превратить эту организацию из группировки, имеющей репутацию откровенно экстремистской, в активную политическую силу ливанского общества. В 1992 г. эта организация впервые приняла участие в парламентских выборах и получила 12 из 128 мест в парламенте страны. Глава «Хизбаллы» Х. Насралла отмечает, что «...как исламское государство, “Хизбалла” рассматривает Иран в

качестве братской и дружественной страны так же, как и Сирию, и правящий там режим. В рамках этих дружеских и братских связей Иран и Сирия могут влиять на организацию, а могут и не влиять. Иран и Сирия оказывают влияние на наши решения с учетом предоставляемой нам помощи и поддержки».

Несмотря на то, что в Бахрейне доля шиитского населения превышает 60%, рычаги власти и наибольшее влияние в государстве имеет суннитское меньшинство. Время от времени это приводит к массовым протестам мусульман-шиитов, недовольных своим местом в экономической и политической жизни страны. В 1981 г. в Бахрейне шиитские повстанцы предприняли попытку свержения королевской семьи аль-Халифа. По данным бахрейнских властей, за планами переворота стояла проиранская организация Исламский фронт освобождения Бахрейна, целью которой было изменение политического строя в государстве и установление там теократической республики. Верховным лидером планировалось сделать аятоллу Хади аль-Модариси.

Спустя полтора десятилетия в Бахрейне произошли серьезные массовые волнения, которые привели к многочисленным человеческим жертвам. Власти страны возложили вину за это на некую экстремистскую организацию, поддерживаемую из-за границы. В июне 1996 г. бахрейнское руководство обвинило Иран в том, что он поддерживает организацию «Хизбалла-Бахрейн», которая стремится свергнуть правящий режим. Прямые обвинения в адрес Ирана привели к резкому обострению ирано-бахрейнских отношений, что вызвало беспокойство соседних стран. Члены ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива) предприняли усилия по нормализации ситуации в Бахрейне, поскольку не были заинтересованы в усилении региональной напряженности. Что касается иранского руководства, то оно отрицало свою причастность к этим событиям, обвинив Запад в разжигании вражды между суннитами и шиитами как в Бахрейне, так и в других странах региона.

Новая волна беспорядков охватила Бахрейн в ходе «арабской весны» 2011 г. В отличие от других стран арабского мира мятежи в этой стране имели под собой явный религиозный подтекст. Протестующие выразили крайнее недовольство тем, что контроль над реальной властью в Бахрейне принадлежит суннитскому меньшинству, а шииты в этой относительно благополучной стране составляют беднейшее большинство населения. Прозвучал также призыв к политическим реформам и отставке правительства. Бес-

порядки в Бахрейне начались в феврале 2011 г. Уже к началу марта ситуация полностью вышла из-под контроля властей, и они приняли решение о введении в стране режима чрезвычайного положения. В середине марта правительство Бахрейна вынуждено было обратиться к странам ССАГПЗ за помощью для поддержания общественного порядка в стране. Вскоре в Бахрейн вступили около тысячи военнослужащих, преимущественно из Саудовской Аравии и ОАЭ. Глава МИД Бахрейна шейх Халид бен Ахмед аль-Халифа заявил в интервью радиостанции «Сава»: «Для Бахрейна все еще сохраняется внешняя угроза на региональном уровне. Учитывая это обстоятельство, находящиеся в Бахрейне силы “Щит полуострова” нельзя рассматривать как оккупационные, и, именно исходя из существования внешней угрозы, королевство будет просчитывать все свои дальнейшие шаги». Председатель исламского консультационного совета Ирана (меджлиса) Али Лариджани осудил введение «оккупационных войск» Саудовской Аравии в Бахрейн.

В феврале-марте 2012 г. протестные движения в Бахрейне возобновились. Основную массу митингующих вновь составили шииты, которые потребовали ограничения власти правящего суннитского меньшинства, проведения демократических реформ и перераспределения в свою пользу властных полномочий. Бахрейнскому монарху пришлось пойти на некоторые уступки, однако шииты посчитали их недостаточными, тем более что ключевые посты в правительстве и в силовых структурах по-прежнему сохраняются за суннитами. Неудивительно, что лозунги демонстрантов стали еще более радикальными, и о солидарности с бахрейнскими оппозиционерами заявили не только в Иране, но и в Ираке, где после свержения С. Хусейна доминирующие позиции во власти заняли представители шиитского большинства. Шиито-суннитские противоречия не обошли стороной и Саудовскую Аравию. Там в конце 70-х – начале 80-х годов происходили массовые антиправительственные выступления шиитов, доля которых составляла около 10–15% жителей королевства. Принятые тогда властями меры по снятию социальной напряженности в Восточной провинции, где проживает большинство мусульман-шиитов, позволили нормализовать ситуацию. Но Восточная провинция королевства и после этого неоднократно становилась ареной выступлений шиитских группировок, одной из которых является проиранская «Организация исламской революции».

Дело в том, что шиитское население Саудовской Аравии также подвергается дискриминации со стороны суннитской власти, представленной в этом государстве ваххабитами ханбалитского толка ислама. Ваххабитская секта отличается особой «жесткостью» и непримиримостью. Так, к примеру, в школьных учебниках шиизм характеризуется как форма ереси, худшая, чем христианство и иудаизм. Ваххабитские улемы считают шиитов «пятой колонной врагов подлинного ислама». Угроза, исходящая от «шиитских рафиди» (отвергающих истину ислама), по мнению ваххабитов, «не меньше, чем опасность со стороны евреев и христиан». В феврале 2011 г. в городе Катиф на востоке Саудовской Аравии обострился конфликт между шиитами и суннитами. Это произошло после того, как был арестован шиитский религиозный деятель Тауфик аль-Амир, призвавший установить в королевстве конституционную монархию и активнее бороться с коррупцией во властных структурах страны. В феврале-марте шииты провели несколько акций протеста с требованием освободить аль-Амира; митингующие были разогнаны с применением огнестрельного оружия, и без жертв обойтись не удалось. С этого момента протестная активность лишь усилилась. Сотни шиитов вышли на улицы с требованием проведения социальных реформ, освобождения политзаключенных, а также вывода саудовских войск из Бахрейна. Власти Саудовской Аравии обвинили ИРИ в поддержке саудовских шиитов и попытках дестабилизировать ситуацию в стране. По данным саудовских силовых ведомств, иранская разведка оказывает помощь шиитам в Саудовской Аравии, предоставляя им необходимые финансы и оружие. Это обвинение, однако, так и не было подкреплено убедительными доказательствами. Однако ИРИ имеет достаточные рычаги влияния на ситуацию в приграничных районах Саудовской Аравии, активно поддерживая шиитов в Восточной провинции, что позволяет ему таким образом воздействовать на одного из основных своих политических и идеологических конкурентов в регионе.

Йеменские шииты-зайдиты, составляющие примерно 45% населения страны, тоже обвиняют правительство в дискриминации, выступают за восстановление в стране шиитского имамата, упраздненного сентябрьской революцией 1962 г., и требуют официального признания своих прав. В Йемене действует запрет на создание шиитских религиозных школ, а шиитские священнослужители подвергаются преследованиям со стороны властей. Ограничен доступ и к средствам массовой информации. Йеменские

шииты вынуждены проводить свои религиозные обряды в тайне. В частности, не допускается празднование шиитского праздника Ид аль-Гадир (день назначения имама Али преемником пророка Мухаммеда). Инструментом иранского влияния на Аравийском полуострове является группировка йеменских шиитов (зайдитов) под руководством Хусейна аль-Хути. Зайдиты проживают преимущественно в горной провинции Саада на севере Йемена. Эта группировка зародилась еще в середине 60-х годов вследствие разочарования зайдитской племенной элиты итогами революции 1962 г. в Йеменской Арабской Республике (ЙАР), которую они первоначально поддерживали. Второе дыхание оппозиционное движение обрело после исламской революции в Иране: оно явно стало более радикальным. На первые роли в организации зайдитов вышел один из племенных шейхов, Ибрагим аль-Хути вместе с созданным им движением «Аш-Шабаб аль-мумин» («Правоверная молодежь»).

В ряду идеологических установок движения – создание самостоятельного государства в провинции Саада, борьба с коррупцией центрального правительства, формирование параллельной системы гуманитарных учреждений и т.п. На вооружение «Правоверная молодежь» взяла политические установки ливанской «Хизбаллы» и ее опыт в продвижении гуманитарных проектов среди населения (организация больниц, летних лагерей и пр.). Согласно аль-Хути, цель организации состоит в установлении полного контроля над провинцией Саада с последующим основанием республики Зайди, которая будет оказывать мощное воздействие на системы государственного управления на всем Аравийском полуострове. Республика Зайди должна стать, по словам аль-Хути, «южными воротами исламской революции».

«Аш-Шабаб аль-мумин» стала одним из инструментов «экспорта исламской революции» и дестабилизации обстановки не только в самой ЙАР, но и в соседней с ним Саудовской Аравии. Тесная связь группировки аль-Хути с Ираном не отрицается даже самими членами организации, а йеменские властные структуры несколько раз демонстрировали собранные ими данные, которые свидетельствуют о регулярной финансовой подпитке Тегераном этого движения. Между тем противодействие группировки аль-Хути центральному правительству вступило в активную военную фазу всего несколько лет назад. Прежде (особенно после объединения двух Йеменов в 1991 г.) ставка делалась на достижение целей мирным путем – особые надежды возлагались на переговоры

с правительством и развитие политического процесса в сторону плюрализма. Однако продолжение притеснений мусульман-шиитов, усиление американского влияния в Йемене, а также попытки центрального правительства воссоздать на мятежных территориях некое подобие вертикали власти вынудили аль-Хути вернуться в горы и перейти к открытой конфронтации с государством. В 2004 г. Ибрагим аль-Хути был убит и место руководителя занял его брат – Абдул-Малик аль-Хути, но это мало что изменило: в ЙАР по-прежнему обвиняют шиитские организации Ирана и Ирака в содействии мятежникам.

Иран является одним из немногих государств, оказывающих поддержку алавитскому режиму Башара Асада в Сирии, которая также считается неотъемлемой частью «шиитского полумесяца». Алавиты (нусайриты) – это шиитская секта, представляющая меньшинство в Сирии (около 7%), но играющая с 70-х годов ключевую роль в политическом развитии страны. Принадлежность алавитов к шиитской ветви ислама в историческом плане оспаривается как суннитскими, так и шиитскими теологами. Влиятельный суннитский богослов сирийского происхождения Ахмад ибн Таймия в 1320 г. даже издал фетву, где призывал к беспощадной борьбе с алавитами. По его мнению, алавиты – «это большие неверные, чем христиане и евреи, большие, чем многие идолопоклонники. Они нанесли больше вреда мусульманскому сообществу, чем многие неверные. Они причисляют себя к шиитской секте ислама, но в действительности они не верят ни в Аллаха, ни в его Пророка, ни в священный Коран... Война с алавитами является – богоугодным делом, обязанностью каждого мусульманина».

Сирийское руководство после военного переворота 1971 г. нуждалось в опоре на исламский мир: по конституции 1973 г. президентом страны мог быть избран только мусульманин. Поэтому алавиты решили заручиться поддержкой шиитского духовенства. Лидер духовной общины шиитов Ливана в 1973 г. принял фетву, согласно которой алавиты считаются мусульманами-шиитами. Это впоследствии способствовало сближению правящего режима Сирии с Ираном. Сирия приветствовала исламскую революцию в Иране. Основой ирано-сирийского сотрудничества стали религиозная общность, антиизраильская позиция и схожие взгляды на палестинскую проблему. Иран и Сирия поддерживали борьбу палестинского народа против Израиля за создание собственного государства. Стоит отметить, что установившийся в Сирии режим был светским, в то время как ИРИ – теократическое государство.

Серьезным камнем преткновения служил Ливан, в отношении которого Иран активно проводил политику «экспорта исламской революции», используя шиитские организации, в первую очередь «Хизбаллу». В свою очередь президент Сирии Х. Асад не скрывал, что он против превращения Ливана в исламскую республику. Так, в своем заявлении в июле 1987 г. он подчеркивал, что «Сирия никогда не позволит Ирану... создать исламскую республику в Ливане». Тем не менее, несмотря на определенные разногласия, Сирия традиционно рассматривается в качестве главного стратегического союзника Ирана на БВ. Однако в 2011 г. позиции Ирана в этой стране в целом заметно пошатнулись после того, как в марте в сирийских городах начались беспорядки, которые привели к многочисленным жертвам среди мирного населения, а на горизонте маячила угроза внешнего военного вмешательства.

В настоящее время ИРИ оказывает существенную помощь режиму Б. Асада. Верховный лидер Ирана аятолла А. Хаменеи заявил: «В Сирии заметны происки Америки и Израиля. Мы одобряем любое народное исламское движение, противостоящее США». Иран осуществляет поставки оружия в Сирию, оказывает помощь в подготовке правительственных войск, а также предоставляет средства информационного контроля в социальных сетях, электронных письмах и т.п. Руководитель аналитического американского издания Stratfor Дж. Фридман считает, что «западные державы поддерживают сирийскую оппозицию и готовы оказать помощь в свержении режима Б. Асада, поскольку в регионе происходит изменение баланса сил: с выводом американских войск из Ирака, усиливается влияние Ирана». По его мнению, «падение дружественного Ирану алавитского режима в Сирии, несомненно, приведет к ослаблению позиций Ирана в регионе».

Роль шиитского фактора во внешней политике современного ИРИ заметно возросла. Этот инструмент политической стратегии Тегерана служит укреплению позиций страны на БВ. Помимо собственных национальных интересов, Иран действует и в интересах шиитского населения других стран. Шиитский фактор содействовал укреплению гражданского и правового самосознания шиитов, проживающих в различных странах БВ. Иранская политика в регионе заставила суннитские консервативные режимы активно заниматься решением внутренних проблем мусульман-шиитов, в том числе и для того, чтобы избежать включения их в сферу влияния ИРИ. Однако с начала 2011 г. суннитские правительства многих арабских государств столкнулись с протестами, невиданными

по своим масштабам. Началась «арабская весна» или, как ее называют в Иране, – «исламское пробуждение». В тех арабских странах, где правительство служит интересам какой-либо отдельной группы населения, ситуация особенно обострилась. Сторонниками и участниками акций протеста стали наиболее незащищенные в этих странах в правовом отношении шиитские слои населения (особенно в Саудовской Аравии и Бахрейне).

Активизация в арабских странах в последнее время шиитских групп населения вызвала сильную озабоченность консервативных режимов на БВ. На повестку дня вынесена проблема угрозы со стороны формируемого Ираном «шиитского полумесяца». Эта опасность возникла как прямое следствие проведения Ираном несколько модифицированной политики «экспорта исламской революции». «Шиитское возрождение, – считает Вали Наср, – опирается на три столпа: установление власти шиитского большинства в Ираке, усиление Ирана в качестве регионального лидера и укрепление позиций шиитов в Ливане, Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ и Пакистане. Эти события взаимосвязаны и прекрасно дополняют друг друга. Все это также будет означать более равномерный шиито-суннитский баланс сил на БиСВ за последние четырнадцать столетий». Иран глубоко интегрирован в систему регионального взаимодействия на БВ и без его участия невозможно успешно решить ни одну из существующих там ключевых проблем. Можно предположить, что и в дальнейшем связи шиитских групп и организаций с Ираном будут только укрепляться. Есть надежда, что эти шиитские объединения не будут препятствовать становлению в странах БВ гражданского общества и будут отстаивать права и свободы человека, а радикальные организации смогут в будущем трансформироваться в цивилизованные политические партии и движения, защищающие законные интересы шиитского населения.

«Мировая экономика и международные отношения», М., 2012 г., № 11, с. 24–32.

Кристиан Коутс-Ульрихсен,
политолог (Лондонская школа
экономики и политологии)

АРАБСКИЕ РЕШЕНИЯ АРАБСКИХ ПРОБЛЕМ? (Изменение региональной роли стран Персидского залива)

События в Ливии, а затем в Сирии знаменовали собой новый этап региональной политики – о намерении резко повысить собственную значимость и вовлеченность в процессы политического переустройства заявили арабские государства Персидского залива. Эти монархии в основном выдержали давление, вызванное массовыми волнениями на Ближнем Востоке, после чего переключились на поиск «арабских решений арабских проблем».

Первые признаки их стремления к новой роли появились в марте 2011 г., когда Катар и Объединенные Арабские Эмираты присоединились к международной интервенции сил НАТО в Ливию. Эскалация кровопролития в Сирии побудила Катар и Саудовскую Аравию занять еще более воинственную позицию и начать вооружать сирийскую оппозицию. Весьма консервативные режимы хотят соответствовать запросам общественного мнения по всему арабскому миру, которое все решительнее высказывается в поддержку народных восстаний против автократов, лишившихся легитимности и политического авторитета.

Вспышка восстаний стала неожиданностью для большинства наблюдателей и правительств. Вполне случайное самосожжение Мохаммеда Буазизи в Тунисе в декабре 2010 г. явилось катализатором накопившегося народного возмущения по поводу вопиющего неравенства и унижения, которые ежедневно испытывают люди в арабском мире. Всплеск гнева после смерти Буазизи 4 января 2011 г. способствовал тому, что протест против социально-экономических трудностей обрел ярко выраженную политическую составляющую.

Водораздел прошел между молодым населением, приобщенным к интернету и спутниковому телевидению, жаждущим модернизации и перемен, и косными репрессивными режимами, неспособными дать молодежи надежду на лучшую жизнь и новые возможности. Современные СМИ и достижения в области телекоммуникационных технологий изменили условия взаимодействия между правителями и народными массами, лишив режимы возможности контролировать информационные потоки. Интернет,

спутниковое телевидение и социальные сети открыли новое пространство для горячих дискуссий о ширящейся пропасти, которая разделяет общественные прослойки, и о неравенстве в распределении богатства и доходов между «имущими» и «неимущими». В Египте и Тунисе коммуникационный удар пришелся по слабому месту усталой геронтократии – отсутствию прозрачности и подотчетности. Мобильная телефония и связь в режиме реального времени объединяли друг с другом все больше людей, создавая мощную платформу для распространения сообщений о планируемых демонстрациях и освещения идущих в данный момент выступлений.

Наиболее радикальные события, сопряженные со сменой режима, прокатились по Северной Африке. Однако «дух времени» отчетливо ощущался по всему ближневосточному региону, включая и страны Персидского залива. Социальное напряжение неуклонно нарастало в течение всего 2010 г., особенно в Бахрейне и Кувейте, где на действия оппозиции власти ответили репрессиями. Таким образом, еще до начала волны арабских восстаний в других местах появились признаки того, что многие режимы сидят на пороховой бочке, способной взорваться от любой искры.

Вполне предсказуемо ареной нарастающих протестов местного населения стал Бахрейн, страна с богатой историей социально-политического противостояния. Правящую семью Эль-Халифа спас от свержения своевременный ввод войск Саудовской Аравии и ОАЭ. Не столь масштабные (но до сих пор продолжающиеся) протесты зафиксированы в Кувейте, Омане (где гибель в феврале 2011 г. нескольких демонстрантов спровоцировала обострение ситуации) и в Восточной провинции Саудовской Аравии, богатой нефтяными месторождениями. Жесткие меры властей побудили организации гражданского общества и представителей интеллигенции потребовать политических реформ, однако власти и тут прибегли к подавлению. В Саудовской Аравии арестовали основателей первой политической партии королевства, а в ОАЭ задержали и осудили пятерых интеллектуалов, подписавших петиции с требованиями реформ.

На этом фоне две страны из Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – Катар и ОАЭ – стали архитекторами международной интервенции в поддержку восставших против печально известного своими зверствами режима в Ливии. Это дало монархиям передышку в атмосфере повсеместных восстаний, поскольку отвлекло всеобщее внимание от трудно-

стей, возникших в непосредственной близости от их границ и внутри них. Более того, монархи позиционировали себя в качестве противников репрессивного и эксцентричного ливийского режима и решительно выступили против тирании в других государствах, хотя в Бахрейне пришли на помощь власти, жестоко подавив восстание.

Катар решительнее всех вступился за права человека и демократические свободы, присоединившись к международному сообществу во главе с Западом. Катарский премьер-министр шейх Хамад бен Джасsem бен Джабр Аль-Тани инициировал поддержку Лигой арабских государств (ЛАГ) и ССАГПЗ идеи создания над Ливией зоны, запрещенной для полетов авиации, а впоследствии – признания повстанческого Национального переходного совета (НПС). Он также заявил, что «Катар будет участвовать в военных операциях, поскольку мы считаем, что они должны предприниматься и арабскими государствами ввиду невыносимого положения в некоторых странах». ОАЭ поддержал решимость Катара искать арабские решения арабских проблем. Совместными усилиями они предоставили военно-финансовую помощь, необходимую для международной коалиции и успеха НПС. Катарские истребители «Мираж» участвовали в ударах НАТО и обеспечили арабскую поддержку операции, призванную развеять впечатление, что кампания в Ливии – это еще одна западная интервенция на Ближнем Востоке. Катар снабжал повстанцев оружием, обеспечивал их обучение, командировал советников, а также направил в Ливию специальные отряды, которые, как говорят, сыграли решающую роль во взятии Триполи 20 и 21 августа.

Обе страны также оказывали материально-техническую помощь повстанцам, которая была для них жизненно важна. В мае 2011 г. ОАЭ организовали на своей территории встречи представителей ливийских провинций и племен, а в июне – третью встречу Международной контактной группы. Помимо военного содействия, Катар предоставил Ливии финансовую помощь на сумму 400 млн. долл., запасы питьевой воды и газа для обогрева помещений, товары первой необходимости, а также посредничал в продаже ливийской нефти на мировых рынках. Четыре танкера с бензином, соляровкой и другими видами топлива, отправленные в июне компанией «Катар Петролеум» в Бенгази, покрыли основные потребности подконтрольной мятежникам территории в энергоносителях. Кроме того, Катар был одной из четырех стран, признавших НПС в качестве законного представителя ливийского народа

и организовавших в апреле первую встречу Международной контактной группы. Катарский флаг развевался рядом с флагом повстанцев после взятия последнего оплота Каддафи – Баб-эль-Азия.

Другие страны ССАГПЗ, например, Кувейт, поддержали Катар, пообещав создать механизм финансирования НПС Ливии на сумму 260 млн. долл., а также выделили гуманитарную и медицинскую помощь. Даже Саудовская Аравия высказалась в пользу управляемого перехода, добавив Ливию к списку стран (наряду с Сирией и Йеменом), которым намерена оказать помощь в смене режима. Когда-то монархии Персидского залива считались оплотом контрреволюционных сил, решительно сопротивляясь любым изменениям. Однако заявления Эр-Рияда относительно сирийской диктатуры, которая не несла непосредственной угрозы саудовской династии, означали изменение позиции монархии в отношении «арабской весны». Они отражают стремление саудовцев учитывать баланс сил в мире в интересах безопасности собственного режима.

Ливийские события в целом пошли на пользу странам Персидского залива, хотя НПС с тех пор уже выражал недовольство уровнем и размером катарской помощи негосударственным соперникам в борьбе за власть. Падение Каддафи означало новый импульс для волны мятежей, которая пошла было на спад, но оно также дало режимам Персидского залива возможность восстановить свою репутацию после неприятных для них событий «арабской весны». Роль ОАЭ и Катара, а также телеканала «Аль-Джазира», освещавшего ливийскую революцию, изменили мнение многих наблюдателей. Сдержав волнения в своих странах и даже в Бахрейне с помощью иностранного воинского контингента, региональные монархии своей успешной политикой в Ливии вернули многим уверенность в том, что они способны держать под контролем призывы к переменам и реформам.

В 2011–2012 гг. Катар председательствует в Лиге арабских государств. В этой связи катарский эмир и премьер-министр попытались мобилизовать арабский мир на то, чтобы дать ответы на ключевые вопросы региональной повестки дня. В Сирии Доха, похоже, намерена продолжать дело, начатое в Ливии, чтобы подтвердить роль Катара как ответственного и прогрессивного члена мирового сообщества. Когда режим Асада решительно и сурово подавил протесты, а противостояние внутри страны приняло характер войны, Катар возглавил усилия арабского мира по разрешению усугубляющегося конфликта. Эмир Шейх Хамад первым

из арабских лидеров призвал к военному вмешательству с целью положить конец кровопролитию. Однако призыв к решительным действиям в отношении Сирии был встречен намного прохладнее, чем его инициативы по Ливии. Хотя лидерство Катара в ЛАГ практически гарантировало согласие этой организации относительно необходимости принять меры, не удалось договориться о том, что именно надо делать, особенно после того, как первоначальная наблюдательная миссия в Сирии не добилась ощутимых успехов. Баланс сил в Сирии неопределенный, и оппозиция не получает такой единой поддержки арабского сообщества, как повстанцы в Бенгази.

В ответ Катар усилил политическое, экономическое, информационное, а косвенно и военное давление на Дамаск. Кульминацией стало официальное объявление 27 февраля 2012 г. о том, что Катар будет добиваться смены режима в Сирии. В этот день катарский премьер Аль-Тани призвал международное сообщество вооружать сирийскую оппозицию, чтобы помочь ей «во что бы то ни стало» свергнуть Асада.

Саудовская Аравия и Катар руководствуются разными политическими мотивами, оказывая помощь повстанцам, но обе страны искренне желают положить конец бедствиям и страданиям народа Сирии, а также насилию, инициаторами которого становятся власти. (Национальная Ассамблея Кувейта призвала судить режим Асада за военные преступления в Международном уголовном суде.) Интрига состоит в том, что Доха и Эр-Рияд фактически оспаривают друг у друга роль лидера в решении сирийского вопроса. Призыв Катара вооружать сирийскую оппозицию прозвучал через три дня после того, как министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал назвал это «прекрасной идеей», перед тем как покинуть учредительное собрание Группы друзей Сирии в Тунисе в знак протеста против ее «бездействия». Саудовцы первыми признали Сирийский национальный совет в качестве законного представителя сирийского народа за несколько недель до того, как это сделало большинство других стран. На негосударственном уровне Эр-Рияд снабжает сирийских повстанцев оружием и финансами, успешно используя для этих целей трансграничные племенные сети. Это еще один уровень саудовской поддержки сирийских братьев-суннитов.

Не последнюю роль в действиях Саудовской Аравии играют геополитические соображения, поскольку свержение главного в арабском мире сторонника Ирана ослабило бы Тегеран, усугубив

его региональную и международную изоляцию. Саудовские официальные лица давно считают расширение иранского влияния в Ираке главным следствием американской интервенции и последовавшей за ней передачи значительных полномочий в руки шиитского большинства. Еще в 2005 г. министр иностранных дел Саудовской Аравии аль-Фейсал предупреждал администрацию Джорджа Буша, что США «без всякого на то основания выдают Ирак на поруки Ирану». Саудовское правительство решительно не доверяет иракскому премьеру Нури аль-Малики, которого считает доверенным лицом Тегерана. Подозрения саудовцев усилились, когда после спорного переизбрания в 2010 г. аль-Малики попытался сосредоточить в своих руках всю власть. И сразу после вывода из Ирака американского воинского контингента в декабре 2011 г. начал преследовать главных политических конкурентов из числа суннитов.

Малики также изменил иракскую политику в отношении Сирии – гневные обвинения в адрес Дамаска в связи с организацией подрывов багдадских министерств в 2009 г. сменились поддержкой Асада в трудное для него время. Учитывая фактическое формирование регионального триумvirата в составе Ирака, Ирана и Сирии, который обеспечивает стратегическую глубину режимов, считающихся враждебными для саудовских (и американских) интересов на Ближнем Востоке, низложение Асада создало бы благоприятные условия для внесения раскола в эту коалицию.

Элемент соперничества между Саудовской Аравией и Катаром может осложнить политику в отношении Сирии и арабских восстаний в целом. Благодаря очень небольшому населению и значительным запасам нефти и газа на душу населения Катар совершенно не ощутил на себе социально-экономического или политического давления, которое почувствовали все другие страны региона. В силу своего уникального положения Катар воспринял арабские восстания не как вызов для себя, а как возможность укрепить международную (прозападную) репутацию, пусть и ценой ухудшения отношений с некоторыми арабскими странами. Последнее становится все более очевидно по тому сопротивлению, которое встречает ряд инициатив Катара на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Можно упомянуть о серьезной размолвке между катарским и алжирским министрами иностранных дел на саммите ЛАГ в ноябре 2011 г. Визит катарского эмира в Мавританию в январе 2012 г. был резко сокращен после того, как президент Маври-

тании остро отреагировал на предложение эмира начать процесс демократических преобразований.

Во второй половине января 2012 г. Би-би-си сообщила, что в Саудовской Аравии готовится встреча афганского правительства с эмиссарами движения «Талибан» для начала мирных переговоров. Талибы сразу опровергли эту новость. Однако в свете широко разрекламированного объявления о том, что «Талибан» откроет представительство в Катаре, чтобы начать переговоры с Соединенными Штатами, многие усмотрели в сообщении британской телерадиокомпании попытку произвести «предупредительный выстрел» в сторону Дохи. Не менее провокационной была статья в немецкой газете Die Welt в середине февраля 2012 г. Саудовская Аравия якобы провела встречу с другими странами Персидского залива для обсуждения противодействия нарастающей активности движения «Хезболла», но не пригласила представителей Катара. Авторы высказали предположение, что одной из причин может быть «ненадежность» Катара в решении региональных вопросов. Как бы то ни было, это лишний раз подтвердило отсутствие доверия и взаимопонимания между саудовскими и катарскими официальными лицами по ключевым вопросам региональной повестки.

Хотя общественность стран Персидского залива мобилизована в пользу более активной интервенционистской политики, поддержка этого курса монархиями делает их уязвимыми для обвинений как минимум в двойных стандартах. Об этом говорил сирийский делегат, выступая в ООН 2 марта 2012 г. Государства Персидского залива отнюдь не являют собой демократический пример, достойный подражания. Сирийский оратор даже призвал ООН направить миротворческий контингент в Саудовскую Аравию для защиты демонстрантов в городе Катиф, расположенном в беспокойной Восточной провинции. Он также потребовал, чтобы королевство вывело свои войска из Бахрейна. На его слова можно было бы не обращать внимания, квалифицировав их как эскападу человека, загнанного в угол, но в них есть большая доля правды.

Так, 14 марта 2011 г. более тысячи солдат Национальной гвардии Саудовской Аравии и менее многочисленный полицейский контингент из ОАЭ вошли на территорию Бахрейна по повелению короля Фахда. Хотя они не принимали непосредственного участия в безжалостном подавлении оппозиционных групп, выступавших за демократизацию, само их присутствие развязало руки Силам обороны Бахрейна. Всего через пять дней, 19 марта, Катар и ОАЭ возглавили международную интервенцию в Ливию,

дабы защитить гражданское население Бенгази от неминуемой бойни, которую устроили бы в этом городе войска Каддафи. Сопоставление этих действий убедительно продемонстрировало, как одна и та же концепция международной интервенции может приобретать диаметрально противоположный смысл в разных контекстах.

Это ставит, в частности, ОАЭ в неловкое положение, поскольку страна отправляла войска и в Бахрейн, и в Ливию. Катар как член ССАГПЗ тоже был соучастником интервенции в Бахрейне, осуществленной от имени совета. Более того, «Аль-Джазиру», базирующуюся в Дохе, обвинили в неравномерности освещения восстаний в арабском мире. Примечательно, что ее отделение, ведущее вещание на арабском языке, гораздо более скупое рассказывало о событиях в Бахрейне, чем англоязычный канал, на котором вышел получивший высокие награды документальный фильм «Крики в темноте». Противоречие между энергичной позицией во время революций в Египте и Ливии и относительным молчанием по поводу непрекращающихся волнений в непосредственной близости от штаб-квартиры «Аль-Джазиры» – на востоке Саудовской Аравии и в Бахрейне – породили скептицизм по поводу целей и скрытой повестки канала.

Этот скептицизм выразил потрепанный в боях с повстанцами йеменский президент Али Абдулла Салех, который весной 2011 г. отверг инициативу ССАГПЗ по передаче власти. Идея фактически была выдвинута Катаром. Тогда Салех заявил: «Катарская инициатива неприемлема, неприемлема, неприемлема. Мы отвергаем все то, что исходит от Катара или от “Аль-Джазиры”». В этом высказывании он фактически объединил Катар с «Аль-Джазирой», что созвучно настроениям многих жителей данного региона. Тема вмешательства властей Дохи в деятельность «Аль-Джазиры» и редакционный контроль ее новостной ленты катарскими официальными лицами поднималась в переписке американских дипломатов в конце 2010 г., еще до начала восстаний, о чем стало известно в результате утечки. Масла в огонь подозрений добавила внезапная замена генерального директора «Аль-Джазиры» Вадаха Хан-фара представителем катарской правящей семьи.

Создание в 2006 г. и быстрый рост англоязычного отделения «Аль-Джазиры» привели к интернационализации торговой марки и позволили совершить прорыв на главные мировые телерынки. Освещение израильского наступления в Газе в 2008–2009 гг. стало для «Аль-Джазиры» тем же, чем прямая трансляция «Бури в пус-

тыне» для CNN в 1991 г. А драматичный репортаж в режиме реального времени с каирской площади Тахрир (январь-февраль 2011 г.) позволил завоевать всемирное признание и увеличить аудиторию на 2500% (!). Но по мере роста узнаваемости более пристальным становится и анализ программ. Теперь продукция «Аль-Джазиры» подвергается более критическому осмыслению, чем в прошлом году.

Под жестким международным прессингом и контролем может оказаться и новый арабский канал спутникового телевидения, созданный принцем Аль-Валид бен Талалом, колоритным саудовским медиамагнатом. Решение разместить «Аль-Араб» в новом офисном комплексе Манама «Медиа Сити» сразу же бросило тень сомнений на независимость этого ресурса. Аль-Валид настаивает, что его канал сосредоточится «на важных изменениях, происходящих во всем арабском мире, с акцентом на свободу слова и свободу печати». Весьма странно при этом, что базироваться компания будет в государстве, которое более других потрудилось на поприще подавления свободных СМИ и замалчивания независимых суждений. В интервью для arabianbusiness.com Аль-Валид убедительно говорил о ветре перемен, который рано или поздно проникнет во все уголки арабского мира, но до сих пор именно режим Бахрейна решительно и отчаянно сопротивляется этому ветру.

Недоброжелатели «Аль-Джазиры» указывают на то, что она не освещает внутривнутриполитические события в Катаре, иными словами, между каналом и страной его базирования, по всей видимости, была заключена сделка. Крупномасштабные волнения в Катаре если и возможны, то лишь в отдаленном будущем, но налицо признают перегрева экономики и растущего недовольства темпом и направленностью реформ в эмирате. К тому же существует вероятность того, что раскол между престолонаследником и премьер-министром выльется в открытое противостояние и междоусобицу. Новейшая история Катара свидетельствует о том, что политические передраги и вызовы власти вызревали не в обществе, а внутри правящей семьи. В 1995 г. нынешний эмир отнял власть у собственного отца, который, в свою очередь, в 1972 г. низложил с престола своего кузена. Как и в случае с новым каналом Аль-Валида в Бахрейне, лакмусовой бумажкой станет способность «Аль-Джазиры» критически освещать любые внутренние события в Катаре – в том же стиле, в каком этот канал информирует о волнениях в других странах региона.

Сегодня, когда так называемая арабская весна вступила во вторую календарную весну, на первый взгляд может показаться, что государствам Персидского залива удалось избежать худшего сценария и подтвердить репутацию долгожителей ближневосточной политической сцены. Посрамив политологов и социологов, которые предсказывали их неминуемую гибель под давлением модернизации 1960–1970-х годов, нефтяные монархии последовательно демонстрировали способность адаптироваться к переменам, умиротворяя недовольных и протестующих. Ход событий последнего года, похоже, подтверждает и укрепляет эту тенденцию, по мере того как Катар, ОАЭ, а теперь и Саудовская Аравия пытаются направлять ветер перемен в нужном им направлении. На Аравийском полуострове по-прежнему используются испытанные стратегии выживания и обновления режимов.

Вместе с тем правящие элиты в странах Персидского залива уязвимы. Крупномасштабные волнения в Бахрейне удалось сдерживать, но мелкие протесты продолжаются ежедневно, и отсутствие политического консенсуса означает, что недовольство может вспыхнуть в любой момент. Более того, насильственное подавление разорвало общественную ткань в архипелаге и поляризовало общество как никогда прежде. Спокойствие в Бахрейне, скорее всего, иллюзорно, и мир в лучшем случае «холодный», а в худшем случае – лишь ожидание удобного момента для новой эскалации.

Не утихают стихийные беспорядки и по другую сторону пролива, в богатой нефтью Восточной провинции Саудовской Аравии. Они происходят еженедельно и подавляются репрессивными методами. Волнения, нередко приводящие к гибели людей по вине служб безопасности, возникают, как считают саудовцы, в основном среди шиитского меньшинства, и они едва ли воспламят широкие массы суннитского населения. Несмотря на это, упование на угрозу применения силы и ее фактическое использование для подавления выхолащивает осуждение других режимов, которые реагируют аналогичным образом.

Последний сценарий менее вероятен в Катаре и ОАЭ, хотя арест и суд над пятью активистами в ОАЭ в 2011 г. нанесли урон международной репутации страны. Однако мировая политика может быть грязной игрой, которая порой порождает ответную реакцию и вспышки насилия против тех, кто ею занимается. Сообщения о попытке государственного переворота, якобы имевшей место в Катаре, и смертоносном взрыве на предприятии по производству газа в апреле 2012 г., за которыми последовала хакерская

атака на пользователей социальных сетей канала «Аль-Арабия», стали примером ущерба, который могут нанести информационная кампания противников.

В первый год арабских мятежей усилия государств Персидского залива направить народный гнев, захлестнувший регион, в свою пользу, были на удивление успешны и позволили им оградить свои страны от «заразы» народных бунтов. Но миновала ли угроза? По-видимому, эмир Катара решил действовать на упреждение и объявил о проведении в 2013 г. первых выборов в Парламентскую ассамблею. Время покажет, станут ли эти выборы действительно поворотным моментом в политической жизни или (что более вероятно) политической декорацией.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2012 г., т. 10, № 2, март–апрель, с. 156–165.*

Д. Левнер,
востоковед

АРАБСКАЯ ДИАСПОРА США И ЕЕ ИНТЕГРАЦИЯ В АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Проблема статуса, положения и роли иммигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки в государствах Запада становится с каждым годом все более острой. События, произошедшие в течение последних нескольких лет в Европе, – запреты на строительство минаретов в Швейцарии и на ношение паранджи во Франции, ограничение на строительство новых мечетей в Испании, а также заявления канцлера ФРГ Ангелы Меркель о крахе мультикультурализма – говорят о том, что все увеличивающаяся мусульманская диаспора в странах Европы (как за счет новых иммигрантов, так и вследствие высоких темпов рождаемости) оказывает воздействие на европейское общество и становится все более важным социальным и политическим явлением. При этом часто взаимодействие двух культур носит конфликтный характер и ведет к росту социального напряжения, националистических настроений, с одной стороны, и недовольству политикой властей и антииммигрантскими выпадами граждан, – с другой. Европейскому руководству и обществу сейчас приходится искать альтернативу мультикультурализму, пути адекватного взаимодействия со все растущими арабскими, пакистанскими, турецкими диаспорами для того, чтобы, сохранив приверженность принципам

демократии и толерантности, избежать социального взрыва и кардинального изменения демографической ситуации.

В связи с этим полезно рассмотреть другие возможные модели интеграции мигрантов и взаимодействия выходцев из Ближнего Востока с принимающим обществом. В качестве примера стоит обратиться к арабской диаспоре Соединенных Штатов. В чем же особенности формирования арабской диаспоры в США? Как американские арабы воспринимают себя и свою новую родину? Каким образом проходил процесс интеграции арабов в американское общество?

В действительности, при первом знакомстве с арабской диаспорой в США значительно проще определить совокупность факторов и критериев, которые будут разъединять, нежели объединять американцев арабского происхождения. Само выделение этой части социума как единого целого может показаться искусственным, своего рода упрощением реально существующей ситуации. В этой связи уместно провести аналогию с ситуацией в самом арабском мире, где идея арабского единства витает с 50-х годов XX в., с эпохи популярной концепции Гамаль Абдель Насера, выступившего с инициативой объединения под знаменем панарабизма, способного помочь освободившимся от колониального гнета арабам совместными усилиями справляться с возникающими проблемами регионального и глобального масштаба. Однако по прошествии непродолжительного времени и ухода с политической арены харизматичного Г.А. Насера идея панарабизма уступила давлению других тенденций, ставших определяющими в развитии арабских обществ – исламизму, национализму и трайбализму.

В общих чертах подобные приоритеты в вопросах самоидентификации присущи и арабской диаспоре США, разнообразие которой объясняется тем, что ее представители различаются по своей истории (как на Ближнем Востоке, так и после миграции в США), странам происхождения, религии, социальному и экономическому положению, уровню общественной активности, политическим пристрастиям и другим факторам. Несмотря на то, что пример каждой конкретной общины и семьи уникален, основные различия, существующие внутри арабской диаспоры в США, могут быть обусловлены тем, к какой из двух главных волн иммиграции относятся те или иные американцы арабского происхождения. Хотя единичные случаи миграции жителей ближневосточного региона имели место на протяжении всего XIX и XX вв., нынешняя арабская диаспора в США, насчитывающая около 3,5 млн. чело-

век, была в основном сформирована в результате двух волн иммиграции, отличавшихся друг от друга по времени, составу иммигрантов и причинам, побудившим их изменить место жительства.

Волны иммиграции. Большинство американцев арабского происхождения являются потомками иммигрантов, переселившихся с территории нынешних Ливана и Сирии в период с 1870 по 1920 г. Первая волна арабской иммиграции в США была главным образом христианская, и многие из приезжавших не планировали оставаться в Америке навсегда и, следовательно, не стремились быстро ассимилироваться в принимающем обществе. Важнейшей составляющей их самоидентификации была принадлежность к тому или иному клану или семье, малой родине – конкретному городу или деревне. Значительно более важным, чем принадлежность к арабской нации, считалась приверженность Восточным христианским церквям. К этой разнородной группе церквей, прихожане которой проживают во многих странах Ближнего Востока, относятся как восточноправославные (например, Сирийская, или Антиохийская православная), так и восточнокатолические (например, Сирийская католическая, или Маронитская) церкви. Во многом сильная религиозная самоидентификация у первых нескольких поколений арабских иммигрантов была связана с тем, что подданные Османской империи при регистрации классифицировались именно по признаку вероисповедания, что лишний раз способствовало изоляции представителей тех или иных конфессий.

Большинство иммигрантов этой первой волны были малообразованы и становились низкоквалифицированной рабочей силой, занимались мелкой торговлей или устраивались разнорабочими. Они не стремились закрепиться, «пустить корни» на новой земле, так как намеревались через несколько лет, заработав в Америке деньги, вернуться на родину. Разумеется, встречались и исключения. Среди переселенцев было небольшое число высокообразованных арабов, вдохновленных американскими идеями свободы и демократии и решивших обосноваться в стране, где они смогли бы добиться наибольшей самореализации. Большую часть таких иммигрантов составляли литераторы, которые в 1915 г. основали одну из первых арабских организаций в США – Союз писателей (The Pen League), целью которой была поддержка и развитие арабо-американской и арабской литературы в целом. С деятельностью этого союза связаны такие знаковые для арабской литературы имена, как Михаил Нуайме и Джебран Халиль Джебран, который возглавлял ее вплоть до своей смерти в 1931 г.

Создание Арабского союза писателей стало важным событием для диаспоры в США, поскольку он играл существенную роль в сохранении культурной идентичности первых поколений американских арабов.

С течением времени, когда становилось ясно, что большинство прибывших в США арабов не собираются возвращаться на родину, а намерены остаться жить в новой стране, арабская самоидентификация вновь не стала фактором, который мог бы сплотить их и помочь сформировать некую единую этническую группу внутри американского общества начала XX в. наподобие американцев мексиканского или итальянского происхождения.

Основной тенденцией стала ассимиляция арабов-христиан в американском обществе. Прибыв с территорий, на которых религией большинства был ислам, а управление осуществлялось мусульманами, они более не нуждались в обособлении по религиозному признаку и, решив стать частью подавляюще христианского американского общества, продемонстрировали готовность влиться в него, даже поступившись некоторыми своими культурными особенностями. Многие потомки тех арабов, которые составляли первую волну иммиграции в США, в течение нескольких поколений утрачивали прочные связи с культурой своих предков. Это в первую очередь относится к владению арабским языком и следованию канонам восточной православной или католической ветвей христианства. Смешанные браки с представителями других этнических групп и других направлений христианства становятся для них обычным делом, и часто в третьем-четвертом поколении потомки выходцев из первой волны арабской иммиграции становятся уже англоговорящими протестантами или последователями Римской католической церкви. При сохранении исторической памяти о своем арабском происхождении их связь со страной происхождения становится минимальной. Она сохранялась в тех случаях, когда арабы американского происхождения поддерживали отношения со своими родственниками, проживавшими в странах Ближнего Востока. В остальном потомки арабских иммигрантов такие связи теряли.

Сокращение числа приезжающих в США арабских иммигрантов произошло в годы Первой мировой войны и было связано с ужесточением американского миграционного законодательства. Принятый в начале 1917 г. Иммиграционный акт, также известный как Акт об ограничении азиатской иммиграции (Asiatic Barred Zone Act), хоть и был направлен главным образом против мигран-

тов из Восточной Азии, коснулся также и арабов, так как в соответствии с этим актом Ближний Восток был включен в зону, въезд переселенцев откуда в США был осложнен. Четыре года спустя, в 1921 г., новый Иммиграционный акт сократил число мигрантов, которые могут в течение года приехать в США, до 3% от общего числа выходцев из данной страны, уже находящихся в Соединенных Штатах. В 1924 г. эта квота была сокращена до 2%.

Причиной ужесточения миграционного законодательства стала политика изоляционизма, набиравшая популярность в США с конца Первой мировой войны. Американцы не хотели быть вовлеченными в мировые события и предпринимать действия на международной арене, которые могли бы втянуть их в новую мировую войну. Введение жестких квот на въезд новых мигрантов отвечало мыслям большинства американцев. Именно поэтому такие ограничения принимались при подавляющей поддержке Конгресса. Логика принятия актов заключалась еще и в том, чтобы ограничить приток в США выходцев из стран, культура, обычаи и религия которых могли бы препятствовать их успешному вживанию в американское общество, что заложило основу для восприятия представителей некоторых народов как «нежелательных» для приема в США. В первую очередь в тот период такое восприятие распространялось на иммигрантов из Китая и Японии, но в той или иной степени касалось выходцев из всей Азии, включая Ближний Восток.

После существенного спада арабской иммиграции 20–40-х годов XX в. новый подъем в численности прибывающих в США выходцев из Ближнего Востока последовал вслед за окончанием Второй мировой войны и начавшейся после нее либерализацией миграционного законодательства. В отличие от мигрантов первой волны, большинство новых составляли мусульмане, хотя определенная доля христиан в этом потоке все же присутствовала. Помимо привычных экономических мотивов, связанных с поиском работы и улучшением условий жизни, многие из новых иммигрантов решали поменять место жительства по политическим соображениям.

Наиболее серьезные политические потрясения в регионе, такие, например, как арабо-израильские войны 1948, 1967 и 1973 гг., непременно сопровождались резким ростом числа арабов, стремящихся обосноваться в Соединенных Штатах. Многие новые американцы арабского происхождения начинали свою жизнь в США со студенческих лет, а по окончании обучения принимали

решение не возвращаться на родину, а оставаться в США на постоянной основе. Некоторые из них обосновывали свое желание получить американское гражданство страхом политических репрессий, которым они могли подвергнуться в случае возвращения домой. Обладая большей политической и общественной сознательностью, нежели иммигранты первой волны, арабы, обосновавшиеся в США после Второй мировой войны, были гораздо более обеспокоены проблемами стран своего происхождения и не были склонны к полной ассимиляции в американском обществе. Этнический аспект самоидентификации играл для них гораздо более существенную роль, чем для предыдущих поколений иммигрантов, и сохранение связи с Ближним Востоком оставалось очень важной частью их жизни. Не стоит также забывать, что первые два десятилетия, последовавшие за окончанием Второй мировой войны, были периодом популярности идеи панарабского национализма, основным проводником, как отмечалось, которой стал египетский президент Гамаль Абдель Насер. Эти десятилетия были также ознаменованы успехом национально-освободительного движения и провозглашением независимости большинства арабских стран. Этот факт оказал ощутимое воздействие на мировоззрение жителей Ближнего Востока, которые даже в случае несогласия с установившимися режимами стали живо интересоваться политическими вопросами, локальными и региональными проблемами, и эта заинтересованность сохранялась и у тех из них, кто покидал страны происхождения и переезжал в Новый свет.

Несмотря на то, что арабские иммигранты после Второй мировой войны существенно отличались друг от друга по политическим предпочтениям, социальному положению, уровню общественной активности и другим признакам, они проявили гораздо большую склонность к сохранению своей этнической идентичности и связей с территориями своего происхождения, нежели иммигранты первой волны.

На рубеже XX и XXI вв. доля арабов в общем числе иммигрантов в Соединенные Штаты составляла около 4%. Подобное соотношение осталось практически неизменным и после терактов 11 сентября 2001 г., несмотря на ожидания, что поток арабских мигрантов в США резко сократится, если не прекратится вовсе. Однако этого не произошло. Единственная сфера, в которой после событий 2001 г. доля арабских мигрантов сильно упала, стало образование. Существенное снижение числа молодых арабов, приезжающих в США по студенческим визам, было вызвано серьезным

ужесточением мер безопасности в стране. Принятие Патриотического акта, предоставившего американским службам безопасности возможность усилить контроль над гражданами, а также над лицами, находящимися на территории США, ужесточило также правила получения въездных виз, что затронуло в первую очередь выходцев из Арабского Востока. Так или иначе приток иммигрантов из региона продолжается и, по данным базирующегося в Вашингтоне Института миграционной политики, на 2009 г. число арабских иммигрантов (т.е. лиц, родившихся в той или иной арабской стране и затем переехавших в США с целью получения американского гражданства) составляло 830 тыс. человек.

Приведенная выше история арабской диаспоры лишь в общих чертах описывает процесс формирования сообщества арабов-американцев, однако позволяет понять, что основой этой части американского социума является христианская община выходцев с Ближнего Востока. Переселяясь в США во второй половине XIX – первой половине XX в., арабы-христиане, добившиеся больших успехов в интеграции в американское общество, сумели создать условия, при которых арабские иммигранты стали восприниматься в США относительно доброжелательно. Можно предположить, что положительный опыт интеграции арабов-христиан сыграл роль амортизатора для второй, мусульманской, волны арабской иммиграции, позволил им более органично влиться в американское общество. Тем не менее, если рассматривать сообщество американских арабов в целом, то разделение по религиозному принципу по-прежнему важно и не позволяет, в полном смысле этого слова, говорить о единой и цельной арабской диаспоре. Поэтому для лучшего понимания процессов, происходящих внутри арабо-американского сообщества, стоит рассмотреть эти две группы по отдельности и начать, следуя исторической логике, с христиан.

Арабы-христиане, составляющие приблизительно 3/4 арабской диаспоры в Соединенных Штатах, в основном не проявляют высокой заинтересованности политическими проблемами своей родины и демонстрируют низкий уровень политизированной этнической идентичности. Большинство из них, как говорилось, являются потомками арабов, перебравшихся с территорий Сирии и Ливана. Исследователи А. Кулчицки и А. Лобо в статье в журнале «Middle East Journal», основываясь на результатах американских переписей населения 1980 и 1990 гг. подтверждают, что около 60% американских арабов происходят от выходцев из этих двух стран и

что к концу XX в. до 3/4 из них составляли лица, рожденные уже на территории Штатов. Они также указывают на то, что первые поколения арабских иммигрантов сознательно стремились ассимилироваться в американском обществе, перенимая американские традиции, отказываясь от присущих им особенных манер поведения и даже «американизируя» свои имена. Основной тенденцией начала XX в. в американском социуме было растворение новых иммигрантов в большом американском «плавильном котле» с преобладающей англо-саксонской культурой, которая требовала от прибывающих иностранцев перенимать основные установки нового общества в ущерб сохранению собственной национальной идентичности. О настроениях, преобладавших в американо-арабской среде 20–30-х годов XX в. пишет также директор Арабо-американского института Дж. Зогби. В своей последней книге «Арабские голоса» он приводит отрывок статьи, написанной его матерью, в которой она указывает на желание арабов, живущих в США, в угоду скорейшей ассимиляции разорвать свои связи с культурой стран происхождения: «Многие из представителей молодого поколения и даже некоторые люди старшего возраста, которые находятся в США совсем недолго, стыдятся признать, что они сирийцы. Они отказываются учить арабский язык, а если и владеют им, то крайне неохотно на нем говорят. Они избегают общения с другими сирийцами, забывают свои обычаи и традиции, думая, что тем самым они станут более американизированы».

Если ранее к числу основных причин первой волны арабской иммиграции в США относили стремление избежать притеснения по религиозному признаку в Османской империи, то в последнее время американские историки и социологи, связанные с арабской диаспорой в США, утверждают, как отмечалось, что главным все-таки был экономический мотив и желание мигрантов воспользоваться теми возможностями для повышения своего благосостояния, которые не были доступны у них на родине. Уровень политической активности и заинтересованности в участии в политической жизни у первых поколений американских арабов был минимален. Они прежде всего были сосредоточены на материальных вопросах, а некая «общеарабская» самоидентификация уступала место таким более конкретным и понятным факторам, как принадлежность к клану, семье, определенному региону или вероисповедание. Даже сам термин «арабы» употреблялся в то время крайне редко как американскими властями, так и самими иммигрантами. В силу того, что большинство арабских мигрантов

того времени происходили из довольно ограниченной территории Ближнего Востока, намного более распространенным, нежели «американские арабы», было понятие «американцы сирийского происхождения» («Syrian Americans»). Если же иммигранты и характеризовали себя как арабов, то чаще всего это делалось не для утверждения принадлежности к некоей единой арабской нации, а чтобы противопоставить себя туркам, которых часто путали с арабами, но которые воспринимались американскими арабами-христианами как притеснители, создавшие для них сложные условия жизни в Османской империи. Как отмечает американский исследователь Ф. Каяль, арабские иммигранты в первой половине XX в. были готовы легко расстаться со своей арабской идентичностью, поскольку считали, что она характеризует их как «отсталых, второстепенных и враждебных Соединенным Штатам». На их шкале приоритетов на первом месте было органичное включение в состав американского общества. Ради этого они были готовы пожертвовать своей национальной идентичностью, хотя, возможно, они и не воспринимали это как жертву.

Несмотря на то, что в американском социуме арабских иммигрантов действительно порой воспринимали как некую инородную и чуждую группу, в течение нескольких поколений это чувство пропадало в силу успешной ассимиляции американских арабов в принимающем обществе. В качестве основных причин этого процесса выделяются следующие факторы: незначительное число иммигрантов, отсутствие склонности селиться вместе, создавая районы с концентрированным арабским населением, а также относительная культурная близость, выражающаяся в христианском вероисповедании. И даже изначальные конфессиональные различия, заключавшиеся в том, что арабские иммигранты следовали канонам восточных церквей, с годами стирались, о чем говорилось выше.

Американская научная литература сходится во мнении, что подавляющее большинство арабов-христиан успешно ассимилировались в американском обществе. Оно превратилось в дезорганизованное сообщество людей, не имеющее общих целей, задач, интересов и связующих элементов. Арабские иммигранты первой волны были чрезвычайно подвержены американизации, что дает право некоторым исследователям говорить даже об исчезновении диаспоры как единого целого. Многие иммигранты второй волны были уже полностью ассимилированы. Они воспринимались как «англоговорящие, разобщенные потомки смешанных браков, ко-

торые от своего арабского прошлого сохранили только фамилии». Они крайне плохо разбирались и еще меньше интересовались политическими процессами, начавшимися в арабском мире после окончания Второй мировой войны. Им были совершенно незнакомы идеи панарабизма, которые стали завоевывать умы арабов в 50-х годах XX в. На события, происходившие в регионе их происхождения, они реагировали в первую очередь как американцы и только потом — как арабы. Несмотря на то, что арабо-израильский конфликт, особенно после поражения арабских армий в Шестидневной войне 1967 г., послужил стимулом для развития в американцах арабского происхождения чувства солидарности и повлек за собой создание ряда арабо-американских ассоциаций и обществ, для большинства американских арабов речь шла скорее о возрождении исторической памяти и желании узнать больше о том, что происходит на Ближнем Востоке, нежели о стремлении активно сотрудничать в этнических арабских организациях в США или отстаивать свою позицию по политическим вопросам, связанным с их родиной. После того, как Ближний Восток стал регионом, к которому прикованы взгляды всего мирового сообщества, когда происходящие там события стали одной из важнейших международных тем для США, американские арабы-христиане начали значительно активнее отождествлять себя с этим регионом.

Однако заинтересованность носила скорее пассивный характер и далеко не всегда выражалась в единстве взглядов или хотя бы в наличии четко сформулированной позиции. Проведенное в конце 80-х годов XX в. исследование в среде американцев палестинского происхождения выявило, что среди христианской части потомков палестинских иммигрантов (даже с учетом того, что представители палестинской диаспоры в целом проявляют большую политическую сознательность и активность) был отмечен крайне низкий уровень осведомленности о политических процессах на Ближнем Востоке и об арабо-израильском конфликте.

Главной причиной, побуждавшей американских арабов-христиан активно участвовать в политической жизни, продвигая «проарабскую» позицию, было стремление бороться с проявлениями дискриминации против них. Их задачей было достижение полного равноправия в американском обществе и, следовательно, более успешная и естественная интеграция. Внутренним проблемам арабской диаспоры в США уделялось на порядок больше внимания, чем продвижению ее точки зрения, касающейся ближневосточных проблем и американской политики в этом регионе.

Таким образом, арабы-христиане (как самостоятельный сегмент внутри арабской диаспоры в США) с первых лет переселения проявляли склонность к скорейшей ассимиляции в американском обществе, в чем достигли заметного успеха. В итоге это выразилось в относительно низком уровне политической активности и отсутствии стремления навязывать свою волю и активно отстаивать свою точку зрения в американской политической среде.

Арабы-мусульмане, основной поток иммиграции которых начался после Второй мировой войны, в отличие от своих христианских предшественников, сталкивались с большими трудностями на пути интеграции. С одной стороны, относительно высокий уровень образованности позволял многим из них стать частью американского среднего класса. Среди первых мусульманских мигрантов конца 40-х годов был высокий процент представителей интеллигенции, которые перебирались в США, спасаясь от притеснений и политической нестабильности на родине. Обладая хорошим образованием, они представляли собой высококвалифицированных специалистов в различных сферах. С другой стороны, серьезные культурные различия, коренящиеся в религии и образе жизни, не позволяли американским арабам-мусульманам без усилий влиться в новое общество. Однако до начала XXI в. естественные культурные противоречия никогда не вырастали до состояния конфликта, который мог бы грозить американским арабам изоляцией. Свойственное Штатам органичное сосуществование самостоятельных местных общин, представители которых могут сохранять и культивировать свои национальные, религиозные, культурные и прочие особенности, а также приверженность подавляющего большинства граждан общим американским ценностям и идеалам – все это позволяло новым арабским иммигрантам интегрироваться в общество, не ассимилируясь в нем и не испытывая серьезных проблем с очевидными культурными отличиями.

Ситуация усложнилась после событий 11 сентября 2001 г., которые привели к существенной изоляции американских мусульман, в том числе и арабского происхождения. Они стали восприниматься как инородная и даже враждебная группа, и, несмотря на существующее разнообразие внутри диаспоры, часть американского общества стала оценивать живущих в США мусульман как потенциальную угрозу стабильности и благополучию. В отличие от относительно благоприятного приема христианских иммигрантов с Арабского Востока американское общественное мнение стало воспринимать арабов-мусульман как «фундаменталистов,

приверженцев экстремистских взглядов и защитников консервативного патриархального общества». Начавшаяся в 2001 г. и набирающая обороты по сей день глобальная борьба с террором, война в Ираке и в целом негативное отношение большей части американского социума к исламу лишь усиливают этот процесс и приводят к маргинализации и отчужденности американских арабов-мусульман.

Возникшее в начале нового века напряжение, разумеется, отразилось и на отношении американских мусульман к принимающему обществу и руководству США. Довольно скоро иммигранты осознали, что атаки 11 сентября, сплотившие нацию перед лицом общей угрозы, изолировали американских мусульман, которые ранее предпринимали последовательные шаги для того, чтобы занять достойное место в американском обществе и в полной мере пользоваться теми благами, которые гарантирует американский плюрализм и модель социального устройства. Сформировавшееся разочарование нашло свое отражение в двух направлениях мусульманской общественно-политической активности в Соединенных Штатах.

Первое видело своей целью интеграцию и сближение, закрепление положительного образа мусульманина, продвижение умеренного ислама и идей мирного сосуществования с другими религиями. Этой теме было посвящено немало работ американских мусульманских исследователей и духовных лидеров. Например, выходец из Кувейта, эксперт по исламскому праву из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Халид Абу Аль-Фадль в книге «Толерантность в исламе» стремился провести четкую границу между основным – умеренным направлением в исламе, которого придерживается большинство американских мусульман, и ваххабитским фундаментализмом, идеи которого разделяют как экстремистские организации, так и власти Королевства Саудовская Аравия. Тем не менее он признает факт, что ваххабитская идеология проникает в США и распространяется среди местных мусульман через соответствующую литературу, статьи и агитационные материалы. Стремясь защитить свою веру от нападок и призвать как можно больше мусульман сохранять свою конфессиональную идентичность, при этом не попадая под влияние радикалов, многие американские исламские правоведы стали показывать исламское учение через призму толерантности, плюрализма, расового, этнического и тендерного равенства.

Второе направление было связано с радикализацией части арабо-мусульманского сообщества. Сторонники этого подхода концентрируются главным образом вокруг ряда мечетей и религиозных центров. Придерживающиеся подобных взглядов экстремисты составляют относительно малую и маргинальную часть диаспоры, хотя при этом продолжают представлять собой опасность как для национальной безопасности Штатов, так и для общины, в которой они стремятся найти новых адептов и сторонников. Угроза заключается в том, что для распространения экстремистских материалов и, потенциально, подготовки террористических актов и диверсий не нужно большого числа задействованных лиц, а повсеместное использование сети Интернет облегчает процесс обмена информацией. В случае же появления в этой среде харизматичного лидера, готового вербовать новых сторонников и проповедовать идеи радикального ислама, опасность появления новых ячеек, поддерживающих экстремистскую идеологию, существенно возрастает.

В качестве примера стоит привести деятельность такого радикального исламского активиста, как Анвар Аль-Авлаки. Родившийся в штате Нью-Мексико в семье выходцев из Йемена, он получил светское образование, а изучение им ислама сводилось к нескольким месяцам специальных религиозных курсов и к общению с американскими и йеменскими мусульманскими теологами. Тем не менее после того, как одни летние каникулы в годы своего обучения в Государственном университете штата Колорадо он провел в лагере моджахедов в Афганистане, он приступил к активной деятельности внутри мусульманской общины. В конечном итоге, до своего отъезда из Соединенных Штатов в 2002 г. Аль-Авлаки успел побывать имамом в Денвере, Сан-Диего и Вашингтоне, основать совместно с разыскиваемым ФБР террористом Абдель Маджидом Аль-Зиндани «благотворительный» фонд, участвовать в сборе средств в поддержку ХАМАС, написать ряд эссе, в которых поддерживал терроризм и, что особенно важно, выступить в роли духовного наставника Навафа Аль-Хазми, Халида Аль-Мидхара и Хани Ханджура, участвовавших в захвате самолетов 11 сентября 2001 г. Аль-Авлаки был убит 30 сентября 2011 г., однако в последние годы он проводил активную деятельность по радикализации мусульман через Интернет и приобрел немало сторонников в Штатах и во всем мире.

Пример Аль-Авлаки демонстрирует, что несмотря на минимальное число и маргинальность действующих в Штатах радикально настроенных арабо-мусульманских активистов, негативный

эффект их деятельности может быть крайне велик, что заставляет рассматривать их в качестве опасного элемента арабской диаспоры.

Использование конфессиональной самоидентификации в качестве основного фактора воздействия как сторонниками умеренного ислама, так и радикальными проповедниками отвечает основным настроениям арабо-мусульманского сообщества. Вне зависимости от уровня религиозности, страны происхождения и приверженности той или иной школе ислама, принадлежность к исламской умме все же воспринимается арабами-мусульманами как один из важнейших элементов их самосознания. Как и для иммигрантов первой волны, сохранение своей религиозной идентичности было чрезвычайно важно для прибывающих в Америку арабов-мусульман. Однако если для первых этот фактор способствовал естественной интеграции в новое общество, то для вторых он выступал в качестве препятствия. В связи с существованием этой преграды и отсутствием как возможности, так и желания подвергаться процессу ассимиляции, арабы-мусульмане были склонны сохранять также и этническую идентичность, которая часто переплеталась или естественным образом дополняла религиозную. Для многих из них эти идентичности были неразрывно связаны между собой, и идея арабского национализма во многом рассматривалась ими с исламской точки зрения. Выделяясь в первую очередь по религиозному признаку, американские арабы-мусульмане концентрировали свою общественно-политическую деятельность вокруг мечетей, исламских школ и общинных центров, выполнявших образовательную и мобилизационную функцию для членов диаспоры.

К основным факторам, осложняющим интеграцию арабов-мусульман в принимающее общество, можно отнести следующие:

- многие из них были вынуждены покинуть родину, руководствуясь политическими мотивами (репрессии, революции, войны);

- арабо-мусульманская диаспора в США является относительно молодой, и за прошедшее с начала ее формирования время не сумела, в отличие от христианских предшественников, стать органичной частью принимающего общества;

- культурные различия, заключающиеся прежде всего в религии, и в целом негативное отношение американцев к исламу, особенно усилившееся в начале XXI в., не позволили арабам-мусульманам интегрироваться в американское общество так же успешно и естественно, как их христианским предшественникам.

Помимо этого стоит выделить фактор плотности расселения мусульманских иммигрантов из арабских стран. К причинам повышенной концентрации можно отнести стремление найти поддержку в адаптации к новой среде у уже живущих в Штатах мусульман и необходимость жить поблизости от мечети или общинного центра. В итоге основными местами расселения американского арабского населения стали крупнейшие города штатов Нью-Йорк, Мичиган, Массачусетс и Калифорния. Учитывая тот факт, что именно эти штаты были главным пунктом назначения арабских иммигрантов на протяжении всего XX в., сейчас половина арабо-американского сообщества проживает в таких городах, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Детройт, Чикаго и Вашингтон.

Важным также является тот факт, что тенденция «возврата к исламу», набирающая обороты на рубеже веков в арабском мире, нашла свое отражение и среди американских арабов. Как отмечает Митчелл Бард в своей недавней книге об арабском лобби, внутри американского арабо-мусульманского сообщества сейчас можно наблюдать тенденцию, в соответствии с которой часть американских арабов начинает все больше культивировать свою мусульманскую самоидентификацию, что выражается в их более частом посещении мечетей, активной общественной деятельности в рамках мусульманской общины и мусульманских организаций.

Стоит, однако, иметь в виду, что разделение американских арабов по конфессиональному признаку не означает, что эти две части диаспоры существуют независимо друг от друга и в своей общественной и политической активности не пересекаются. Напротив, несмотря на существующие несомненные различия, ими часто преследуются одни и те же цели, и к их достижению они движутся вместе. На современном этапе главнейшей из этих задач является борьба с арабо- и исламофобией, которые укоренились в американском обществе после террористических атак 11 сентября.

В рамках наиболее важных арабо-американских организаций (например, Арабо-американского института или Арабо-американского антидискриминационного комитета), которые изначально были основаны арабами-христианами, в настоящий момент работают значительное число мусульман, и перечень проблем, решением которых заняты эти структуры, характерны для всего арабо-американского сообщества. Несомненно, арабы-мусульмане являются более изолированной и более проблемной частью арабской общины США. Однако часто преодолению возникающих у них сложностей способствуют заинтересованные в этом арабы-

христиане, обладающие большим опытом жизни в американской среде и достигшие в ней более высокого положения. Хотя процент политически активных и этнически ориентированных арабов больше среди арабо-мусульманского сообщества, но в совокупности, в рамках решения ключевых внутривнутриполитических вопросов, а также в составе основных арабских организаций, конфессиональные различия становятся не столь значимы, а желание добиваться поставленных целей на американской политической арене требует от арабской диаспоры консолидации и сплоченности вне зависимости от религиозной принадлежности.

Таким образом, процесс формирования и современное положение арабской диаспоры в США показывают, что конфессиональные и культурные различия являются объективными причинами, вследствие которых мусульманские иммигранты из стран Ближнего Востока сталкиваются с проблемами в процессе интеграции в принимающее общество. В Америке дополнительным препятствием стало также изменение отношения к мусульманам и исламу в результате событий сентября 2001 г., которые более всего ударили именно по американским мусульманам и арабам, заметно изолировав их от общества.

Тем не менее арабы-мусульмане США способны стать органичной частью американского социума и, преодолев эффект травмы, которую нанесли террористические атаки 2001 г., продолжить развиваться внутри него.

Ведь христианская волна арабской иммиграции сумела успешно интегрироваться в новое общество. Отсутствие серьезных конфликтов между арабскими иммигрантами первой волны и гражданами США способствовало также более благоприятному приему мусульман из арабских стран, перебивавшихся в Америку во второй половине XX в. В целом до начала XXI в. американцы не проявляли враждебности в отношении выходцев с Ближнего Востока. К тому же именно арабы-христиане, некоторые из которых сумели достичь высокого положения в американском обществе, заложили основу арабской политической активности и создали ключевые арабо-американские организации, которые сейчас существуют на благо всей диаспоры вне зависимости от религиозной принадлежности и занимаются такими вопросами, как борьба с дискриминацией, арабо- и исламофобией, просвещение американцев в области ближневосточной культуры и политики, отстаивание арабских интересов во внутренней и внешней политике США.

Кроме того, американская политика интеграции иммигрантов предполагает, что они могут сохранять и развивать свои национальные и религиозные традиции и обычаи на бытовом уровне и в рамках местных сообществ, при этом принимая единые гражданские нормы и включаясь в общую американскую экономическую и общественно-политическую жизнь. По утверждению одного из главных активистов арабо-американского сообщества Джеймса Зогби, Соединенные Штаты – это, «в отличие от Европы, – непрекращающийся эксперимент по включению иммигрантов в жизнь страны, где мужчины и женщины, прибывшие из самых разных уголков Земли, через одно поколение становятся американцами».

Но подобная модель периодически дает сбой, примером чему служит изоляция американских мусульман после сентября 2001 г. Однако именно такой подход способствует достижению баланса между сохранением в иммигрантской среде собственной культуры и эффективной интеграцией. До вновь прибывающих в США доносится мысль о том, что, только разделяя идеалы своей новой родины, соблюдая ее законы и понимая необходимость мирного сосуществования с представителями других культур, этносов и конфессий, они смогут ощущать себя полноценными и полноправными гражданами.

Осознавая потенциально конфликтный характер мусульманской диаспоры, американская администрация разрабатывает дополнительные меры для предотвращения радикализации в среде американских мусульман и понижения уровня антиарабских и антиисламских настроений в обществе. Этой двудеиной цели посвящен «Стратегический план по осуществлению на локальном уровне мероприятий по предотвращению проявлений экстремизма в Соединенных Штатах» (декабрь 2011 г.). Несмотря на то что в эпиграфе к документу приводится цитата Барака Обамы о важности продолжения борьбы с «Аль-Каидой» и ее идеологией после убийства Осамы бен Ладена, слово «ислам» не приводится в этом 23-страничном тексте ни разу. При этом очевидно, что основным объектом стратегии является мусульманская диаспора в США. Речь идет как об исламском фундаментализме и экстремизме, так и об агрессии в отношении американских мусульман. Тем не менее, осознавая тонкость и деликатность темы, для обозначения потенциального источника экстремизма используется термин «сообщество» без указания на его конфессиональную или этническую принадлежность.

Несмотря на чрезмерную осторожность формулировок документа, он подробно описывает взаимодействие различных государственных структур на уровнях штатов, округов и населенных пунктов, нацеленное на выявление и предотвращение проявлений экстремизма, а также на активную работу по вовлечению тех самых «сообществ» в мирную общественную деятельность на локальном уровне в соответствии с американским законодательством. В частности, планируется запуск образовательных программ, издание специальных материалов, организация мероприятий, развивающих приверженность идеям плюрализма, гуманизма и демократии, осуждающих радикализм и экстремизм. Одновременно с этим предполагается активная работа правоохранительных и судебных органов, нацеленная на выявление и устранение проявлений экстремизма на всей территории Соединенных Штатов. Осуществление мероприятий сразу на нескольких фронтах способно привести к положительным результатам и вернуть арабо-мусульманскую диаспору на путь эффективной интеграции в американское общество. Успешное движение в этом направлении отвечает и интересам арабской диаспоры, и задачам обеспечения национальной безопасности США.

Уже сейчас можно говорить, что негативные последствия травмы 11 сентября постепенно проходят. В случае, если развитие событий будет и далее демонстрировать эффективность такой модели взаимодействия с арабской и мусульманской диаспорой, то она может оказаться очень полезной для других стран, где вокруг увеличивающейся арабо-мусульманской общины наблюдается рост социальной и политической напряженности.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2012 г., № 45, с. 76–96.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Ланда,

востоковед

ИСЛАМИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ: СОПЕРНИКИ ИЛИ СОЮЗНИКИ?

В современном мире давно уже сложилось твердое убеждение в том, что исламизм и развитые капиталистические страны Запада – бесспорные враги. Слишком многое их разделяет: принадлежность к разным цивилизациям, противоборство идеологий, политические интересы, обострившееся в XX в. социокультурное противостояние. Однако события последнего времени, особенно в арабском регионе, заставляют несколько иначе взглянуть на привычную и, казалось бы, застывшую в своей неизменности расстановку сил на мировой арене. Она меняется. И необходимо вовремя заметить и охарактеризовать эти на первый взгляд парадоксальные изменения.

«Арабская политическая весна» 2011 г. только на первый взгляд является процессом освобождения арабов от господства авторитарных правителей и военно-бюрократических диктатур. На самом деле этот процесс, почти всюду начавшийся, по мнению многих арабистов, становится «движением нового типа – революцией образованной молодежи», но имеет и другие, не менее важные, аспекты. Один из них – тесная связь «арабской политической весны» с процессами глобализации, неотделимыми от одновременно, хоть и со скрипом, но все же реализуемой частичной вестернизации всей жизни Востока – его экономики и политической ориентации, его культуры и повседневного быта. Позитивные стороны глобализации известны – мультикультурализм, полифония духовной жизни, плюрализм в политике и искусстве, резкое повышение уровня информированности жителей Востока обо всем происходящем в мире. Но это осознается образованной частью населения, прежде всего молодежью. Основной же массой арабов

глобализация воспринимается как грубое вторжение извне с целью экономического и политического подчинения, как покушение на этнокультурную и религиозную самобытность. Иными словами, глобализация расценивается ими как «продолжение империалистической и колониальной политики иными средствами».

Не вызывает удивления, что в авангарде «арабской политической весны» оказалась именно образованная молодежь. В арабских странах люди 15–30 лет составляют до 40–50% населения. Далеко не все они имеют среднее, тем более высшее образование, но начальным обучением сегодня, как правило, охвачено большинство из них. Молодежь больше, чем старшее поколение, страдает от безработицы, низкой оплаты труда, невозможности реализовать свои честолюбивые мечты, возникшие в результате знакомства с жизнью Запада через Интернет, социальные сети и прочие СМИ, а также – в ходе контактов с приезжающими на Восток людьми с Запада и во время посещения Европы и Америки.

Но, сыграв главную роль в начале «арабской весны», молодежь затем либо сошла со сцены, либо перестала быть лидером движения, уступив место более организованному и четко ориентированному силам. Подоплека событий пока что скрыта от нас. Но кое-что уже ясно. Например, то, что исламисты чрезвычайно влиятельные во всех арабских странах, на первых порах держались в тени и явно выжидали реакции и своих правительств, и Запада. Их задачей было не «спугнуть» Запад и не спровоцировать его на поддержку свергаемых режимов, с одной стороны, а с другой – не «вызвать огонь на себя» и не дать себя разгромить. Это удалось довольно легко в Тунисе и Египте, где Запад вообще-то поддерживал режимы Бен Али и Мубарака, но был слишком хорошо информирован о росте недовольства ими. И, стремясь не допустить решающей роли в их свержении исламистов (что было легко предсказуемо), стимулировал через Интернет и социальные сети давно назревшие выступления молодежи, в том числе и в первую очередь получившей образование на Западе, в частности – в Колумбийском университете США и в университетах Франции. К всеобщему удивлению, верхушка армии и в Тунисе, и в Египте не защитила свои правительства, заняв неожиданно «нейтральную» позицию. Этот факт тоже весьма примечателен, учитывая тесные связи военной элиты этих стран с США и государствами НАТО.

Характерно также, что свержение режимов оказалось почти молниеносным в Тунисе и Египте, где экономическое и военнополитическое влияние Запада преобладает, но никакого сопротив-

ления с его стороны не последовало. В то же время успех этих «Интернет-» или «твиттер-революций» определила и широкая их поддержка со стороны «людей улицы», т.е. народных масс. Рискну предположить, что причиной этого явились не только действительно накаленная социальная и политическая обстановка в этих странах, тем более действия левых сил (ныне в Египте и Тунисе слабых и маловлиятельных), но и тайная агитация исламистов, популярных и располагавших и в той, и в другой стране развитым подпольем, а также – связями с самыми разными слоями населения через формально неполитические благотворительные, культурные, профессиональные и финансово экономические организации, особенно в Египте.

Представляется маловероятным, чтобы спецслужбы Запада об этом не знали. Но если знали, почему не воспрепятствовали, не организовали сопротивление? Ведь происшедшие почти одновременно с переворотами в Тунисе и Египте массовые выступления в Марокко, Алжире, Иордании, Ливане и на Бахрейне не привели там к тем же результатам. Это произошло, как представляется, ввиду незаинтересованности Запада в смене режимов в Марокко, Иордании и на Бахрейне (для спасения эмира Бахрейна были направлены даже войска Саудовской Аравии – главного союзника США на Арабском Востоке). В Алжире сказались утрата политической и просто физической энергии в ходе гражданской войны 1992–2002 гг., усталость от бесконечных споров многочисленных (в том числе разного рода исламских) группировок и стойкое еще со времен освободительной революции 1954–1962 гг. недоверие к США. Сыграли свою роль также обострение берберской проблемы и гибкость политики Бутефлики.

В Ливане ситуация слишком многоаспектная и в политическом, и в социальном, и в демографическом, и в конфессиональном отношении. Иными словами, она почти непредсказуема и, с учетом тесных связей самых разных сил Ливана с Сирией, давней традиции христианско-мусульманского противостояния (при постепенном изменении соотношения сил в пользу мусульман) и подкрепляемого иранским влиянием «шиитского фактора», всякое вмешательство в дела Ливана может угрожать и Израилю, и позициям Запада. Тем более после неудачной для Израиля войны с группировкой «Хизболла» в июле–августе 2006 г. и статистически определившегося тогда же доминирования мусульман (76,7%) над христианами (23,3%) в рядах молодежи – наиболее боеспособной части населения страны.

Особо следует рассмотреть события в Ливии и Сирии. На их примере ярко видно стремление не только США, но вообще всего Запада, положить конец «эпохе Насера» в арабском мире, когда идеи арабского национализма, арабского единства и антиимпериализма для арабов были неоспоримой догмой, когда возникали в ходе освободительных движений революционно-патриотические режимы во главе с популярными харизматическими лидерами, проводившими подчеркнуто независимую от Запада политику. Конечно, эти режимы, исчерпав свои задачи, постепенно менялись. Но их трансформации и даже исчезновению во многом способствовал уход их творцов, таких как Насер, Бургиба, Бен Белла, Бумедьен, Салляль.

Этот процесс всячески стремились ускорить США, особенно после их превращения в единственную супердержаву 20 лет назад. Это нашло свое выражение в предпринятых ими еще в 1980-е годы и предпринимаемых и сейчас действиях по отстранению наиболее авторитетных арабских политиков, которые «не слушаются» Запада и пытаются ему противостоять. Так старались убрать еще в конце 1970-х – в начале 1980-х годов Хафеза Асада в Сирии (кстати, как и его сына сейчас, тоже с помощью исламистов), так поступили с Саддамом Хусейном и Каддафи, так надеются избавиться и от Башара Асада. По поводу выдвигавшихся против них обвинений (к тому же, не всегда правдивых, вроде приписывавшихся Саддаму намерений применить отсутствовавшее у него ядерное и биологическое оружие) можно сказать лишь следующее: все они не мешали Западу сотрудничать с этими политиками, когда это было выгодно, например, когда Саддам Хусейн воевал с Ираном, а Каддафи давал Саркози деньги на его предвыборную кампанию. Ложь, ханжество и демагогия никогда не применялись лидерами Запада против лидеров Востока столь нагло, масштабно и откровенно. Причина этого – реально возросшее влияние США во всем мире и особенно в западном мире за последние десятилетия, их непомерно (и не всегда обоснованно) увеличившаяся уверенность в своей мощи и безнаказанности, доходящая до жажды мирового господства.

Важным для всего арабского мира обстоятельством является отсутствие в настоящее кризисное время значительной политической фигуры масштаба Насера или Бургибы, а также государства-лидера. Раньше эту роль выполнял Египет. Но он ее утратил еще в правление Анвара Садата, в середине 1970-х годов отошедшего от курса Насера и сблизившегося с США. Мубарак, пытавшийся вер-

нуть Египту лидирующую роль, сделать этого не сумел. Его все время затмевали то Каддафи, то Саддам Хусейн, а в настоящее время тон в Лиге арабских государств задают (благодаря своим «нефтяным» капиталам и всесторонней поддержке Запада) Саудовская Аравия и государства Залива. Что же касается Египта, то он после свержения Мубарака пережил сложный период преимущественно скрытой борьбы за влияние на массы между военными и исламистами в первую очередь, но также при участии других сил – оттесненных от власти сторонников Мубарака, начинавших «арабскую весну» молодых демократов, христиан-коптов, которых в стране около 10% (примерно восемь млн. человек). Кстати, буквально накануне выборов в парламент в октябре 2011 г. 35 коптов были убиты и 300 ранены при разгоне их демонстрации, требовавшей равных прав с мусульманами.

Хотя в выборах в Египте в ноябре 2011 г. наряду с исламистами участвовали еще 35 партий и группировок, включая приверженцев Мубарака, фактическую победу одержали, как и предполагалось, исламисты – 37% голосов по партийным спискам и 36 из 54 мест от одномандатных избирательных округов. Но военные, пока еще не выпустившие рычаги власти, оспаривают избрание «тех, кто угрожает их интересам, экономике, безопасности и отношениям с международным сообществом». Вице-министр обороны генерал Мухтар аль-Мулла заявил, что «парламент не представляет всех египтян» и в нем нет представителей «рабочих, фермеров, инженеров и врачей». Кроме того, предстоят еще выборы верхней палаты, а также военные объявили, что «в связи с нехваткой времени» при выработке новой конституции за основу будет взята старая. Иными словами, отвергается выдвинутое еще весной 2011 г. требование демократов заменить президентский режим парламентским. Короче говоря, ничего еще не решено.

Неопределенность ситуации в Египте, политическая борьба, беспорядки, волнения и вооруженные столкновения в других арабских странах, серьезно дестабилизировали положение на Ближнем Востоке и в Северной Африке. «Арабские революции предоставили исламистам идеальный плацдарм для атак на Старый Свет», – писала мировая пресса осенью 2011 г. «Вакуум власти» в Тунисе, Египте и Ливии привел, по мнению руководителей Евросоюза, к тому, что «из тюрем этих стран было выпущено много джихадистов, а военные арсеналы, накопленные прежними правительствами, остались фактически без контроля». Французский эксперт

Ален Анталь, отметив, что США в Ираке и Афганистане не уничтожали, а лишь вытесняли «Аль-Каиду», указал на создание ею филиалов в Месопотамии и странах Магриба. Он подчеркнул: «Добираться из Ирака или Афганистана до Европы или Америки сложно и рискованно. Из Туниса или Ливии это сделать гораздо проще». Иными словами, передислокация «Аль-Каиды» в Африку «ставит под удар в первую очередь не США, а страны Европейского союза».

Но зачем это нужно США? Об этом можно лишь догадываться. Наиболее же вероятное предположение – США хотели бы сблизиться с исламистами, убрать их руками «мешающих» США арабских национальных лидеров и, создав тем самым угрозу Европе, а заодно и России (!), сделать их более «послушными».

Для достижения своих целей США, как и нерасчетливо следующие за ними союзники по НАТО, решили, судя по всему, использовать по-новому формально враждебных им исламистов. Они осознали, хотя и с явным опозданием, что исламизм – это мощная сила и вполне самостоятельный фактор на международной арене, устранить который не удастся и вряд ли удастся, по крайней мере – в ближайшее время. В этой связи наблюдается следующее: продолжая (не очень интенсивно) борьбу против радикального исламизма, представленного прежде всего «Аль-Каидой» и другими салафитскими группами, Запад начинает склоняться к более терпимой, толерантной позиции по отношению к умеренным исламистам, отстаивающим свои цели не путем насилия, а политическими средствами.

Ничего удивительного в самом этом факте нет, учитывая давнее сотрудничество США с ваххабитами Аравии. Но сейчас, судя по всему, речь идет уже о новой стратегии, об отходе от ориентации на скомпрометировавшие себя во многих сферах светские, военные или буржуазно-бюрократические режимы и о сближении с идеологически влиятельными и проникшими в самые разные слои общества исламистами, которые, с одной стороны, справятся со своими конкурентами – националистами, так раздражающими Запад, с другой – станут надежным оплотом против любых (в том числе – с того же Запада идущих) «импортных» учений, особенно левого, социалистического и вообще антибуржуазного характера, нуждаясь при этом в самых разных видах помощи элиты Запада.

Стоит отметить, что подобная стратегия была фактически намечена в сочинениях и заявлениях лидера исламистов Туниса – Рашида аль-Ганнуши, который, осуждая «западную модель разви-

тия, капиталистическую или социалистическую», еще в 1980–1990-е годы высказывался одновременно за «демократию и права человека» и за то, чтобы, освободившись от «гегемонии западной культуры и западного образа жизни, построить современное исламское общество, которое могло бы черпать до дна все ценное из западной культуры, не теряясь в ней». Но, конечно, аль-Ганнуши, – пожалуй, наиболее «прозападный» исламист, скрывавшийся от властей Бургибы и Бен Али не где-нибудь, а в ... Великобритании и США. Еще в 1981 г. он заявлял, что его программа – это «методы политического и культурного действия» и что он «отвергает насилие и государственные перевороты придерживается политического и идеологического плюрализма».

Только с такой программой его партия «Ан-Нахда» (Возрождение) и смогла набрать 40% голосов на выборах в Учредительное собрание в октябре 2011 г., учитывая высокий уровень образованности тунисцев, их тесные связи с Францией и влияние ее политической практики и политической культуры на многих жителей страны, в том числе молодежь и женщин. И то победа «Ан-Нахды» вызвала демонстрации протеста под лозунгами «Мы не хотим на 14 веков назад», «Уж лучше светский режим Бен Али». Не вызывает удивления после этого заявление дочери Ганнуши Юсры Хриги, что «специфично исламское в партии лишь то, что она опирается на мусульманские ценности свободы и справедливости». Об этом же свидетельствует последовавшее согласие «Ан-Нахды» на широкую коалицию с центристами и левыми, а также – на уважение «национального консенсуса».

Тунисский вариант «демократизации по-исламски» можно считать относительно мягким и действительно приемлемым и для Запада, и для светских политических сил. Но есть и другие примеры, дающие основания более драматической и тревожной интерпретации. «Светские арабские автократии, – считает политолог Е. Сатановский, президент Института Ближнего Востока, – рушатся одна за другой, исламисты укрепляют позиции по всему Ближнему и Среднему Востоку, а монархии Залива, спровоцировавшие эту “зачистку”, все более открыто используют в своих интересах Вашингтон, Лондон и Париж, даже не скрывая, где именно находится хвост, который вертит натовской “собакой”». Мне подобная апокалипсическая картина представляется чрезмерным преувеличением существующей опасности, хотя она и подтверждает в индизамплексиформе сведения о вполне реальном взаимодействии Запада с умеренно-исламистскими силами. И, может быть, цити-

руемый автор прав во многом, утверждая, что Саудовская Аравия и Катар – ваххабитский тандем, сыгравший ключевую роль в «арабской весне»?

Можно лишь отчасти согласиться с констатацией Н. Суркова: «Вашингтон сделал ставку на умеренных фундаменталистов». Но это – далеко все, ибо новая тактика США этим не ограничивается. В Ливии и Сирии они открыто поддерживают не «умеренных», а самых настоящих экстремистов и террористов! И разве можно верить лидеру ливийских исламистов Абд аль Бель Хаджу (кстати, ставленнику Катара): «Бояться нечего, в Ливии нет экстремизма». Достаточно вспомнить, что он и его якобы «умеренные» сделали с 69-летним Каддафи, страшно изуродованный труп которого показали всему миру! То, что в 2011 г. творилось в Ливии (где «тенденция к убийствам, грабежам и другим злоупотреблениям» среди повстанцев официально признана международными организациями), Сирии и Йемене, где «Аль-Каида» захватывала все новые позиции, пользуясь ослаблением власти президента Салеха, говорит о том, что США, как и их главный арабский союзник Саудовская Аравия, совсем не против включения террористов «Аль-Каиды» в процесс «арабской весны» и использования их в своих целях.

Мы привыкли, что исламисты – это внесударственные террористические организации, преследуемые и Западом, и своими правительствами. Но ваххабиты Аравии – исламисты с гораздо большим стажем, чем «Аль-Каида» и прочие салафиты. Светские режимы им так же чужды, тем более отвергающие монархию. Поэтому они вполне резонно решили воспользоваться сложившейся обстановкой для усиления идейно близких им исламистов, используя при этом и сближение с жаждущей вернуть свое доминирование на Ближнем Востоке Турцией, и давние связи со странами НАТО, а также свои «финансовые резервы, информационный потенциал и лоббистский ресурс».

Известно, что подразделения Катара участвовали в штурме Триполи вместе с военными формированиями Англии и Франции, а саудовцы «наводили порядок» на Бахрейне. Эти скандальные обстоятельства – прямое свидетельство не только вмешательства извне во внутренние дела суверенных арабских стран со стороны известных в арабском мире союзников Запада, но и применение ими военного насилия, вызванного как социополитическими, так и конфессиональными резонами, ибо речь шла не только о суннитско-шиитском конфликте на Бахрейне, но и об ударе ваххабитов-

монархистов по антимонархисту и врагу исламистов Каддафи. Более того, в Ливии, наряду с этим, не сразу выявившимся аспектом «арабской весны», выявился и другой – непосредственная агрессия против Ливии стран НАТО.

В конце 2011 г. во Франции вышла книга Бернара Анри Леви, личного друга президента Франции Николя Саркози, «Нелюбимая война». Всячески преувеличивая свою роль в свержении Каддафи, Леви сообщает, что он лично занимался этим «восемь месяцев», налаживая контакты Саркози с лидерами повстанцев уже в марте 2011 г., когда их никто еще не знал. Но Саркози уже говорил тогда о планах бомбардировки трех аэропортов Ливии и необходимости получить на это «согласие союзников». При этом, допуская, что Совет Безопасности ООН может не дать на это санкцию, Саркози обещал найти «другой способ», в частности – уговорив Лигу арабских государств создать «коалицию с рядом европейцев, африканцев». При этом Саркози, которого тревожили колебания американцев (министр обороны США Гейтс говорил, что сторонникам «силовой акции в Ливии место в сумасшедшем доме»), спешил «опередить весь мир», работая «рука об руку со своим другом Кэмероном, британским премьер-министром». Уже в апреле лидеры повстанцев передавали Саркози заказы на тысячи пулеметов, сотни ракет разных типов и другие виды оружия, просили поддержки не только авиацией, но и наземными силами. Он отвечал: «Мы вам уже помогаем. Мы признали Переходный совет (т.е. командование повстанцев. – *Р.Л.*). Есть другие страны, которые поставляют то, что необходимо. Или вы думаете, когда Катар вам помогает, он делает это без согласия всей коалиции?». Выражая недовольство тем, что американцы «отстают» в помощи повстанцам, Саркози заявил: «Мы с Дэвидом Кэмероном их вернем обратно в большую игру... Барак Обама может рассказывать все, что он хочет. Я не понимаю, как американцы смогут объяснить миру, что их там не будет... Я вас прошу соблюдать максимальную секретность по этому вопросу. Инструкторы уже есть на месте. Французов, говорящих на арабском, вам предоставили достаточно. На днях прибудут еще. Главный вопрос – это военная техника, которая идет с ними».

Все эксперты и России, и Запада сходились в том, что повстанцы, т.е. временное объединение боевиков «Аль-Каиды», перебежчиков, наемников и обиженных Каддафи племен, были бессильны против войск Каддафи и ничего не смогли бы с ними сделать без поддержки извне. Однако Каддафи упустил время и не

смог противостоять авиации НАТО и англо-франко-катарскому вторжению. Но и то он держался десять месяцев.

В декабре 2011 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров, выступая в Брюсселе, указал на нарушение западными державами международного права, поскольку члены НАТО «вступили в войну в поддержку одной из сторон внутреннего конфликта, грубо нарушили эмбарго на поставку оружия и решали задачу смены режима в Ливии, что лишь умножило человеческие жертвы». Характерно, что еще раньше, в сентябре 2011 г., министр Лавров категорически возразил в беседе с генсеком НАТО Андерсом Расмуссеном против стремления некоторых кругов на Западе сделать раздавленную натовскими бомбардировками Ливию «моделью на будущее». В этой связи стоит принять во внимание и мнение известного российского востоковеда, дипломата и общественного деятеля академика Е.М. Примакова: «Прецедент действий НАТО в Ливии очень опасен, особенно для тех регионов и стран, где накалена обстановка и политика которых не удовлетворяет запросам НАТО».

Таким образом, события в Ливии, внешне отличающиеся от таковых в Тунисе и Египте, продемонстрировали, кроме общих черт с происходившим в соседних странах (неприятия слишком долго правившего лидера и его авторитарных методов управления, забвения за истекшие 40 с лишним лет первоначальных целей и даже результатов предпринятой им когда-то революции), и нечто другое – открытую военную интервенцию Запада в случае его неспособности добиться своего мирными методами. И дело, конечно, было не только в стремлении избавиться от семейства Каддафи, обладавшего сведениями о финансировании Ливией избирательных кампаний Николя Саркози, Сильвио Берлускони и британских консерваторов, что, конечно, могло повредить и Саркози, и Кэмерону. Дело в завершении уже упоминавшейся «эпохи Насера» и начавшемся контрнаступлении неокOLONиализма в новых условиях военно-технологического рывка Запада на очередном этапе развития глобализации и перемен в соотношении геополитических сил после 1991 г. Это подтверждается и событиями в Сирии.

Стоит вспомнить, что атака на Каддафи началась после его заявления о том, что он будет ориентироваться на Россию, Индию и Китай. В отличие от Каддафи, не раз заигрывавшего с Западом, руководство Сирии всегда ориентировалось на Россию и даже предоставило ей военно-морскую базу на своей территории. Это всегда раздражало США, с 1970-х годов стремившихся изолиро-

вать Сирию и обвинить ее в «государственном терроризме». Разумеется, свою роль играли конфликт Сирии с Израилем из-за Голанских высот, ее стремление контролировать Ливан – своего рода «ворота Запада» на Восток и особенно ее сближение с 1980-х годов с Ираном. Может быть, поэтому США даже не маскируют, как в других странах, своего стремления избавиться от режима Башара Асада в Сирии, в сущности последнего, наряду с алжирским, независимого от США. Не имея влияния в Сирии (в отличие от Египта, Туниса, Марокко), США не смогли здесь опереться на сколько-нибудь серьезные прозападные группы, в том числе молодежные. Поэтому здесь ставка была сделана на конфессиональные противоречия. Однако власти подавили выступления мятежников на юге, в районах с преобладанием секты друзов (давно, еще в 1960–1970-х годах вынужденной уступить многие позиции в армии и правящей партии Баас, ныне доминирующей секте алавитов), а также – в приморском округе Латакия на северо-западе страны, где расчет был сделан на разжигание вражды христианского меньшинства к алавитам, составляющим большинство.

Но все попытки сыграть на религиозной неоднородности сирийцев провалились. Сирийские власти всегда проводили достаточно продуманную политику в этом вопросе, не вызывавшую или почти не вызывавшую нареканий. Потерпели крах и маневры по стимулированию внутриобщинных разногласий среди самих алавитов, шиитов, друзов и основной мусульманской общины страны – суннитов. Они имели место и раньше с тем же результатом. Тогда упор был сделан на использование оппозиции суннитов, т.е. большинства населения, господству светской партии Баас, да еще придерживавшейся «импортной» социалистической идеологии. Власти пошли на уступки требованиям реформ, объявив свободу СМИ, отменив действовавшее многие десятилетия чрезвычайное положение и пообещав отменить главу конституции о руководящей роли партии Баас. В ответ противники режима развязали кампанию лжи против Сирии: американские и британские телекомпании Си-эн-эн, Би-би-си и другие, а также катарский канал «Аль-Джазира» сообщали о взорванных мечетях в разных городах, которые на самом деле были целы, инсценировали расстрелы и расправы, вели целенаправленную пропаганду против партии Баас и лично президента Башара Асада. Все это сопровождалось уличными шествиями под исламистскими лозунгами и провокациями против войск и полиции. Убийства военнослужащих вызывали ответные действия властей. Возникла обстановка страха,

развязывавшая руки и оппозиции, и просто криминальным элементам. Стало известно, что многие выходящие на антиправительственные демонстрации получают по 60 долл., взявшие при этом плакат – 100 долл., а автомат – 300 долл.! Последняя цифра в три раза превышает минимум зарплаты в стране.

И в самой Сирии, да и за ее пределами мало кто сомневается, что действия антиправительственного подполья ведутся преимущественно руками исламистов, но направляются США и их союзниками – Саудовской Аравией и Катаром. США даже открыто опубликовали сведения о затратах на подрывную деятельность против Сирии, в которой используются и когда-то изгнанные из страны «братья-мусульмане», и наиболее маргинальная часть палестинских беженцев, ставших религиозными фанатиками, и наиболее «исламизированные» группы курдов, вынужденных покинуть Ирак и Турцию, не говоря уже о «добровольцах джихада», сражающихся против войск США в Ираке, но готовых это делать всюду и нередко вынужденных отступать на территорию Сирии. Организованной оппозиции практически нет. О ее разных представителях в эмиграции известный в Сирии диссидент Селим Хейрбек говорит: «Это пособники США, работающие за американские деньги. Это же касается и многочисленных попыток создать в Стамбуле Совет национального спасения Сирии».

Не имея широкой опоры в стране, оппозиционеры всячески раздувают слухи о «жертвах режима», включая в их число убитых террористами солдат и полицейских. Не вызывает удивления, что количество жертв растет, а оппозиция под этим предлогом отказывается от каких-либо переговоров с властями, так как этого не хотят стоящие за ее спиной США, Саудовская Аравия и Катар. Последнее «ноу-хау» оппозиции – сколачивание так называемой «народной армии» из захваченных ею в плен или перешедших на ее сторону солдат (в основном под давлением подкупа, шантажа и угрозы вырезать семьи). При этом используются методы запугивания, навязывания наркозависимости, вербовки за плату криминальных элементов, прямой обман и распространение панических слухов.

Против изложенной версии происходящего нередко проводятся возражения, отрицающие либо вообще вмешательство Запада в дела арабов, либо расценивающие его как незначительное. Основа подобной точки зрения – негативное отношение к «конспирологическим сценариям» как к печальному наследию советского времени сталинско-сусловского догматизма и стереоти-

пов «холодной войны». Хотел бы в этой связи сослаться на давний тезис 1991 г., высказанный академиком Н.П. Шмелёвым: «Всё, что нам говорили о социализме – неправда, но всё, что говорили о капитализме – правда!» Действительно, если не разделять подобно персонажам Ильфа и Петрова иллюзий 1990-х годов о том, что «заграница нам поможет» и главное для этого, как говорил в 1992 г. Е.Т. Гайдар, «уничтожить наш гигантский военно-промышленный комплекс, этого монстра, пугающего Запад и подрывающего нашу экономику», то вряд ли можно абстрагироваться от реалий современного варианта западного капитализма. Ему, как и в былые времена, по-прежнему свойственны экономические кризисы и социальные контрасты, хоть и подправленные государственным регулированием, бюджетной благотворительностью, элементами планирования и прочими заимствованиями у социализма.

Капитализм, на словах сам себя отрицающий и якобы превратившийся в некий высокоморальный либеральный «пост-капитализм», зиждется, как и раньше, на соперничестве и конкуренции, ныне принявших уже не только межличностный, но преимущественно межнациональный и межгосударственный характер. А отсюда вытекает все более усложняющаяся природа столь воспеваемой во всем мире глобализации, включающей в себя, наряду с интенсификацией торгового и информационного обмена, тенденциями к хозяйственной, технологической, культурной и бытовой унификации, также внутреннюю конфликтность и столкновение непохожих этноконфессиональных и социокультурных идентичностей, наций, идеологий, военных потенциалов, политических течений и мнений. Глобализация, внешне сглаживающая и будто бы нивелирующая под флагом модернизации – вестернизации различия между странами, народами и социумами, на деле, встречая препятствия на своем пути, эти различия обостряет и часто доводит их до непримиримых противоречий, разрешимых лишь путем грубого военного насилия. Все это в применении к Востоку означает, что, несмотря на деколонизацию и освободительные революции XX в., рожденный еще империализмом позапрошлого века колониализм отнюдь не умер и возрождается на наших глазах, даже не очень заботясь, как раньше, о маскировке своего господства.

Нам, в России, надо в связи с этим помнить, что геополитики Запада, разрабатывая планы «модернизированного» новоколониального освоения Востока, не забывают и старой формулы о решающем для судеб мира противостоянии «сверхдержавы моря» и

«сверхдержавы суши». Роль первой, по их мнению, играла в XVIII–XIX вв. Великобритания, а второй – Россия. Ныне роль первой, безусловно, отдана США, а на роль второй уже выдвигается Китай. Но и Россия с этого места еще не ушла со всеми вытекающими из этого последствиями и возможными претензиями в ее адрес со стороны «сверхдержавы моря», явно стремящейся вытеснить Россию с Востока и ликвидировать еще сохранившееся там кое-где российское влияние. В свете этой концепции особенно логично все предпринимаемое США в Ливии, Алжире, Сирии, Ираке, Иране и Афганистане.

Что же касается мусульманского Востока в целом, то мы наблюдаем там интересное явление: глобализации вестернизации противостоит глобализация исламизма. Они как бы взаимно проникают в сферу распространения друг друга, в чем-то друг друга блокируют, но в чем-то и взаимодействуют, в частности в технике террора и военного насилия. Теперь это взаимодействие, ранее сводившееся преимущественно к заимствованию исламистами у Запада военных, информационных и финансово-организационных технологий, приняло и политический характер. Скорее всего, это сотрудничество – временное. Но отпущенное ему время может оказаться весьма опасным для третьих сторон, прежде всего – для России. Отсюда – необходимость более активного и ускоренного расширения всесторонних связей России с миром ислама и его многообразными идейными и политическими течениями.

«Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации», М., 2012 г., с. 37–48.

Юрий Почта,

доктор философских наук (РУДН)

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: РОЛЬ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

После завершения «холодной войны» в мире доминирует западная либерально-демократическая модель как глобальный проект социального устройства. Осмысляя эту ситуацию, Ф. Фукуяма, повторяя заблуждения Гегеля и Карла Маркса, пишет о «веке старости человечества», о конце истории как таковой. Он утверждает, что в мире осталась одна западная либерально-демократическая

модель как конечная форма человеческого правления, и незападным обществам придется пойти по этому пути, так как «вряд ли можно говорить о реальных альтернативах либеральной демократии и рыночному капитализму как фундаментальным принципам организации современного общества». Он полагает, что в сфере культурных оснований общества либерализм способствует созданию новой универсалистской гражданской идентичности, не связанной с этнической или религиозной принадлежностью. Угрозу этой универсалистской культурной идентичности он видит в «принципиальной вере» в мультикультурализм и моральный релятивизм.

Фукуяма решительно отвергает любые надежды на возможность успешного развития обществ на иных началах, кроме универсалистской культурной идентичности. Он доказывает, что «политический порядок, основанный на сербской этнической идентичности или шизме, никогда не перерастет границ какого-нибудь жалкого угла Балкан или Ближнего Востока и, конечно, никогда не сможет стать основополагающим принципом больших, разнообразных, динамичных и сложных современных обществ — как, например, составляющих Большую Семерку. Они не только столкнулись бы с неразрешимыми политическими противоречиями, связанными с религиозными или этническими меньшинствами, но их враждебность нововведениям закрыла бы для них возможность свободного экономического обмена и, следовательно, участия в современной экономической жизни».

Эти взгляды высказываются в контексте представлений о прогрессивности и линейности политико-экономического развития мировой, универсальной или глобальной цивилизации, в которой Запад выражает высшую форму развития, а незападные общества являются варварскими или в лучшем случае догоняющими. По выражению Ф. Фукуямы, «существует некоторая Универсальная история, ведущая в сторону либеральной демократии».

Несколько иную позицию занимает С. Хантингтон, анализируя мировую политику в период после завершения «холодной войны». Проявляя определенную научную смелость и оспаривая доминирующее западнцентристское представление о существовании мировой цивилизации, он признает цивилизационный плюрализм человечества (в духе Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Ходжсона). По его мнению, впервые в истории человечества политика стала многополюсной и полицивилизационной. «За годы, прошедшие после окончания “холодной войны”, мы

стали свидетелями начала огромных перемен в идентификации народов и символов этой идентификации. Глобальная политика стала выстраиваться вдоль новых линий – культурных». В этой связи он говорит не о неизбежности победы западной модели, а о том, что «выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентификацию и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против вызовов незападных обществ. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания». То есть, не теряя веру в успех западной модели, С. Хантингтон выступает с предупреждением о том, что ей могут препятствовать культурно-цивилизационные особенности ряда регионов мира (прежде всего мусульманского мира и Китая) вплоть до того, что для их преодоления придется использовать военную силу США и их союзников.

Однако при этом вера западных политиков и политологов в неизбежное торжество либеральной демократии и институтов гражданского общества во всем мире остается неизменной. Для реализации этой цели осуществляется большая деятельность по демократизации человечества. Еще в начале 1980-х годов президент США Рональд Рейган выступил за «крестовый поход за свободу» и «кампанию по развитию демократии» во всем мире, включая создание инфраструктуры демократии, частью которой являются институты гражданского общества. Но резкая активизация этой деятельности началась после окончания «холодной войны».

Полагая глобализацию американским проектом, современная политическая элита США считает ее распространение важной задачей международной политики СИТА, включающей в себя содействие распространению демократических режимов. Или, как утверждают Т. Фридман и М. Мандельбаум, мир после окончания «холодной войны» является миром, созданным по американскому проекту на основе идей демократии и свободного рынка. Всем обществам, не входящим в трансатлантическую цивилизацию, настойчиво предлагается осуществить цивилизационный модернизационный скачок к глобальной интеграции.

После событий 11 сентября 2001 г. в США продвижение демократии в мусульманских странах стало связываться с мировой борьбой с терроризмом. В частности, для реализации этой цели в 2002 г. в США начала свою деятельность программа «Инициатива

по партнерству на Ближнем Востоке» (The Middle East Partnership Initiative – MEPI) – программа партнерства между США, с одной стороны, частным сектором и неправительственными организациями Ближнего Востока и Северной Африки – с другой. Президент США Джордж Буш-младший заявил в 2003 г., что «было бы самонадеянно и оскорбительно предполагать, что целый регион мира – или одна пятая часть человечества, которая исповедует ислам, – почему-то не затронут основными устремлениями жизни. Человеческие культуры могут быть совершенно разными. И все же человеческое сердце желает одних и тех же хороших вещей повсюду на Земле. В своем желании быть в безопасности от жестоких издевательств и угнетения люди везде одинаковы. Мы одинаковы и в нашем желании заботиться о наших детях и дать им лучшую жизнь. Из-за этих фундаментальных причин свобода и демократия будут всегда и везде иметь бóльшую привлекательность, чем лозунги ненависти и тактика террора». 6 ноября 2003 г. Президент США в своем выступлении в Национальном Фонде Демократии объявил о начале проведения новой внешней политики США – глобальной демократической революции. Начало этой политики было положено «освобождением» Ирака и началом создания там демократического общества, которое должно было послужить образцом для других обществ региона.

Так начала формироваться концепция реконструкции «Большого Ближнего Востока» на основе западной демократии как универсальной модели.

Однако, предлагая незападным обществам демократию и гражданское общество, Запад и прежде всего США радикально изменяют правила игры на мировой арене. Так, характеризуя концептуальную основу современной мировой политики, А.Д. Богатуров подчеркивает, что «новый международный порядок характеризуется сменой основополагающей идеи, остававшейся базой межгосударственных отношений с Вестфальского мира.

Вместо принципа *lasser-faire* (“разрешительности”, “невмешательства”), в соответствии с которым каждое государство хотя бы теоретически было свободно в своей внутренней политике до тех пор, пока это не начинало угрожать безопасности других государств, 1999 г. принес утверждение принципа “избирательной легитимности”, в соответствии с которым государства-лидеры (страны “оси”) могут сами определять параметры законности или незаконности того или иного правительства в зависимости от ответа или несоответствия его политики интересам и

представлениям государств-лидеров». «В политологии стали набирать популярность концепции переходности: от госрегулирования – к свободному рынку, бедности – к процветанию, тоталитаризма – к демократии, унитарности – к федерализму, национального государства – к свободной ассоциации регионов и территорий... Для международных отношений... стала неожиданно характерна “обратная идеологизация”. Она выразилась в ужесточении либерально-моралистской “догматики”, абсолютизации опыта западной демократии и связанных с ней хозяйственной и социально-политической систем». И наконец, наиболее важный для нас вывод А.Д. Богатурова состоит в том, что над «реал-политическими» сдвигами в международных отношениях был водружен по-своему величественный «либерал-идеалистический» полог гипотезы о том, что главное содержание современной эпохи определяется переходом большинства стран мира на путь созидания гражданского общества на базе либерально-демократического синтеза.

Эти изменения в мировой политике вызывают большое беспокойство в России, претендующей на свою роль в международных отношениях, защиту своих национальных интересов и своего политического суверенитета. Тем более что возможные вмешательства в дела других государств могут объясняться необходимостью продвижения демократии.

За этой позицией стоит практический опыт участия постсоветской России в мировой политике в 1990-х годах, когда под предлогом демократизации и защиты прав человека Запад начал передел мира, который сложился после окончания «холодной войны».

В наибольшей степени влияние на позицию России оказал драматический распад Югославии. После этого наша страна стала последовательным защитником принципа государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран при соблюдении международно-правовых норм. Принцип государственного суверенитета при этом трактуется Россией как имеющий большое значение, нежели индивидуальные права человека. В своей речи на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Президент России В.В. Путин охарактеризовал процессы, происходящие в мировой политике как формирование однополярного мира, что «в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного

суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия – это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства».

Затронув тему практически ничем не сдерживаемого, гипертрофированного применения силы в международных делах, он сказал, что «мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того – отдельные нормы, да, по сути – чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам».

Аналогичную озабоченность высказывал и Д.А. Медведев. Так, выступая на мировом политическом форуме в Ярославле в 2010 г. и говоря о судьбах демократии в мире, Президент России Д.А. Медведев заявил, что в качестве одного из приоритетов внешней политики страны он считает заинтересованность в том, чтобы как можно большее количество стран следовало стандартам демократии. Вместе с тем эти стандарты не должны быть двойными для того, чтобы все государства могли их выполнять без опасений, что они будут использованы для ограничения суверенитета и вмешательства в их внутренние дела. Для этого необходимо правовое воплощение гуманистических ценностей и идеалов, придание этим ценностям практической силы международного права. Д.А. Медведев также высказал опасение, что попытки насаждения внешних демократических форм в бедных обществах могут приводить к хаосу либо к диктатуре.

С учетом российской позиции по вопросу о соотношении прав человека, демократии, гражданского общества и государственного суверенитета мы рассмотрим существующие подходы политических деятелей и ученых США и России к демократизации ближневосточного общества. Отдавая должное массовым выступлениям населения в целом ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока в 2011 г., получившим название «арабской весны», мы попробуем изучить степень внешнего политического воздействия на процессы в арабском мире.

Основное содержание выступлений американских публицистов, политиков и ученых по поводу региона Ближнего и Среднего

Востока сводится к идее о том, что там происходит конфликт секулярной демократии и исламского фундаментализма. Достаточно эмоционально эту мысль выразил американский журналист Валид Фарес в своей книге о борьбе за свободу на Ближнем Востоке. «Я покажу, – пишет он, – что в этом несчастном регионе в тяжелых условиях шла и продолжается борьба между силами, нацеленными на установление деспотического фундаменталистского Халифата, и гражданским обществом, ориентированным на демократию и социальные свободы».

Антитезы свободы и деспотизма, демократии и фундаментализма, прав человека и авторитаризма широко используются и руководителями страны. Выступая в мае 2011 г. по проблемам Ближнего Востока и Северной Африки, Президент США Барак Обама достаточно четко обозначил подход его администрации к становлению там демократии и гражданского общества. Он уверен, что основная причина массовых выступлений в ряде мусульманских стран состоит в борьбе за права человека.

Многие политические режимы мусульманского мира неустойчивы из-за того, что они держатся только на страхе и репрессиях. Поэтому здесь на первый план выходит поддержка самоопределения индивидов на основе реализации их прав. Если же это самоопределение подавляется, США осуждают применение насилия в отношении населения региона. Жесткие выводы делаются в отношении лидеров таких стран. Так, сирийскому президенту Башару Асаду предлагается либо возглавить переход к демократии, или же уйти с политической сцены. Конструктивное отношение к этим событиям должно способствовать продвижению американских ценностей и укреплению безопасности США. Соединенные Штаты поддерживают всеобщие права человека, включающие свободу слова, свободу мирных собраний, свободу вероисповедания, равенство мужчин и женщин в условиях верховенства закона, и право избирать своих собственных лидеров в Багдаде, Дамаске, Санае или Тегеране.

По нашему мнению, концептуально данное выступление представляет собой синтез политического идеализма, политического реализма и социального конструктивизма применительно к объяснению «арабской весны» первой половины 2011 г. В нем содержится иносказательное описание концепции «управляемого хаоса», реализуемой в ближневосточных странах посредством того, что права человека ставятся выше суверенитета государств.

Барак Обама не обращается к понятию государственного суверенитета. Хотя и делается оговорка о том, что США заботятся о стабильности нации, но основное внимание уделяется самоопределению индивидов. Открыто признается, что многие политические режимы стран БСВ обречены – статус-кво существующих ближневосточных государств невозможно поддерживать. После десятилетий принятия мусульманского мира таким, каким он был (авторитарным и деспотическим), у США есть шанс способствовать сотворению региона БСВ таким, каким он должен быть, в соответствии со своими представлениями (либерально-демократическими). Тем жителям региона, которые готовы в этом творческом процессе участвовать, президент Барак Обама обещает полную поддержку со стороны США и выражает надежду на сотрудничество со всеми, кто принимает подлинную и всеобъемлющую демократию. Большая роль в этом процессе отводится структурам гражданского общества, включая официально непризнанным местными властями.

Среди прав человека президент США особо выделяет право граждан избирать своих собственных лидеров, упоминая при этом Ирак, Сирию, Йемен и Иран.

Примечательно, что в этот список не попадают монархические режимы БСВ, в которых не только это право, но и многие другие не реализуются и не обсуждаются. Единственная оговорка делается дальше в выступлении относительно Бахрейна, но без серьезных выводов для статус-кво этого государства. Населению ближневосточных обществ настойчиво предлагается господствующий западный либерально-демократический дискурс, который должен определить их новую идентичность.

В выступлении четко прослеживается абсолютизация либеральной демократии, игнорируется концепция культурного релятивизма и, соответственно, не употребляется понятие цивилизации.

В той же тональности выступает по проблеме взаимосвязи демократии и гражданского общества в мусульманском мире Государственный секретарь США Хиллари Клинтон. В июле 2011 г. она говорила о том, что «здоровье демократий зависит от здоровья гражданского общества... Мы видим это на Ближнем Востоке и в Северной Африке... Мы должны защищать гражданское общество. Мы считаем, что взаимодействие с гражданским обществом, так как это делают США в нашем новом стратегическом диалоге с гражданским обществом, помогает нам лучше узнать о том, как им

помочь... они являются теми, кто находится на передовой линии фронта демократии». Защита гражданского общества в странах БСВ осуществляется целым рядом структур американского правительства и международными неправительственными организациями. Об одной из таких структур («Инициатива по партнерству на Ближнем Востоке» – МЕРІ) мы уже упоминали выше.

Ее деятельность показательна для иллюстрации нашей интерпретации подхода США к демократизации мусульманского общества.

Заместитель помощника государственного секретаря США Тамара Витт, курирующая «Инициативу по партнерству на Ближнем Востоке» (ИПБВ), полагает, что этот институт является важной частью усилий США по расширению взаимодействия с регионом для укрепления гражданского общества, а также по поддержке изменений в этих обществах. ИПБВ давно предоставлял гранты непосредственно местным группам гражданского общества на Ближнем Востоке.

Если пять лет назад только небольшая часть грантов ИПБВ напрямую поддерживала институты местного гражданского общества, то за эти годы сделано многое для расширения поддержки местного населения. И сегодня из более чем 200 текущих проектов ИПБВ в 17 странах не менее половины – местные гранты – для прямой поддержки организаций местных граждан, стремящихся осуществить изменения в своих обществах.

Кроме того, во всех проектах с международными неправительственными организациями ИПБВ стимулирует их создавать партнерские отношения с местными организациями, развивать и расширять местный потенциал. Внешняя помощь со стороны США, полагает сотрудник Государственного Департамента США, также важна как инструмент для реагирования на события «арабской весны».

К примеру, в Тунисе до начала «арабской весны» весь объем помощи составлял 2 млн. долл. США и было предоставлено несколько грантов ИПБВ для поддержки независимого гражданского общества Туниса. Начиная с января в поддержку демократии Туниса было изыскано более 30 млн. долл. США, из которых 20 млн. долл. составляли инвестиции ИПБВ, наряду с поддержкой от других государственных структур и Американского Агентства по международному развитию (USAID). Благодаря такой помощи в Тунисе и Египте молодые люди, участвовавшие в свержении прежних режимов, также создали десятки новых неправительст-

венных организаций и общественных движений. Тамара Витт уверена, что несмотря на репрессии правительств, гражданское общество в арабском мире резко выросло за последние несколько лет.

Сильное, активное гражданское общество является важнейшим условием для демократического развития и здоровья демократии. Поддержка гражданского общества должна оставаться в центре внимания усилий США как по оказанию помощи, так и в дипломатии.

В Египте после революции ИПБВ уже предоставил несколько десятков новых грантов институтам местного гражданского общества для поощрения терпимости и плюрализма, для просвещения избирателей, а также для содействия включению женщин в политический процесс. Тамара Витт подчеркивает, что поддержка демократии не может быть ограничена только помощью гражданскому обществу. Необходимо также способствовать созданию сильных демократических институтов – парламента, правоохранительных, судебных органов, и многого другого, что может быть использовано и может реагировать на требования гражданского общества, поэтому как гражданское общество, так и демократические институты являются двумя ключевыми областями для инвестиций со стороны США.

Соответственно, ключевыми компонентами демократии на Ближнем Востоке должны стать сильные демократические институты, активное гражданское общество, всеобщие права человека, беспристрастное верховенство закона и равенство для всех, включая женщин и меньшинства.

Такова позиция официальных лиц, – позиция сугубо идеологическая, сочетающая идеализм и прагматизм, геополитику и бизнес-интересы. Она сильно упрощает социальную и политическую реальность, представляя американское видение мира в качестве единственного и универсального.

Критики такого подхода называют его либеральным фундаментализмом или культурным империализмом, который, в свою очередь, встречает противодействие со стороны иных фундаментализмов, в частности в данном регионе это исламский фундаментализм.

Более конкретно о процессе создания демократии и гражданского общества в регионе БСВ рассуждает американский публицист Михаэль Мандельбаум. В отличие от политических деятелей он осторожно замечает, что демократия, и особенно свобода, не является чем-то вроде пиццы, которую можно заказать в

другом месте и доставить в готовом виде – свобода не может быть полностью импортирована из-за рубежа. Процесс создания демократии лучше всего сравнить с выращиванием дерева. Пытаясь объяснить неразвитость демократии в арабском мире, Михаэль Мандельбаум обращает внимание на то, что во многих странах демократия и свобода возникли вследствие формирования рыночной экономики. Экономика создает богатство, которое производит средний класс – социальную основу демократической политической системы. Благодаря рыночной экономике и возникает гражданское общество. Свободная рыночная экономика действует как своего рода троянский конь для демократии, способствуя поражению авторитарных режимов и прокладывая путь к свободе. Но почему арабские страны не смогли следовать этому образцу? Одни арабские страны имеют сверхдоходы от нефти, а другие успешно отыскивают внешние источники доходов (помощь), не зависящие от успешного функционирования рыночной экономики. Это препятствует демократизации и способствует выживанию недемократических правительств в регионе.

Среди других причин отсутствия демократии в арабском мире Михаэль Мандельбаум называет влияние ислама, а также этническую, религиозную и национальную неоднородность большинства обществ региона. Будущее Ирака, полагает он, будет определять судьбу демократии в арабском мире. Утверждение иракской демократии с помощью США могло бы способствовать преодолению препятствий на пути демократизации арабского мира. Это продемонстрировало бы, что арабский ислам и демократия могут сосуществовать в стране, где нет недостатка в религиозном благочестии. Другие арабы увидели бы возможность существования гармонии без принуждения между суннитами и шиитами, между арабами и курдами.

Признавая неспособность мусульманских стран самостоятельно создать институты современного гражданского общества, М. Мандельбаум делает вывод о необходимости принудительной демократизации таких обществ. В духе концепции реформирования «Большого Ближнего Востока» он надеется на то, что этот процесс поможет решить основные проблемы ближневосточных обществ, в частности избежать религиозных и этнических конфликтов.

На самом деле происходит обратное.

Насильственное свержение светских политических режимов приводит к исламизации политической и культурной жизни таких

стран, как Ирак, Египет, Тунис, Ливия. На Ближнем Востоке усиливается политический конфликт суннитских и шиитских политических сил и стран (в частности, противостояние суннитских Турции, Саудовской Аравии, Катар против шиитских политических режимов Сирии и Ирана). В определенной степени это можно считать монархической суннитской контрреволюцией против исламской иранской революции.

Внешняя поддержка институтов гражданского общества в целом ряде стран Ближнего Востока также способствовала активному протеканию событий «арабской весны». Российский ученый и политик Ватаняр Ягья считает существенным влияние, оказанное некоторыми структурами США на события в арабских странах, которые он отказывается называть «арабской весной», но дает этому явлению собственное название «арабские цунами». По его мнению, американская общественная организация Национальный фонд развития демократии активно работала с лидерами арабской молодежи, обучала их на семинарах в США, в Европе и в арабских странах. Изучался и опыт сербской молодежной организации «Отпор», участвовавшей в свержении режима Милошевича.

Джаред Коэн, бывший поочередно советником Кондолизы Райс и Хиллари Клинтон, организовал в США «Альянс за молодежное движение». Филиал этой структуры – группа «6 апреля» – способствовала выходу на площадь Тахрир сотни тысяч протестующих против режима бывшего президента Египта Мубарака. Структура, созданная Джорджем Соросом, финансировала радиостанцию «Калима», служившую информационным центром оппозиции в Тунисе. Экономическое и геополитическое объяснение отношения Запада к политическим переворотам 2011 г. в арабском мире также широко используется российскими авторами применительно к районам (странам) с большими запасами нефти или газа.

Так, А. Вашеров, прогнозируя развитие обстановки в мире, высказывает предположение, что если такой район еще не находится под контролем одного из современных геополитических центров силы (США, ЕС, Россия, Китай), то в нем с большой вероятностью может быть использована технология «арабской революции» («наличие угнетенного народа», «низкий уровень жизни в стране», «притеснение оппозиции», «отсутствие демократических свобод»). А. Вашеров полагает, что наиболее привлекательным с экономической и геополитической точки зрения регионом (после Персидского залива и Северной Африки) является регион Каспийского моря и Центральная Азия.

Наряду с указанными выше геополитическими центрами силы, воздействующими на ближневосточный регион, в последние годы утверждают себя в качестве таковых Турция, а также монархические государства Саудовская Аравия и Катар. Как полагает Д.Б. Малышева, в целом «арабская весна» помогла Эр-Рияду и Дохе продолжить переформатирование Ближнего Востока по своему сценарию, в соответствии с которым на месте светских утверждаются религиозно-ориентированные режимы, близкие по своим идеологическим и политическим установкам суннитско-фундаменталистским правителям аравийских монархий и способные стать их союзниками против распространения (из Ирана) шиитского влияния.

Таким образом, именно руководители стран Персидского залива пока извлекают наибольшую выгоду из «арабской весны», одним из последствий которого стала деформация в ряде арабских стран светских режимов, разрушение в них зачатков политического плюрализма и создание перспектив для установления политических систем, близких к теократическим. Получается, что принудительная демократизация ряда секулярных политических режимов в мусульманских странах на деле приводит к архаизации общества и его исламизации. «Демократизация» влечет за собой борьбу за власть и дестабилизацию конкретных обществ и региона в целом. До этого был аналогичный опыт внешнего вмешательства в мусульманские страны под предлогами борьбы с терроризмом (Афганистан) или ликвидации запасов оружия массового уничтожения (Ирак).

В Сирии более года продолжаются вооруженные столкновения правительственных войск и повстанцев, поддерживаемых извне под предлогом устранения деспотического режима Башара Асада. На очереди вмешательство в Иран под предлогом прекращения его программы создания ядерного оружия. Помощь повстанцам под предлогом защиты мирного населения в Ливии на самом деле оказалась международной операцией по свержению политического режима М. Каддафи. В этой операции смена режима была осуществлена не прямым военным вмешательством, а посредством поддержки сил, боровшихся с Каддафи внутри страны. «Развертывание событий в Ливии и Сирии более походит на попытку убрать “девиантные” арабские режимы под шум гроз “арабской весны”».

Миротворческая деятельность ООН была доверена НАТО, превратившейся в институт силового вмешательства во внутрен-

ние конфликты стран, которые не являются участниками этой военно-политической организации. «Ливийская кампания, – полагает И.Н. Куклина, – стала очередным свидетельством легитимации вмешательства извне во внутренние дела суверенного государства с опорой на военную силу, что превратилось в последние десятилетия в основную тенденцию международной политико-правовой практики».

Можно ли «арабскую весну» 2011 г. называть переходом от деспотизма к демократии? Мы согласны с оценкой этого процесса А.М. Васильевым, который полагает, что степень научной обоснованности термина «демократические революции» к этим процессам будет ясна позже. «Пока же мы невольно пребываем в плену стереотипов восприятия и ожиданий того, что революция повлечет за собой переустройство государственного управления на более демократических и прогрессивных началах».

К сожалению, необходимо признать, что два великих мыслителя современности – Жак Деррида и Юрген Хабермас – поспешили в 2003 г. сделать вывод о том, что успехи европейской интеграции дают основание для критического восприятия Западом своей цивилизаторской миссии в незападном мире. «Каждая из великих европейских наций, – писали Жак Деррида и Юрген Хабермас, – в свое время пережила расцвет имперской мощи и – что в нашем контексте важнее – должна была осмысливать опыт утраты империи. Закат империи во многих случаях сочетается с утратой колониальных владений. С растущим отдалением от имперского прошлого и от колониальной истории европейские нации, кроме прочего, получили шанс занять рефлексивную дистанцию по отношению к самим себе. Поэтому они сумели научиться – с точки зрения побежденных – воспринимать самих себя в сомнительной роли победителей, которым приходится отвечать за насилие со стороны насильственно навязанной модернизации, которая лишает народы корней. Это могло бы способствовать отказу от европоцентризма и окрылить кантовскую надежду на мировую внутреннюю политику».

Заключение. Можно полагать, что из двух показанных нами подходов к развитию человечества в настоящее время реализуется подход Ф. Фукуямы, а не С. Хантингтона. Мировая политика осуществляется в контексте представления о прогрессивности и линейности политико-экономического развития мировой цивилизации, в которой Запад выражает высшую форму развития.

Западное сообщество осуществляет в арабских странах мусульманского мира «крестовый поход за свободу» и «кампанию по развитию демократии», включая создание инфраструктуры демократии, частью которой являются институты гражданского общества. Цивилизационная идентичность всех обществ, не входящих в трансатлантическую цивилизацию, игнорируется. Эти общества характеризуются как транзитные и им предлагается осуществить цивилизационный модернизационный скачок к глобальной интеграции.

Если применить по аналогии к нашему материалу представления А.Д. Богатурова о «стратегии перемалывания» на постсоветском пространстве, то можно сказать, что современная глобальная политика США рассчитана на достижение «мягкой мобилизации» ресурсов союзников для достижения общезападных целей под своим руководством, а также на раздробление потенциала социально-политического и культурного противодействия западным устремлениям, в том числе через «стратегию перемалывания».

Итогом такой политики оказывается формирование на пространстве Северной Африки и БСВ сети слабых и неустойчивых новых государств, включенных в сотрудничество и отношения «асимметричной взаимозависимости» с Западом.

Геополитический смысл такой стратегии заключается в повороте США к реформированию всего этого пространства в интересах придания ему новой государственной и коммуникационной структуры, адаптированной под интересы развития мировой экономики и ведущих государств Запада. В основе этой новой структуры Запад предпочитает видеть небольшие и слабые государства, возникающие в процессе разрушения существующих государств.

Под предлогом оказания гуманитарной помощи (интервенции) населению государств, сохранившихся с периода холодной войны, Запад способен провоцировать гражданские войны, сепаратизм и раскол прежних государств.

Низвержение политических режимов под предлогом преодоления их авторитарного или деспотического характера зачастую приводит к разрушению слабо укорененных на западной почве мусульманского общества западного типа институтов государственности и к актуализации традиционных, в том числе архаичных структур государственности и политической культуры. Это можно назвать насильственно навязанной модернизацией по западному

образцу, который был абсолютизирован и превращен в единственную модель развития для всего человечества.

Такую модернизацию в аспекте развития демократии и становления гражданского общества мы наблюдаем в арабских мусульманских странах.

*«Вестник РУДН», сер. «Политология»,
М., 2012 г., № 3, с. 5–16.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**
2013 – 5 (251)

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная графика
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 2/IV-2013 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 9,75 Уч.-изд. л. 9,2
Тираж 300 экз. Заказ № 63

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9